

На правах рукописи

Матунова Галина Александровна

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА
«ЖЕНЩИНА» В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ XX–XXI ВВ.
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ THE GUARDIAN И THE TIMES)

10.02.04 – германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Чупрына О.Г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРА В ЛИНГВИСТИКЕ	12
1.1. Опыт изучения гендера в зарубежной и отечественной научной литературе	12
1.2. Проблемы репрезентации гендера в языке, речи и дискурсе СМИ.....	25
1.3. Опыт лингвистических исследований концепта <i>женщина</i>	39
Выводы по Главе 1	54
ГЛАВА 2. БРИТАНСКАЯ ПРЕССА И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XX ВЕКА. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА <i>ЖЕНЩИНА</i> В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ 1909– 1914 ГГ.	56
2.1. Женщины в британской прессе начала XX века.....	56
2.2. Языковые средства моделирования концепта <i>женщина</i> в газетах The Times и The Guardian начала XX века.....	69
2.3. Языковая репрезентация социальных ролей женщины в газетах The Times и The Guardian начала XX века. Гендерные стереотипы в публикациях начала XX в.	85
Выводы по Главе 2	97
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ПРЕССА И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА <i>ЖЕНЩИНА</i> В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ 2013–2018 ГГ.	100

3.1. Женщины в современной британской прессе.....	100
3.2. Языковые средства моделирования концепта <i>женщина</i> в газетах The Times и The Guardian начала XXI века.....	109
3.3. Языковая репрезентация социальных ролей женщины в газетах The Times и The Guardian начала XXI века. Гендерные стереотипы в публикациях начала XXI в.....	125
Выводы по Главе 3.....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	146
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	149

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию средств языковой репрезентации концепта *женщина*, которые использовались в британских газетах *The Times* и *The Guardian* в начале XX и в начале XXI веков. Выбор данных временных отрезков для лингвистического анализа обусловлен особыми социальными изменениями, происходящими в эти периоды. Первая декада XX века характеризуется активным развитием женских движений в борьбе за право политического голоса и равноправие на рабочих местах. Суфражистские женские движения появились в Великобритании еще в XIX веке, но достигли своего пика в первой декаде 20-го столетия, что можно связать в первую очередь с социальными трансформациями: в обществе зрело положительное отношение к борцам за равноправие женщин. В Великобритании начала XXI века все еще реализуются изменения, начавшиеся в обществе ранее, в 1970-х годах, а именно включение вопросов гендерных отношений в повестку общественной жизни. Таким образом, начало XX и начало XXI веков можно рассматривать как результирующие этапы, на которых социальные изменения становятся максимально глубокими и находят отражение в языке. Сравнительный анализ газетных статей периодов начала XX и начала XXI вв. позволил выявить значимые преобразования языковой репрезентации концепта *женщина*.

Начало восьмидесятых годов XX века можно по праву назвать расцветом гендерных исследований, проводимых, в том числе, и в языкознании, что привело к появлению в научной парадигме так называемой *гендерной лингвистики*, а также всеобщему признанию категории гендера предметом изучения не только в грамматических, но и многих других лингвистических научных работах. Изначальное понимание гендера исключительно как грамматической категории к 60-м годам XX в. значительно расширилось: именно тогда американский исследователь Роберт Столлер сформулировал определение гендера как социально-психологической категории. Сегодня гендерные исследования входят в

парадигму социологических, психологических, и, безусловно, лингвистических исследований.

Диссертационное исследование посвящено изучению развития средств языковой репрезентации и моделированию концепта *женщина* в британских газетах *The Times* и *The Guardian* в течение двух временных отрезков: с 1909 по 1914 и с 2013 по 2018 гг.

Этот многогранный феномен рассматривается в рамках дискурсивного, синхронно-диахронного и концептуального подходов.

Отличие настоящей работы от уже существующих работ по гендерной лингвистике состоит в динамическом анализе, который предполагает соединение синхронического и диахронического подходов к научному исследованию.

Актуальность исследования обусловлена обострённым вниманием к вопросам концептуализации в языке внешнего мира и взаимоотношений человека с ним, а также к вопросам проявления гендера на разных языковых уровнях. Подобный интерес делает актуальной дальнейшую разработку методов моделирования языкового концепта и методов изучения гендера в лингвистике. Недостаточная исследованность языкового выражения гендерных отношений также делает данную работу актуальной.

Научная новизна диссертации обусловлена выбором материала для исследования: выполнен синхронно-диахронный анализ статей в ведущих британских газетах *The Times* и *The Guardian*, опубликованных в течение двух хронологических периодов, разделяемых столетием (1909–1914 и 2013–2018 гг.). Новым является моделирование гендерных отношений как составной части концепта *женщина* в дискурсе британских СМИ.

В основу **гипотезы** исследования легло несколько предположений относительно динамических особенностей концепта *женщина*, в частности:

- В рамках рассматриваемого временного периода выбор языковых средств, с помощью которых формируется концепт *женщина* в печатных СМИ, зависит от развития гендерных отношений в британском обществе.

- Викторианские стереотипы относительно женщин значительно стерты и явно не прослеживаются в современных публикациях газет The Times и The Guardian.

- Фреймовые представления концепта *женщина* будут различными в начале XX и начале XXI веков.

- Общим для структур концепта *женщина* в XX и XXI вв. будет фрейм «Биолого-физиологические характеристики».

Объектом исследования является концепт *женщина*, представленный в печатных изданиях The Times и The Guardian в период с 1909 по 1914 и с 2013 по 2018 гг.

Предметом исследования являются лексические средства, используемые для описания женщин, отражения их положения в обществе и отношения общества к женщинам в британских изданиях The Guardian и The Times в период с 1909 по 1914 г. и с 2013 по 2018 г.

Материалом исследования стали 120 статей из архива газет The Guardian и The Times начала XX века и 70 статей из газет The Guardian и The Times начала XXI века, общим объемом 50 000 слов. Из этого объема было выделено 790 лексических единиц, подвергнутых описанию и анализу. Количественная диспропорция исследуемого материала (120 архивных статей и 70 современных статей) обусловлена большей плотностью релевантных лексических единиц в современных статьях. Тематика статей касалась следующих сфер: политические новости, домоводство, мода и красота.

Для получения корпуса слов, которые рассматриваются как ключевые репрезентанты концепта *женщина*, анализировались соответствующие статьи толковых словарей английского языка начала XX в.: The Oxford English Dictionary – A New English Dictionary on Historical Principles (1933), Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles (1937), H. W. Fowler's Dictionary of Modern English Usage (1926), а также данные современных электронных толковых словарей и тезауруса: Longman Dictionary of Contemporary English, Collins English

Dictionary, Thesaurus of the English Language, Merriam-Webster Dictionary And Thesaurus и визуального словаря Visuwords.

С целью выявления языковых средств, отражающих концепт *женщина* в исследуемых газетных изданиях Великобритании начала XX в. и начала XXI в., была проведена сплошная выборка лексических единиц, а также дифференцированная выборка по ключевым словам из архивов британских газет The Times и The Guardian за два пятилетних периода, разделенных столетием (1909–1914 и 2013–2018). Отбирались контексты, содержащие описание лиц женского пола, а именно: субстантивные и предикативные конструкции, релевантные для передачи представлений о женщине и ее действиях. Из анализа исключались рекламные объявления (classified advertising), рубрики криминальной хроники (law), некрологи (obituary) и списки состоявшихся свадеб (marriages). В работе при этом не ставилась задача исследовать специфику статей с точки зрения мужского или женского авторства. Средства массовой информации, в том числе издания The Times и The Guardian, откликаются на мнение целевой аудитории и соответствуют ее ожиданиям. Журналисты, работающие в газете и для газеты, выражают позицию самого печатного издания и отражают мнение определенной части общества. Исходя из данного предположения, установление авторства газетных публикаций не являлось задачей настоящего исследования.

Автор диссертационного исследования уделил значительное внимание тому, как понятие *концепт* рассматривается в отечественной лингвистике. Многоаспектный характер концепта позволяет ученым выявлять все больше его особенностей: рассматриваются определения *концепта* и его природы, данные Д.С. Лихачевым, С.Г. Воркачевым, В.А. Масловой, Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдыревым. Ю.С. Степановым. Так, Н.Н. Болдырев предлагает понимать концепт как «идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления», а Ю.С. Степанов рассматривает концепт как «сгусток культуры», «факт культуры». Однако, как отмечает Ю.Е. Прохоров,

многочисленные определения концепта не противоречат друг другу, а наоборот, дополняют друг друга.

В работе мы отталкиваемся от следующего самостоятельного определения концепта, сформулированного на основе существующих в литературе определений: концепт – это *совокупность представлений и знаний о каком-либо объекте или явлении окружающей действительности, которые основываются на общем и индивидуальном культурно-языковом опыте и имеют культурную коннотацию*. При исследовании выбранного концепта проводится анализ не только атрибутивной, номинативной, предикативной сочетаемости его лексических репрезентантов, но и гендерных стереотипов, анализ которых также способствует моделированию концепта *женщина*.

Теоретической базой исследования являются положения, разрабатываемые в рамках:

- гендерной лингвистики (Е.Н. Бахарева, Е.В. Витлицкая, Е.И. Горошко, Е.С. Гриценко, Евграфова Ю.А., А.В. Кирилина, И.В. Хохлова, R. Stoller, R.Lakoff, W.Lippman)
- когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, М.В. Пименова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, G. Lakoff)
- лингвокультурного и концептного анализа (Н.Н. Болдырев, Г.Г. Бондарчук, Л.А. Грузберг, О.Г. Чупрына)
- исследования дискурса СМИ (Добросклонская Т.Г., А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Т.А. van Dijk, Z. Harris, M. Pecheux).

В соответствии с вышеизложенным **цель диссертационного исследования** сформулирована следующим образом:

- выявить основные лексическо-семантические средства репрезентации концепта *женщина* как социально и гендерно обусловленной модели в британских газетах The Guardian и The Times начала XX века и начала XXI века, определить их аксиологию и динамику развития.

Для достижения данной цели в работе поставлены следующие **исследовательские задачи**:

- выполнить критический анализ научных публикаций по проблеме гендера в лингвистике,
- проанализировать научные работы, посвященные конструированию концепта *женщина*, определить методiku описания языковой репрезентации данного концепта в существующих работах,
- описать основные особенности британских газет The Guardian и The Times на двух выбранных временных отрезках,
- установить основные темы газетных публикаций, соотносящиеся с гендерными отношениями, в каждом из рассматриваемых периодов,
- разработать критерии отбора контекстов с гендерным наполнением,
- осуществить сплошную выборку контекстов в соответствии с разработанными критериями,
- выявить минимальные контексты с гендерным смыслом,
- составить корпус лексических единиц, подлежащих семантическому анализу,
- установить языковое наполнение концепта *женщина* на двух временных отрезках,
- проанализировать языковое выражение гендерных стереотипов.

Для решения указанных задач были использованы следующие **методы**:

- сплошная выборка контекстов,
- анализ словарных дефиниций,
- уровневый анализ структуры концепта,
- метод построения фреймов,
- сопоставительный и сравнительный анализ,
- интерпретационный анализ.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшем изучении методов концептного анализа (термин Л.А. Грузберг) [Грузберг 2011] и

разработке гендерных исследований в лингвистике. Теоретически значимым является использование анализа лексических оппозиций и стереотипов как основы изучения гендерного концепта.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материала исследования и его результатов в курсах по гендерной лингвистике, дискурсу британских СМИ и межкультурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт *женщина* может быть представлен как фреймовая структура, объединяющая в себе фреймы биолого-физиологических, ментально-психических, социокультурных характеристик.

2. Концепт *женщина* может быть смоделирован на основе анализа лексических пар, противопоставленных друг другу по оценочному признаку «положительное – отрицательное», в оппозициях «мужчина – женщина» и «норма – отклонение», как внутри самого концепта *женщина*, так и в противопоставлении с концептом *мужчина*.

3. Динамика концепта *женщина* и изменения в выборе языковых средств для его представления предопределены историко-культурной ситуацией, ведущими социально-политическими тенденциями и общественным мнением.

4. Лексическое наполнение слотов фреймовой структуры концепта *женщина* в публикациях XX и XXI вв. будет различным за счет изменения синонимических и антонимических рядов, наполняющих слоты, и последующего расширения/сужения слотов.

Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях общим объемом 4,2 п.л., в том числе в 3 статьях объемом 1,7 п.л. в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, и 4 статьях, входящих в список Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Результаты научного исследования были **апробированы** на конференциях:

- «Новое слово в науке и образовании» (Минск, Белоруссия, 3.10.2016),
- «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики» (МГПУ ИИЯ, 24.03.2016),

- «Современная англистика и американистика: актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (МГПУ ИИЯ, 27.04.2017).

Структура диссертации определяется её целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, состоящего из 200 наименований научных публикаций, из которых 97 – на иностранных языках (английский, французский), 20 словарей и энциклопедий.

Во **Введении** дается обоснование выбора объекта, предмета исследования, актуальности и новизны диссертационного исследования, формулируется гипотеза исследования, определяются цель, задачи работы, используемые в ходе анализа методы и подходы. Указывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1** «Теоретические основы исследования гендера в лингвистике» рассматриваются основные этапы становления гендерных исследований в науке, приводятся актуальные направления гендерных исследований, а также опыт гендерных исследований концепта *женщина*.

В **Главе 2** «Британская пресса и гендерные отношения в британском обществе начала XX века. Языковые средства репрезентации концепта *женщина* в британской прессе 1909–1914 гг.» выполняется анализ британской прессы начала XX века с точки зрения её гендерной направленности, моделируется концепт *женщина* на основе публикаций The Times и The Guardian начала XX в.

Глава 3 «Британская пресса и гендерные отношения в британском обществе начала XXI века. Языковые средства репрезентации концепта *женщина* в британской прессе 2013–2018 гг.» содержит анализ гендерной характеристики современной британской прессы; в этой главе моделируется концепт *женщина* на основе современных публикаций The Times и The Guardian.

В **заключении** обобщаются результаты проведенной исследовательской работы, подводятся итоги выполнения задач, поставленных в начале исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы дальнейшей работы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРА В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Опыт изучения гендера в зарубежной и отечественной научной литературе

Гендерное разделение общества, или социальное разделение по признаку пола, произошло еще в античные времена, когда мужчины традиционно занимались охотой, а женщины воспитывали детей. В научной литературе отмечают, что древнегреческий философ Аристотель ассоциировал «рациональное» с мужским началом, а «эмоциональное» – с женским. Таким образом, Аристотеля можно считать основоположником гендерной теории [Дорофей 2009: 105]. В труде «Политика» Аристотель утверждал, что по своей природе мужчины находятся иерархически выше, чем женщины; мужчины властвуют, а женщины подчиняются [Аристотель 1983: 378]. Из вышесказанного следует, что различия в поведении и социализации мужчин и женщин были замечены в науке достаточно давно, однако комплексный подход к проблеме социального пола, а также дифференциация социального и биологического полов началась только к середине XX века.

Использование понятия «гендер» имеет междисциплинарный характер, поскольку данная категория может быть рассмотрена с точки зрения психологии, социологии, культурологии, языкознания и многих других наук.

В русский язык слово *гендер* пришло из английского языка (*gender*), в котором оно исходно обозначало грамматическую категорию рода. В словаре Фаулера *gender* трактуется именно как грамматическая категория [Fowler's Dictionary 1926: 210]. Спустя несколько лет понятие *gender* расширилось – его стали трактовать в том числе как социо-психологическую категорию.

История изучения гендера в мировой науке может быть разделена на три этапа: этап биологического детерминизма, переходный этап середины XX века и

этап собственно гендерных исследований [Кирилина, 1999]. Данное хронологическое разделение принимают и используют в своих работах такие исследователи гендера, как А.В. Дидрих, М.Н. Просекова, Е.И. Стебунова, Е.С. Зиновьева и др.

Особенностью периода биологического детерминизма является подход к исследованию гендерных различий с точки зрения биологии. Приверженцы биологического детерминизма (Я. Гримм, В. фон Гумбольдт) считали, что грамматические и фонетические характеристики слов способны оказывать влияние на их восприятие [Дежина 2017: 76]. Семантика слов мужского рода казалась более агрессивной, смелой и сильной по сравнению с семантикой слов женского рода, а некоторые гласные и согласные звуки признавались более «мужественными», чем другие [Гумбольдт 1984: 108]. Как отмечают современные исследователи, подобный подход, безусловно, имел субъективный характер [Шахмайкин 1996: 226].

Интерес к гендерным аспектам коммуникации, как считает А.В. Кирилина, значительно возрос в начале XX века (так называемый «переходный этап»), но не выделился в самостоятельное направление [Кирилина 1999].

Среди работ начала XX века, посвященных гендерным исследованиям, следует упомянуть труд Отто Есперсена «Язык, его природа, развитие и происхождение» (*Language, its nature, development and origin*). О. Есперсен посвящает отдельную главу языку женщин и сравнивает его с языком мужчин. Автор замечает, что язык мужчин и женщин некоторых народов стран Карибских островов может отличаться лексическим составом, причем «мужская» лексика может быть табуирована у женщин и наоборот. Кроме того, Есперсен считал, что мужчины употребляют меньше эвфемизмов, чем женщины, а также имеют лучшие способности к изучению иностранных языков [Jespersen 1922 URL]. Ученый полагал, что языковые способности мужчин более развиты, поскольку у мужчин была необходимость использовать иностранные языки на рабочем месте; подобной потребности у женщин просто не возникало. По мнению А.В. Кирилиной, исследования Есперсена базировались исключительно на его личном

опыте общения в кругу мужчин и женщин и потому выводы Отто Есперсена субъективны [Кирилина 1999].

Клер Мишар, исследователь гендера и автор книги «Пол в лингвистике: семантика или зоология?» (*Le Sexe en Linguistique: Sémantique ou Zoologie?*) констатирует, что идеи лингвистов начала XX века были сходны по следующим аспектам:

- с морфологической точки зрения, женский род является производным (например, в лексическом ряду профессий – *actor/actress* актер/актриса, *poet/poetess* поэт/поэтесса), кроме того, некоторые профессии не имеют деления по половому признаку вообще (*dentist, doctor, detective* – стоматолог, врач, детектив – примеры наши Г.М.);
- с семантической точки зрения женский род имел более узкое значение, чем мужской род: лексема *man* могла употребляться в значениях «мужчина» и «человек», а то время как *woman* обозначало только женщину; *policeman* – полицейский, *fireman* – пожарный, *salesman* – продавец также употреблялись как по отношению к мужчинам, так и к женщинам, несмотря на наличие корня *-man* [Michard 2002: 133].

В работе «Историческая и общая лингвистика» (*Linguistique historique et linguistique générale*) французский лингвист, исследователь индоевропейских языков А. Мейе назвал женский грамматический род «подродом», который фактически не может быть противопоставлен полноценному мужскому роду [Meillet, цит. по Michard 2002: 33].

Традиционно началом гендерных исследований принято считать 60-е гг. XX в. В 1958 г. психоаналитик Роберт Столлер, работавший в университете Калифорнии (Лос-Анжелес, США), ввел в научный оборот термин «гендер» [Stoller 1984: 6]. В научной монографии «Пол и гендер» (*Sex and Gender*) Роберт Столлер противопоставляет понятия *sex* и *gender*, которые с первого взгляда могут показаться сходными. По мнению автора, обширность и размытость понятий *sex* и *sexuality* обуславливают необходимость введения в науку термина «gender». Поскольку понятия *sex* (пол) и *sexual* (половой) относятся к биологии

или анатомии, Роберт Столлер предложил использовать термин *gender* (гендер) для обозначения чувств, мыслей, поведения, которые связаны с мужским или женским полом, но не имеют биологической коннотации [ibid]. Согласно Р. Столлеру, гендер является культурно детерминированным, приобретаемым фактором, причем гендерная самоидентификация имеет биологическую основу [ibid: 7]. Словарь гендерных терминов определяет гендер как «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [СГТ 2002: 16].

Гендер, исходя из вышесказанного, является более широким понятием, чем пол, поскольку областью гендерного изучения могут быть социальные интеракции, самосознание и самоопределение человека, влияние культуры на самоидентификацию, отношение общества к представителям различных гендерных категорий и многие другие вопросы.

Оппозиция *sex/gender* четко различима при обращении к Тезаурусу английского языка. Согласно Тезаурусу, «sex – either the male or female division of a species, especially as differentiated with reference to the reproductive functions» (пол – разделение вида на мужской и женский в основном по репродуктивным свойствам), «gender – either the male or female division of a species, especially as differentiated by social and cultural roles and behavior» (гендер – разделение вида на мужской и женский в основном по социальным и культурным ролям, а также поведению). Помимо этого, в электронном словаре английского языка приводится определение понятия *third gender* как социальной самоидентификации человека, отличной от мужского или женского самосознания: «a person who identifies as a gender other than male or female or as neither male nor female» [Dictionary URL]. Следовательно, можно сделать вывод о возможности линейного противопоставления *sex* и *gender* как самостоятельных категорий в английском языке, причем *gender* будет обладать более обширными характеристиками.

Обращаясь к истории развития гендерных исследований в мире, необходимо отметить, что новые философские веяния середины 50-х годов XX века (постмодернизм) способствовали развитию категории «гендер» и

предопределили её современное состояние. Эпоха постмодернизма привела к изменению традиционных гендерных ценностей и отношений. Н.А. Зуева утверждает, что постмодернизм дает возможность рефлексии гендерных отношений, поскольку построение объективной картины социальной действительности требует исследования не только маскулинного опыта, но и фемининного опыта. Данное требование было бы невозможным в рамках модернистского течения, поскольку в модернистском дискурсе категории маскулинности и феминности воспринимались как иерархические [Зуева 2004: 5]. В статье «Гендер как инновационный научный и философский дискурс» исследователь в области педагогики и психологии Е.Э. Шишлова сравнивает различные подходы к трактованию понятия «гендер» и предлагает определение, которое отражает современный научный взгляд на данную категорию: «гендер – это динамический конструкт, отражающий роль биологических и социально-психологических факторов поведения мужчин и женщин в конкретной культурно-исторической среде» [Шишлова 2013: 148].

В диссертационной работе С.В. Михайловой «Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века» содержится важное замечание о характере лингвистических гендерных исследований в эпоху постмодернизма. Автор отмечает, что изучение стереотипных представлений о мужчинах и женщинах в языке, а также особенностей речевого поведения мужчин и женщин было в центре лингвистических гендерных исследований второй половины XX в. [Михайлова 2012: 39].

Одной из основных работ, повлиявших на развитие так называемой «второй волны» феминизма и гендерных исследований, является книга философа Симоны де Бовуар «Второй пол» (*Le Deuxième Sexe*). Она была опубликована самом конце 40-х гг. XX века, когда тема «Женщина» вызывала раздражение, особенно, как писала С. де Бовуар, у женщин. Симона де Бовуар считала значимой саму постановку вопроса «что такое женщина?». В связи с этим она делится с читателями наблюдением относительно того, что «мужчине никогда не пришло бы в голову писать книгу об особом положении людей мужского пола в

человечестве» [Бовуар 2017: 9]. Мужчина воспринимает то, что он мужчина как само собой разумеющийся факт. Философ утверждала, что идентификация женщины должна начинаться с заявления «я – женщина!». По её мнению, симметричность деления на «мужской» – «женский» имеет место только в записях актов гражданского состояния и в удостоверениях личности. В подтверждение этой мысли С. Де Бовуар пишет: «Два пола соотносятся не так, как два электрических заряда или полюса: мужчина воплощает в себе как положительное, так и нейтральное начало, вплоть до того, что по-французски *les hommes* значит одновременно и «мужчины», и «люди»: частное значение латинского слова *vir* слилось с общим значением слова *homo*. Женщина предстает отрицательным началом, причем любое свойство вменяется ей как ограничение, без обоюдности» [ibid].

Автор приходит к выводу о том, что изучением проблем женщин должны заниматься сами женщины, а для достижения настоящей свободы мужчинам и женщинам «необходимо возвыситься над своими естественными различиями и заключить между собой подлинно братский союз» [Бовуар 2017: 19, 520]. Мысль Симоны де Бовуар о необходимости стирания различий между мужчинами и женщинами лежит в основе отказа от гендерных стереотипов.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX века под влиянием движения феминизма появляется своеобразное ответвление в лингвистике – феминистская лингвистика. Согласно Словарю гендерных терминов под редакцией А.А. Денисовой, главная цель феминистской лингвистики «состоит в разоблачении и преодолении отраженного в языке мужского доминирования в общественной и культурной жизни» [СГТ 2002].

Робин Лакофф, основоположница феминистской лингвистики, в работе «Язык и место женщины» (*Language and Woman's Place*) пишет, что язык способен показать природу и степень распространения любого социального неравенства. Согласно Р. Лакофф, среднестатистическая женщина постоянно подвергается лингвистической дискриминации: если она не умеет разговаривать «как леди», над ней смеются и ее осуждают за расплывчатость мыслей [Lakoff 1973: 45].

Развитию и расширению гендерных исследований (*gender studies*) способствовали движения феминизма, объединяемые под названием «второй волны» в зарубежных странах в 1960-х годах. В 1970-х годах к женскому движению стали присоединяться представительницы различных рас, отличных от европейской; представительницы женского движения боролись за равноправие на рабочих местах, большое внимание уделялось роли женщины в обществе. В статье «Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы» Н.Л. Пушкарева, известный российский историк и основоположник гендерной истории, отмечает, что в 70-х гг. XX века появление термина «гендер» как социопсихологического понятия способствовало развитию так называемых «женских исследований» (*women's studies*). Последовательницы данного научного направления изучали роль женщин в исторических процессах. В их работах присутствовал женский взгляд на женщину и ее роль в общественном развитии [Пушкарева 1998: 76]. Иными словами, исследования, авторами которых были женщины, в основном были направлены на изучение достижений женщин в сравнении с достижениями мужчин.

К середине 80-х гг. XX века в науке возникла необходимость переименования направления «женских исследований» в «гендерные исследования». Нельзя не согласиться с утверждением Дж.Мейерович о том, что гендерные исследования имеют бóльшую почву для изучения, в отличие от исключительно женских исследований [Meyerowitz 2008]. Для лучшего представления о развитии гендерных исследований зарубежом, необходимо упомянуть наиболее значимые периоды развития и изучения гендера в той хронологической последовательности, которая содержится в работе «История женских исследований» [The History of Women's Studies URL].

В 1970 году появляется первая официальная образовательная программа по женским исследованиям в Университете Сан Диего.

Несколько позже, в 1980-х гг. появляются мужские исследования (*men's studies*) в ответ на уже существовавшие женские исследования. Необходимо отметить, что женские исследования (*women's studies*), согласно словарю Merriam-

Webster, – это междисциплинарные исследования, направленные как на изучение социального статуса женщин и вклада женщин в развитие общества, так и на изучение взаимосвязи гендера и власти [Merriam-Webster URL]. Мужские исследования (*men's studies*), напротив, направлены на изучение маскулинности, социального статуса мужчин, и, так же, как и в женских исследованиях, на изучение взаимосвязи гендера и власти [ibid].

Последователи мужских исследований стремились разрушить полоролевые стереотипы. Помимо этого, причиной возникновения мужских исследований послужило переосмысление мужской гендерной роли и признание ее ограниченности [СГТ 2002]. На сегодняшний день мужские исследования входят в общую программу гендерных исследований; существуют центры мужских исследований, например, *Center for the Study of Men and Masculinities* в университете Стони Брук (Stony Brook University, New York). Среди основных научных направлений в области мужских исследований можно назвать следующие: трансформация образа мужчины и его гендерной роли, мужская идентичность, феномен отцовства, гомофобия и гомосексуализм, мужская проституция, маскулинность [Орлянский 2004: 47].

Идеальный образ женщины, который до 1980-х гг. воспринимался как «женщина белой расы, среднего класса, гетеросексуальная, христианка», получает переосмысление в рамках женских исследований [The History of Women's Studies URL]. На фоне изменения понимания гендерных норм и отношений в обществе сформировались многочисленные феминистские группы афроамериканок, латинок, азиаток, представительниц сексуальных меньшинств.

В 1990-х гг. после выхода публикаций «Падение справедливости: как обманывают девочек в американских школах» и «Как школы обчитывают девочек» (*Failing at Fairness: How America's School Cheat Girls; How Schools Shortchange Girls*) [How schools shortchange girls 1992: 16] большое внимание в женских исследованиях стали уделять гендерному равноправию в детских садах и школах. В частности, в публикации *How Schools Shortchange Girls* отмечается, что, несмотря на общее снижение гендерного неравенства в школе, зачастую

девочки получают более поверхностные знания по математике и прикладным наукам исключительно из-за предубеждений педагогов относительно неспособности девочек постигать эти предметы. Результатом подобного отношения педагогов стала низкая самооценка девочек по сравнению с мальчиками, несмотря на то, что в начальной школе интерес к этим дисциплинам был у девочек выше, чем у мальчиков [ibid].

В этот же период (1990-е гг.) начинается так называемая «третья волна феминизма». Основная идея ее представительниц заключалась в том, что женщина способна на любое достижение, если это будет ее осознанный выбор. Основными целями феминизма «третьей волны» являются:

- борьба со всеми возможными причинами, которые порождают общественную несправедливость по отношению к женщинам,
- предоставление женщинам образования [СГТ 2002].

В 2000-х гг. становится актуальным вопрос выбора названия для научной дисциплины «женские исследования» как направления высшего образования. На сегодняшний день в зарубежных университетах не существует единого названия для научного курса гендерных исследований: *gender studies* (University of Cambridge, University of California Los Angeles), *gender and women's studies* (University of California Berkeley, University of Arizona), *women's studies* (San Diego State University, University of Maryland). Студенты имеют возможность специализироваться в гендерных исследованиях и получить степень магистра или бакалавра. Центры гендерных исследований присутствуют практически в каждом зарубежном заведении высшего образования, что говорит о востребованности и актуальности данного направления.

В отличие от зарубежных гендерных исследований, в отечественной науке изучение гендера началось сравнительно недавно; вместо терминов «гендер» и «гендерный» в некоторых современных научных работах ученые предлагают использовать иную терминологию. Например, С.А. Ушакин, занимающийся вопросами национально-половой идентичности в России, в статье «Поле пола: в центре и по краям» предлагает использовать слова *пол* вместо *гендер*, поскольку

калькирование термина «гендер» в русском языке не является критическим и может быть заменено словосочетаниями *социальный пол* или *биологический пол*. Автор настаивает на необходимости отказа от русификации английских терминов, поскольку это приводит к появлению в языке «концептуальных уродцев» [Ушакин URL].

Вслед за С.А. Ушакиным, О.В. Рябов говорит о необходимости осторожного использования заимствований в отечественном научном языке. Однако О.В. Рябов относится к термину «гендер» с меньшей категоричностью. Он считает, что категория «пол» не способна в полной мере заменить категорию «гендер». Тем не менее, автор не предлагает отказываться от употребления категорий «социальный пол» и «биологический пол»: «мы предлагаем иметь в виду, что они обозначают скорее биологическую и социокультурную составляющие пола», «пол и гендер соотносятся друг с другом как целое и часть» [Рябов 2001: 10]. Иными словами, категории «пол» и «гендер» в русском языке не могут стоять в линейной оппозиции, поскольку гендер, как социокультурный пол, является частью пола, который можно разделить на биологический и социокультурный. Поскольку понятие «гендер» уже используется в многочисленных отечественных научных работах, отказ от использования калькированного термина не является целесообразным.

А.В. Кирилина утверждает, что соотношение понятий *sex/gender* в английском языке не вполне соответствует понятиям в русском языке, что может вызывать трудности при чтении специализированной литературы. Тем не менее, она считает устоявшимся словосочетание «гендерные исследования»: «гендер» не может быть удален из научного терминологического аппарата, поскольку именно эта лексема присутствует в названиях научных дисциплин и в научных работах [Кирилина URL].

Как было отмечено ранее, отечественные исследования гендера не развивались параллельно с зарубежными. Различные отрасли науки не испытали влияния многочисленных «волн» феминизма, а обвинения в сексизме употребляемого языка не повлияли на русский язык в той степени, как подобные

обвинения повлияли на английский язык. Тем не менее, будет неправильным утверждать, что в Советском Союзе не занимались исследованиями гендера. Вследствие того, что движения феминизма не коснулись Советского Союза, причины развития гендерных исследований в СССР были отличны от зарубежных.

В работе «Гендерная система Советской России и судьбы россиянок» Н.Л. Пушкарева рассматривает изменения гендерных отношений в СССР. По словам автора, «гендерный порядок как система социальных межполовых взаимодействий, создавалась и регулировалась государством» [Пушкарева URL].

Регулирование прав женщин получило развитие с самого начала советской власти. Известной общественной организацией, связанной с правами женщин в 1920-х гг., был женотдел. Женотделы являлись широко распространенной организацией, а также весьма действенной формой связи работающих женщин с коммунистической партией. Привлечение женщин в партийные дела позволило уменьшить процент безработицы среди женщин; весьма остро стоял вопрос повышения квалификации женщин и снижения общего уровня безграмотности [Бороздина 1991]. Процесс вовлечения женщин в строительство коммунизма рассматривался как эмансипация [Пушкарева URL]. Кроме того, согласно Конституции РСФСР 1918 г., женщинам предоставлялось полное право голосовать, учиться и работать наравне с мужчинами [Конституция URL]. Данный факт объясняет отсутствие феминистских движений в Советском Союзе, поскольку равноправие женщин и мужчин было закреплено в Конституции с начала XX века.

С другой стороны, Д.С. Лихачев обращает внимание на полное нивелирование разницы между мужчинами и женщинами в советский период, поскольку обращение «товарищ» применялось как по отношению к мужчинам, так и к женщинам: обращение «товарищ» могло быть употреблено «как к школьнику, так и к старухе» [Лихачев 2000: 365]. Обезличивание человека, вероятно, послужило толчком к развитию гендерных исследований в советской науке.

До начала перестройки в СССР не было создано отдельного научного направления по изучению проблем гендера: гендер рассматривался с точки зрения социологии, культурологии, правоведения. И.В. Полевая отмечает, что гендерные исследования в СССР проводили как женщины, так и мужчины [Полевая 2014: 32], в то время как в зарубежных гендерных исследованиях важную роль сыграли работы женщин-ученых. И.В. Полевая делает вывод о более симметричных гендерных ролях в Советском Союзе, поскольку в отечественных исследованиях не было явного преобладания «женского взгляда» на вопрос гендера [ibid].

Первые работы, посвященные проблемам гендера, появились в советской науке примерно в середине 1980-х гг., в то время как зарубежные ученые уже пришли к выводу о необходимости объединения женских и мужских исследований и создания общей программы по изучению гендера. Безусловно, одним из главных факторов развития гендерных исследований в нашей стране послужили политические и социальные изменения: гласность, отказ от марксистских догм, расширение контактов с зарубежными учеными [Пушкарева 1998]. В 1990 г. в Москве открылся Центр гендерных исследований (МЦГИ), что обозначило официальное принятие гендерных исследований как самостоятельного научного направления [МЦГИ URL].

На сегодняшний день Центры гендерных исследований являются одним из подразделений в ряде российских университетов (РГГУ, МГУ); под руководством преподавателей кафедр гендерных исследований осуществляется разработка и защита дипломных проектов.

Тем не менее, несмотря на официальное признание и высокое развитие гендерных исследований в России и зарубежом, в науке не существует единого взгляда на природу гендера. Гендер можно рассматривать как результат социальной деятельности человека, как составляющую определенной культуры, как элемент, которому можно противопоставить биологический пол, а также как часть языковой культуры людей.

Среди наиболее известных отечественных ученых, занимавшихся изучением гендера в языкознании советского периода, следует упомянуть Т.Б.

Крючкову, которая занималась изучением различий мужского и женского письма. Ее работа «Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной» считается одной из первых в данном направлении лингвистики [Пушкарева 1998]. Советские лингвисты занимались изучением влияния возраста и пола на процесс построения коммуникации [Мошинская 1978], вопросами выбора языковых средств для коммуникации с мужчиной и женщиной [Мартынюк 1987]. Следует обратить внимание на то, что до 1990-х годов работы отечественных ученых по половым различиям носили в основном биологически детерминированный характер. Так, в Словаре гендерных терминов отмечается, что рассмотрение гендерных проблем как проблем социума началось только в 1990-х годах [СГТ 2002].

В постсоветский период выходят в печать многочисленные статьи, монографии и учебники [Попова 1999; Кирилина 1999]; появляются научные журналы гендерной направленности «Женщина Плюс» (1996–2002), «Женщина в российском обществе» (1996 – наст. время, входит в список журналов, рекомендованных ВАК), «Гендерные исследования» (г. Харьков 1998 – наст. время).

Е.Н. Горошко отмечает стремительный рост количества лингвистических работ по вопросам гендера в середине 1990-х гг. По ее мнению, лингвистическую гендерологию можно назвать самостоятельной отраслью языкознания [Горошко URL].

На сегодняшний день сложность отнесения категории «гендер» к определенному научному направлению, так же, как и установление самостоятельного научного русла гендерных исследований объясняет широкую представленность гендерных исследований не только в языкознании, но и в социологии [Тукачева 2011], психологии [Азарных 2014], медицине [Титов, Губанова, Рябошапка 2015].

1.2. Проблема репрезентации гендера в языке, речи и дискурсе СМИ

Гендер может изучаться через призму многих наук, в том числе языкознания. В рамках языкознания можно выделить такие насущные вопросы, как гендерная идентификация в языке, андроцентризм языка и гендерная асимметрия; кроме того, в силу «размытости» границ гендерной терминологии, в данную группу также могут входить гендерные стереотипы в языке, мужской и женский стили общения.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на тесную связь языка и человека, как его носителя. Как отмечает О.Г. Чупрына, «объяснить многие процессы и явления, связанные с историей общества, поведением человека, его психологией, социальной ролью зачастую невозможно без привлечения языковых данных» [Чупрына 2017: 303]. Подобную точку зрения выражает и С.Г. Тер-Минасова: язык не может существовать вне человека, а человек – вне языка [Тер-Минасова 2000: 134].

Гендерные отношения формируются в обществе, определяют модели социального поведения и находят отражение в языке. Таким образом, гендерные отношения являются частью культуры общества.

Изучение отражения гендерного неравенства в языке началось со второй половины XX века в рамках «феминистской критики языка».

Представители данного движения руководствовались следующими целями:

- избавление от мужского доминирования в языке и литературе,
- изменение традиционного противопоставления «мужчина/женщина»,
- поиск «принципов женского письма» в литературе [Ивлиева 2013: 112].

Одной из основных работ в направлении феминистской критики языка считается труд американского лингвиста Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Language and Woman's Place), которая выдвинула тезис о различиях мужского и женского языка и речи; основное направление работы Р. Лакофф заключалось в исследовании гендерлекта [Lakoff 1973]. Согласно Словарю гендерных терминов,

«гендерлект – предполагаемый постоянный набор признаков женской и мужской речи, правила речевого поведения, стратегии и тактики речевого поведения мужчин и женщин в различных коммуникативных ситуациях в контексте той или иной культуры» [СГТ 2002].

Р. Лакофф определила следующие особенности гендерлекта:

- более точное описание цветовой гаммы женщинами, чем мужчинами,
- отказ женщин использовать обценную лексику,
- более частое использование женщинами разделительных вопросов (*tag questions*),
- использование женщинами восходящей (вопросительной) интонации в утверждениях [Lakoff 1973: 50].

Ч. Крамер считает, что существуют более явные различия между мужской и женской речью, например, использование слов-интенсификаторов перед прилагательными или наречиями является типичным случаем женской речи, поскольку интенсификаторы помогают избежать навязывания своей точки зрения: *I kinda like this dish, this book is pretty heavy, the story was rather short* (мне довольно-таки нравится это блюдо, эта книга достаточно тяжелая, история была довольно короткой) [Kramer 1975: 48].

Некоторые лингвисты, как связанные, так и не связанные с движением феминизма, критиковали научный труд Р. Лакофф, поскольку считали, что её работе не хватало более профессионального подхода к изучению женской речи [Kramer 1975: 54]. Несмотря на противоречивость некоторых идей, предложенных Лакофф, её труд «Язык и место женщины» считается манифестом для каждого, кто преследует цель избавиться от социального неравенства между мужчинами и женщинами [Butcholtz, Hall 1995: 5].

Для современных исследований остается актуальным вопрос о различии интонаций в речи мужчин и женщин, поднятый Р. Лакофф. Современная социофонетика изучает аспекты социолингвистических варьирований, а также социальную значимость фонетических варьирований [Podesva 2011; Kajino 2014]. В поле зрения исследователей находятся, в том числе, гендерные варьирования

тона голоса, интонации, произнесения гласных и согласных, а также удлинения произносимых фраз и пауз [Kajino 2014; Mendoza-Denton 1995]. Актуальным и новым в современной социофонетике остается изучение особенностей фонетического произношения трансгендеров. Согласно определению словаря MacMillan Dictionary, трансгендерами являются люди с различающейся половой и гендерной принадлежностью («*people whose sexual identity does not match traditionally accepted male and female genders*») [MacMillan URL]. Исследователи С. Мейерхоф и М. Холмс отмечают, что социофонетика является важной областью изучения гендерных вопросов, в том числе как часть общего междисциплинарного подхода к исследованию гендера [Meyerhof, Holmes 2014: 118].

Труды Р. Лакофф легли в основу нового междисциплинарного направления – *Conversation Analysis*. В отечественной науке для обозначения данного научного направления используется калькированный термин *конверсационный анализ*. Конверсационный анализ определяется как «изучение структур и формальных свойств языка, рассматриваемого в его социальном использовании» [Исупова 2002: 33]. В рамках конверсационного анализа рассматриваются такие вопросы, как гендерные категории в общении [Speer, Stokoe 2011], особенности общения представителей одной гендерной категории или различных гендерных категорий [Kitzinger 2013].

Лингвистическая гендерология также затрагивает проблему гендерных асимметрий в языковой картине мира. Согласно Словарю гендерных терминов, под гендерной асимметрией (андроцентризмом, языковым сексизмом) понимается «непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов (а также представлений о них) в различных сферах жизни речи лиц разного пола» [СГТ 2002]. Язык можно назвать андроцентричным в том случае, если картина мира фиксируется в языке с мужской точки зрения.

Можно выделить следующие признаки языкового сексизма (гендерной асимметрии):

- отождествление понятий «человек» и «мужчина» (во французском – *homme*, в датском – *mand*, в литовском – *vyras* и т.д.),
- наличие профессий с гендерной или возрастной маркированностью,
- употребление существительных мужского рода по отношению к женским или смешанным группам,
- использование гендерно-специфических местоимений,
- использование обращений, связанных с семейным положением Mrs, Miss.

Во многих словарях английского языка делается уточнение, что слово *man* в значении «человек» не имеет отношения к половому разделению. Смысл подобного разделения отсутствует и в словах *mankind*, *anchorman* и во многих других единицах, имеющих в своем составе *-man* [Dictionary.com URL]. Однако на сегодняшний день подобные лексические единицы воспринимаются как сексистские [Guimei He 2010; Klein 2014; Guidelines for Inclusive Language 2016] и требуют замены на гендерно-нейтральные. А. Грэхем приводит следующий парадоксальный пример языкового сексизма в английском языке: *a woman is a man, a woman is not a man* (женщина – человек, женщина – не мужчина) [Graham 1974: 57]. Примеры языкового сексизма можно также найти и в русском языке: *у доброго человека и у доброй жены хозяйственной; лишь у бедного человека или вдовы нет такого запаса* [Домострой URL]. В данном случае языковой сексизм выражается путем обособления единиц *жена* и *вдова* от единицы *человек*, и исключения представительниц женского пола из категории *люди*.

В английском языке середины XX века многие профессии имели гендерную окраску: *fisherman*, *stewardess*, *office boy/girl*, *seamstress*, *etc* (рыбак, стюардесса, курьер, швея, и т.д.). В первую очередь это было связано с характером работы: в большинстве профессий, оканчивавшихся на *-man*, были задействованы только мужчины. Использование в языке *salesman*, *insurance man*, *ambulance man* (продавец, страховщик, фельдшер) считалось нормой, поскольку гендерно-маркированные профессии практически всегда совпадали с биологическим полом работников, и в обществе того времени не возникало потребности в

переименовании профессий на гендерно-нейтральные [Miller, Swift 1980: 28]. Однако, уже в 1960-е гг. в речевой оборот входят такие названия профессий, как *flight attendant* вместо *stewardess*, *firefighter* вместо *fireman* [OED URL].

Вопрос о языковой норме в употреблении гендерно-маркированных местоимений поднимался еще в XVI веке. Сэр Томас Уилсон, английский дипломат и государственный секретарь, был одним из первых, кто предложил использовать местоимение *he* в качестве нормы: «кто-то любит ставить карету впереди лошади, <...> но я предлагаю следовать естественному порядку и ставить мужчину впереди женщины» [Levin URL]. В современном разговорном английском языке все чаще используется местоимение *they* вместо *he* (*a child who eats too much chocolate may have problems with their health*). А.В. Васина также предлагает использовать пассивный залог в целях соблюдения гендерной нейтральности (*health problems may be avoided if the child stops eating too much chocolate*) [Васина 2006: 85]. Д. Кляйн, профессор истории в Йельском университете, считает, что недавно созданные гендерно-нейтральные местоимения *tey* и *e* не способны прижиться в английском языке и потому оптимальным решением является использование несексистского языка. Признавая невозможность единого унифицированного решения, автор предлагает пересматривать всё предложение целиком. Например, предложение *when a student writes a paper, he should use a spellchecker*, может быть преобразовано в *when a student writes a paper, he or she should use a spellchecker*, а также *when students write their papers, they must use a spellchecker* [Klein 2014]. Согласно Кембриджскому словарю английского языка, нормой для местоимения третьего лица единственного числа без определения пола в письменной речи являются: *(s)he, he/she, him/her, his/her*. Нормой для формальной устной речи являются сложные местоимения *he or she, his or her* [CED]. В этой связи небезынтересно привести следующий факт. В январе 2000 г. Американское диалектное общество (American Dialect Society) после продолжительной и жаркой дискуссии провозгласило местоимение *she*, впервые зарегистрированное в письменном употреблении в 1154, словом тысячелетия. Как отмечается в предисловии к книге

А. Курзан «Гендерные изменения в истории английского языка» (Gender Shifts in the History of English), местоимение *she* как женский лингвистический маркер представляет фундаментальную социальную категорию и его возвышение можно рассматривать как символ успехов, достигнутых женщинами в конце тысячелетия [Curzan 2003: 1-3].

Языковая область, отражающая матримониальные отношения, претерпевает изменения, обусловленные трансформацией взглядов общества на проблему пола. А. Курзан приводит любопытный пример подобного изменения. До недавнего времени супружеские клятвы, которые пары произносят при заключении брака в США, содержали глаголы *love* (любить), *respect* (уважать), *honour* (почитать) и *obey* (подчиняться). Сейчас слово *obey* редко когда произносят люди, связывающие себя узами брака. Правило требовало, что перед тем, как жених поцелует невесту, пару объявляли мужем и женой *man and wife*. Выражение *man and wife* более не употребляется, его заменило выражение *husband and wife* [Curzan 2003: 158]. Употребление связанных с семейным положением обращений *Miss* и *Mrs* обычно считают проявлением языкового сексизма. *Miss* и *Mrs* являются аббревиатурами для ныне вышедшего из употребления обращения к женщине *Mistress*. В XVIII в. обращения *Miss* и *Mrs* стали употребляться для различения семейного положения женщин [Miller, Swift 1980: 93]. «Обратиться к девушке *Mrs* не намного хуже, чем обратиться к монахине *Miss* <...> Что необходимо обществу, это уважительное обращение к представителю определенного пола, которое бы не несло в себе информации о семейном статусе» [Zimmer URL]. Использование нейтрального обращения *Ms*, появившегося в английском языке в середине XX в., не является маркером семейного положения, поскольку, как и *Mr*, является простым обращением [OED]. Словарь американского варианта английского языка The American Heritage Dictionary of the English Language определяет обращение *Ms* как результат соединения *Mrs* и *Miss*. Авторы словаря предлагают *Mses*, *Mss* в качестве множественного числа для *Ms* [AHD].

Суммируя вышесказанное, среди способов избегания языкового сексизма можно выделить следующие [Bodine 1975; Klein 2014; Miller and Swift 1980; Putnam 1979]:

- применение альтернативных вариантов сексистских слов с *man* в корнях, суффиксах или приставках: *salesperson* вместо *salesman*, *humankind* вместо *mankind*, *reporter* вместо *newsman*,
- употребление существительных с суффиксами *-or*, *-er*, для нейтрального обозначения представителей какой-либо профессии,
- употребление местоимений *(s)he*, *he/she*, *him/her*, *his or her* или множественного *they* для единственного числа в целях избегания исключения представителей определенного пола в речи,
- замена третьего лица *he* вторым: *when a teacher starts a lesson, he must* меняется на *when you start a lesson, you must*,
- употребление нейтрального *Ms* при обращении к женщине. Некоторые авторы предлагают элиминировать словоупотребление *Mr* и *Ms* вообще: *I wish to thank my colleagues Jane Doe and John Roe...* [Miller, Swift 1980: 94],
- представители Американского лингвистического общества (American Linguistic Society) рекомендуют также избегать гендерно-стереотипизированных характеристик и обобщений, в том числе так называемых «позитивных стереотипов»: *women are more polite than men* [Guidelines for Non-Sexist Usage 1996; Guidelines for Unclusive Language 2016].

Некоторые исследователи связывают появление гендерных стереотипов и языкового сексизма с социально-экономическими факторами в развитии стран. Социально-экономический фактор предполагает рост социальной значимости мужчин с ходом истории, в то время как женская роль остается ограниченной. В истории многих цивилизаций женщины имели менее значимый социальный, экономический и семейный статусы и несли негласную ответственность за домашнее хозяйство, в то время как роль «добытчика хлеба» возлагалась на

мужчину. Как пишет китайский социолог, исследователь английского языка Г. Хэ, патриархальный строй общества отражается в языке и способствует появлению языкового сексизма [He 2010: 133-134].

Безусловно, каждый язык отражает социальные предрасположения, выраженные в какой-либо культуре. По мнению К. Миллер и К. Свифт, языковой сексизм в английском языке является естественной характеристикой языка патриархального общества. Избегание языкового сексизма является бесспорно необходимым; закрывать на это глаза – все равно, что учить детей, что земля плоская («turning our backs on that insight is an option <...> like teaching children the world is flat») [Miller, Swift 1980: 8].

Весьма интересным является мнение британского исследователя языка и гендера К. Кристи относительно формирования гендера, гендерных представлений и убеждений. По мнению автора, гендер это не набор характеристик и даже не просто социальная категория, гендер следует понимать как процесс и действие. Гендерная идентичность это результат коммуникации, или эффект дискурсивных практик, но никак не априорный фактор, который определяет языковое поведение («Rather than a set of attributes or simply a social category, gender is conceptualized as a process: something we do, produce, accomplish, perform. Gender identity is then a communicative achievement, an effect of discursive practices, 'rather than an a priori factor that determines linguistic behavior») [Christie 2000: 34].

Сам термин «языковой сексизм» употребляется наряду с «гендерной асимметрией». По мнению А.В. Кирилиной, употребление термина «сексизм» по отношению к научным исследованиям необходимо заменить на терминологическое словосочетание «гендерная асимметрия», вследствие его большей нейтральности. Автор аргументирует свою позицию тем, что понятие «сексизм» предполагает некую дискриминацию, а язык сам по себе не может быть дискриминирующим; кроме того, язык имеет тенденцию к устранению гендерной асимметрии с течением времени [Кирилина 2000: 18].

Еще одной важной гендерной проблемой в языке является изучение гендерных стереотипов. Согласно Словарю психологических терминов, стереотип — это «нечто, повторяемое в неизменном виде; шаблон действия, применяемый без раздумий, рефлексии, даже неосознанно. Характерная черта стереотипа — высокая устойчивость» [СПТ]. Рассматривая гендерные стереотипы, Ю.А. Евграфова отмечает, что они представляют собой «упрощённые и заострённые представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола» [Евграфова 2011: 170].

Одним из первых исследователей, положивших начало изучению стереотипов, был американский журналист, автор концепции общественного мнения У. Липпман. В своей работе «Общественное мнение» (Public Opinion), опубликованной в 1922 году, автор, ссылаясь на Платона, утверждал, что люди ограждены от внешней среды «стеной» из предрассудков и стереотипов [Липпман 2004]. Действительно, древнегреческий философ Платон в одной из книг диалога «Государство» описывал Миф о Пещере, который является метафорой окружающего мира. Согласно Платону, люди, находящиеся в пещере, способны воспринимать лишь тени, отбрасываемые другими людьми, и, следовательно, восприятие окружающего мира имеет опосредованную природу [Платон 2015]. У. Липпман, проводя параллель между Мифом о Пещере и природой стереотипов, также отмечает их опосредованный характер. Стереотипы, согласно Липпману, формируются благодаря искусству, общественной философии, моральным кодексам и политической агитации [Липпман 2004: 95].

У. Липпман считал, что стереотипы помогают экономить усилия при восприятии новой информации, они являются так называемым «бастионом традиций», поскольку стереотипы складываются в «удобную» картину мира, к которой приспособился индивид [Липпман 2004: 107-109]. С данной точкой зрения соглашается У. Квастхофф, по мнению которого предубеждение является главным аспектом стереотипов [Quasthoff 1978: 2]. Стереотипы, в частности языковые стереотипы, тесно связаны с картиной мира: «стереотипы представляют собой упорядоченную картину мира» [Липпман 2004: 108]. Так же, как и языковая

картина мира, стереотипы несут в себе интерпретацию действительности и суждений о мире. Данную точку зрения поддерживают отечественные авторы: языковую картину мира можно понимать как интерпретацию действительности, отраженную в языке в форме комплекса суждений о мире [Толстая 2009: 262]. Современные ученые рассматривают стереотип как неотделимую часть языковой картины мира: стереотипы отражают культурные особенности интерпретации окружающих человека вещей и явлений [Бартминьский 2009: 13]. Таким образом, в лингвистике понятие стереотипа неотделимо от языковой картины мира.

Стоит отметить определенную согласованность в тематике гендерных исследований в современной зарубежной и отечественной науке. Безусловно, актуальным остается вопрос о языковом формировании стереотипов, в частности гендерных стереотипов. Как российские, так и иностранные исследователи обращают внимание на роль СМИ в создании и культивировании гендерных стереотипов. Стереотипы формируются путем познания мира, огромную роль в формировании стереотипов вообще, и гендерных стереотипов в частности играют СМИ. С помощью СМИ гендерные стереотипы закрепляются в общественном сознании; влияние СМИ достаточно велико, поскольку они помогают сформировать точку зрения на определенные события. Т.Г. Добросклонская считает формирование стереотипов одним из звеньев информационной цепочки, которая обеспечивает создание информации и её циркуляцию. Стереотипы, по мнению этого ученого, могут быть социально-значимыми, влияющими на «систему ценностей и отношений» [Добросклонская 2008: 167].

Стереотипы влияют на языковое отражение мужских и женских социальных ролей. Согласно Словарю терминов межкультурной коммуникации, под социальной ролью нужно понимать «комплекс стандартных общепринятых ожиданий поведения человека, обладающего тем или иным социальным статусом» [МКК 2013: 354]. Неоспорима тесная связь социальной роли и роли гендерной, которую авторы словаря трактуют как «специфический набор закрепленных в обществе и культуре требований и ожиданий, предъявляемых обществом к лицам мужского или женского пола». При этом отмечается

невозможность закрепления за индивидом только одной социальной роли [ibid: 74].

Британский лингвист Л. Литосселити в работе «Гендер и язык: теория и практика» (Gender and Language: Theory and Practice) утверждает, что научные исследования гендера давно проникли в такие области знания, как язык рекламы, СМИ, политические речи, письма, судебный дискурс, семейное взаимодействие, интернет. В современной науке весьма интересными и актуальными являются лингвистические исследования проблем гендера в СМИ, в образовании и на рабочих местах [Litosseliti 2006].

В современной науке медиадискурс является актуальным направлением исследований. Нельзя не согласиться с мыслью М. Тэлбот о повсеместном неопровержимом влиянии («inconvertible influence»), оказываемом СМИ на жизнь каждого человека. М. Тэлбот утверждает, что дискурс СМИ играет решающую роль в формировании личности человека. Особенностью медиадискурса является его распространение как внутри социальных институтов, так и между ними [Talbot 2007: 3]. Т.Г. Добросклонская считает, что «актуальность медиалингвистики <...> обусловлена тем, что тексты массовой информации, или медиатексты, являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка» [Добросклонская 2008: 3].

Сам медиадискурс может быть определен как «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина 2003: 293]. Т.Г. Добросклонская формулирует обобщенное понятие медиадискурса, согласно которому «медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2008: 152].

Исследователи масс-медийного дискурса середины XX века заметили, что разные источники информации функционируют по-разному: какие-то являются более развлекательными, а какие-то более информативными. Так, канадский философ и филолог Маршал МакЛуэн (Marshall McLuhan) в работе «Как понимать СМИ» (Understanding Media) высказал идею о том, что источник информации и есть информация («the medium is the message»): информация может быть по-разному воспринята в зависимости от СМИ, в котором она представлена [McLuhan URL].

Не нуждается в оспаривании способность СМИ оказывать влияние на общественное мнение; стереотипы, в частности гендерные стереотипы, формируются и поддерживаются в том числе благодаря средствам массовой информации [Maingueneau 1991]. Как отмечает Т.Г. Добросклонская, ссылаясь на специалистов по медиапсихологии, «сегодня восприятие человеком окружающего мира в очень большой степени зависит от того, каким представляют этот мир средства массовой информации» [Добросклонская 2008: 22].

По словам филолога и литератора Н.И. Ажгихиной, «существование журналистики невозможно без стереотипов». В статье «Гендерные стереотипы в современных масс-медиа» Н.И. Ажгихина утверждает, что журналистика и гендерные стереотипы в журналистике возникли одновременно [Ажгихина 2001: 2]. Немного раньше похожую точку зрения выразили авторы книги «Миры женщин: идеология, женственность и женский журнал» (Women's Worlds: Ideology, Femininity and the Woman's Magazine) Р. Бэлластер, Э. Фрейзер и М. Битэм: в мире глянцевого журналов мужчины и женщины всегда находятся в оппозиции [Ballaster, Beetham, Frazer 1996: 87]. Исследователи указывают на гендерноориентированный характер глянцевых изданий и их роль в формировании представлений о *мужском* и *женском*.

Формат печатного издания оказывает определенное влияние на репрезентацию гендера. А.О. Лалетина считает, что подобная «адресность» журналов позволяет быстрее сформировать целевую аудиторию печатного издания [Лалетина 2007: 20]. По словам лингвиста, в мужских и женских

журналах «конструирование гендера ведется с наибольшей интенсивностью» [Лалетина 2008: 125]. Автор предлагает следующие факторы успеха гендероориентированного печатного издания: наличие узнаваемых гендерных репрезентаций и соответствие гендерным нормам [Лалетина 2007: 22]. Анализ гендероориентированных журналов *Cosmopolitan*, *Elle*, *New Woman*, *Esquire*, *Men's Health*, проведенный А.О. Лалетиной, позволил ей выделить особенности репрезентации гендерных стереотипов в данных СМИ.

К характеристикам, свойственным как мужской, так и женской прессе, автор относит употребление разговорной лексики и использование сленга, например, сокращений *bod (body)*, *fab (fabulous)*, а также жаргонной лексики [Лалетина 2008: 130]. Разговорная лексика и сленг присутствуют и в современной отечественной гендерноориентированной прессе – так, в русском издании *Men's Health* нами были обнаружены следующие примеры: *прокачать себя, ты мужик не совсем пропавший* [Men's Health URL]. Можно предположить, что подобный неформальный стиль общения редакции с читателями позволяет создать дружеский тон и расположить к себе целевую аудиторию.

А.О. Лалетина выделяет особенности лексики, употребляемой авторами женских глянцевого журналов, например частое использование аффективных прилагательных (*fantastic, exciting, fabulous*), синонимических конструкций (*utlramega superstar*), эвфемизмов (например, *body-defining lotion* вместо *cellulite lotion*) [Лалетина 2008: 133; 2007: 139]. Наблюдается частичное или в некоторых случаях полное соответствие языка женских журналов и модели стереотипного женского общения.

Анализ жанровой и тематической специфики женских журналов свидетельствует, что основные темы в разделе «Образ жизни» связаны с бытом. Они воспринимаются социумом как традиционно «женские» темы: кулинария, красота, семья, домашняя атмосфера [Лалетина 2007: 117]. Подобная тематическая ограниченность и фокусирование на сфере потребления и развлечений являются типичными характеристиками «глянцевой прессы» [Смеюха 2012: 322]. Разделы, посвященные астрологии и гороскопам, признаются

абсолютно специфичными темами для женского журнального дискурса, и, следовательно, гендерно-маркированными [Лалетина 2007: 117]. К разделам, характерным только для мужских глянцевого издания, автор относит раздел с анекдотами и рубрику с результатами конкурсов красоты [Лалетина 2008: 146]. Данные рубрики присутствуют и в российских изданиях (например, в журналах Men's Health и Maxim), что подтверждает не только гендерную маркированность этих разделов, но и наличие высокой степени эстетизации женственности в мужских изданиях.

Исследование лексического окружения языковых единиц «женщина» и «мужчина» на основе российских газет 1997–1999 гг. показало, что в описаниях женщин частотны лексические единицы, описывающие внешность, одежду, возраст («Женщина должна быть привлекательна. Остальное – на любителя») [Кирилина 2000: 62]. А.В. Кирилина отмечает наличие описаний женщин как пассивных, несамостоятельных личностей («Женщина не может долго оставаться одна»). В случае описания мужчин, прилагательные, характеризующие внешность не так частотны, однако автор выделяет следующие наиболее распространенные прилагательные: *красивый, знаменитый, мужественный, женатый*. Среди номинативных единиц наиболее частотны *мужчина, муж, красавец*. Присутствуют также номинации *глава семьи, хозяин, наследник* [Кирилина 2000: 62-65]. Таким образом, автор подтверждает наличие языковой репрезентации гендерных стереотипов и бинарных оппозиций *мужчина/женщина, сила/слабость* в российской прессе 1990-х гг. Таким образом, гендерные модели, конструируемые в российских СМИ, определяли восприятие всего текста, которое «обеспечивается не только языковыми единицами и их соединением, но и необходимым общим фоном знаний, коммуникативным фоном» [ЛЭС 1990: 507].

Безусловно, гендерные стереотипы являются важной составляющей самого концепта *женщина*. Следующий раздел диссертационной работы посвящен языковому конструированию концепта *женщина*, а также рассмотрению общих научных взглядов на исследования концепта.

1.3. Опыт лингвистических исследований концепта *женщина*

Понятие концепта в современной лингвистике является весьма многогранным и сложным для интерпретации. Несмотря на то, что впервые определение концепта в отечественной науке было дано достаточно давно, в 1928 году, современные ученые продолжают уточнять его и дополнять.

Междисциплинарный и многоаспектный характер концепта позволяет рассматривать его сквозь призму многих наук – философии, социологии, психологии, культурологии, лингвистики. Интересно отметить, что первая научная работа, в которой рассматривается концепт как ментальный заместитель понятий [Аскольдов 1997: 267], легла в основу дальнейших концептных исследований лишь через несколько десятков лет в филологии [Лихачев 1997] и философии [Бодрийяр 1994].

В современной лингвистике концепт трактуется с многих точек зрения, но они, как справедливо замечает Ю.Е. Прохоров, не противопоставляются друг другу, а наоборот – дополняют друг друга [Прохоров, 2016: 24]. С одной стороны, концепт может быть рассмотрен как некая ментальная единица (лингвокогнитивный подход), а с другой – как единица культуры (лингвокультурологический подход).

Современная лингвистика справедливо разграничивает трактовку терминов «концепт», «значение» и «понятие». Ученые сходятся во мнении, что концепт включает в себя культурные смыслы и явления действительности [Лихачев 2000; Воркачев 2005: 73]. Подобная мысль подтверждается словами отечественного лингвиста В. А. Масловой, согласно которой «большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому человек живет более в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей» [Маслова 2001: 35]. Исходя из вышесказанного, логично предположить, что концепты, ассоциирующиеся с одной и той же номинативной единицей, будут различаться в зависимости от культуры, в которой они представлены (например, концепт *женщина* в

марокканской и английской культурах). Языковая концептуализация, согласно С.Г. Воркачеву, таким образом, позволяет вычленить план содержания концепта, и, следовательно, особенности культурного фона концепта [Воркачев 2002: 84].

Нельзя не согласиться с мыслью Е.С. Кубряковой о том, что «характер соотношения концептуальной и языковой систем лучше всего изучать, исследуя национальный и культурный колорит происходящего, и причины, мотивы и интенции говорящих» [Кубрякова 2004: 64].

Для более полной характеристики категории *концепт* необходимо привести определения этой категории, предлагаемые в научной литературе. Так, Н.Н. Болдырев, так же, как и Е.С. Кубрякова, определяет концепт как «квант знания» [Кубрякова 1996: 90]: «концепты представляют собой идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, "квантов" знания» [Болдырев 2016]. Ю.С. Степанов и другие ученые рассматривают концепт с несколько иного ракурса. Они считают, что концепт представляет собой «сгусток культуры»: «в структуру концепта входит все, что делает его фактом культуры – этимология, ассоциации, оценки» [Степанов 2004; Карасик 2000]. Из приведенных выше определений следует, что концепт представляет собой базовую единицу культуры определенного народа, а также определенную единицу знаний о каком-либо предмете или явлении.

З.Д. Попова и И.А. Стернин в работе «Понятие *концепт* в лингвистических исследованиях» утверждают, что концепты являются идеальными сущностями, которые формируются в сознании человека, в том числе как результат языкового общения индивида [Попова, Стернин 1999: 4]. Таким образом, концепт может быть сформирован в сознании не только благодаря чувственному опыту (например, восприятию материальных предметов – стол, кресло, стул), но и благодаря непосредственному общению с другими индивидами, а также восприятию аудиовизуальной информации из газет, радио, интернета и т.д.

Исследование своеобразия языковой репрезентации концепта позволило авторам статьи «Судьба как концепт в языке и культуре» сделать вывод о том, что «смыслы, конституирующие лингвокультурологический концепт, следует искать во всем многообразии прецедентных явлений – от прецедентного имени до прецедентной ситуации», поскольку прецедентный феномен отражает «знание индивида о мире» [Чупрына 2018: 121].

В лингвистике существует несколько точек зрения на представление структуры концепта. Ученые выделяют этимологические, исторические и актуальные слои концепта, основные и дополнительные зоны концепта – интразону, эктразону, квазизону, квазиэктразону, понятийную, образную и значимостную составляющие концепта [Степанов 2004; Воркачев 2005]. З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют в структуре концепта базовый слой (ядро) и дополнительные когнитивные признаки (периферию). Авторы полевой структуры концепта основываются на идее о полевой структуре слова, предложенной в семантике. Согласно И.А. Стернину, и З.Д. Поповой, в современной науке устоялось представление о полевом строении семантики слова, следовательно, справедливо предположить, что концепт также имеет многослойную структуру, которая может быть выявлена благодаря анализу языковых единиц, репрезентирующих этот концепт. Безусловно, концепт не может иметь жестких границ, слои периферии могут накладываться друг на друга, однако, чем ближе языковая единица находится к ядру концепта, тем более конкретно данная языковая единица репрезентирует концепт [Попова, Стернин 2001].

Весьма актуальным способом представления концепта в современных исследованиях является выявление и описание макроструктуры концепта. Ученые утверждают, что у некоторых концептов макроструктура «фактически безгранична» [Шестеркина 2009: 28]. Под макроструктурой следует понимать «образующие концепт базовые структурные компоненты разной когнитивной природы – чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле» [Стернин 2007: 80]. Образный компонент макроструктуры включает в себя перцептивные и когнитивные образы концепта,

информационное содержание включает в себя, в первую очередь, денотативный признак концепта, а интерпретационное поле представляет собой практическое осмысление концепта, в том числе его оценку [Шестеркина 2009: 29-33]. Таким образом, макроструктура концепта – это многослойная конструкция, позволяющая раскрыть наполнение концепта во всем его многообразии.

Для данной диссертационной работы актуальным является представление различных уровней концепта: субординатного (нижестоящего), базового и суперординатного (вышестоящего). Как утверждают исследователи, прототипические черты концепта обнаруживаются в основном на базовом уровне, а наибольшая подвижность концепта наблюдается на субординатном уровне [Болдырев 2012: 84; Бондарчук 2010: 52]. В практических главах данной диссертационной работы конструируются уровни концепта *женщина* на основе словарных статей британских словарей начала XX и начала XXI вв.

На основе многочисленных исследований концепта, существующих в отечественной науке, в работе сформулировано рабочее определение концепта. Концепт – это *совокупность представлений и знаний о каком-либо объекте или явлении окружающей действительности, которые основываются на общем и индивидуальном культурно-языковом опыте и имеют культурную коннотацию.*

Концепт *женщина* является базовой составляющей концептосфер различных языков мира, он универсален и архитипичен; лингвистическое наполнение концепта *женщина* отражает культурные особенности и стереотипы, принятые в определенном культурном обществе.

Интерес к различиям между мужчинами и женщинами имел место еще в работах древнегреческих философов. Современный американский философ П. Эллен отмечает, что в трудах философов-пресократов (например, Парменида, Эмпедокла и др.) концепт *женщина* рассматривался достаточно часто, основные вопросы, интересовавшие древнегреческих философов, можно условно разделить на четыре группы:

- Метафизические вопросы: мужчины и женщины одинаковы или противоположны?

- Вопросы о природе пола: существует ли корреляция между половой идентификацией и вкладом в воспитание подрастающего поколения?
- Эпистемологические вопросы: одинаковы или различны мужские и женские способы аргументации, одинаково ли мудры мужчины и женщины, или области их мудрости различны?
- Этические вопросы: добродетельно ли одинаковое или разное поведение для мужчин и женщин? [Allen 2005: 7].

С тех пор мужская и женская природа рассматривались в трудах многих философов, при этом вне зависимости от философского направления (иррационализм, психоанализ и другие) за женщиной закреплялась второстепенная роль по сравнению с мужчиной. Особенностью концепта *женщина*, таким образом, является перманентное противопоставление с концептом *мужчина* [Шопенгауэр 2000: 217; Ницше 1990: 321; Фрейд URL]. Нельзя не согласиться с И.С. Карабулатовой, по словам которой характеристика женщины напрямую зависит от характеристики мужчины и всегда идет в противопоставлении [Karabulatova 2015: 478].

Следует отметить, что в зарубежной науке изучение концептов, и, в частности концепта *женщина*, ведется преимущественно с философской точки зрения и его языковые характеристики представлены на основе философских исследований. Областью интереса для зарубежных ученых являются исследования языкового сексизма, отражения гендера в устной и письменной речи, речевая репрезентация стереотипов, о чем уже говорилось в разделе 1.2. диссертационного исследования.

Исследование языкового наполнения концепта, а также рассмотрение концепта как ментальной категории, «сгустка культуры» является отличительной особенностью отечественной лингвистики. Как отмечает В.А. Ефремов, отечественная лингвистика обладает обширной теоретической базой концептных исследований [Ефремов 2010: 4].

Концепт вошел в научный обиход несколько десятилетий назад. Американский лингвист и философ Д. Лакофф, утверждает, что концепты не

могут быть изучены при помощи стандартных методов анализа [Лакофф 2004: 487]. Ученые выделяют следующие способы языкового моделирования концепта: [Попова, Стернин 2001: 77-83]:

- лексико-фразеологические средства (в том числе фразеологизмы),
- пословицы, афоризмы и поговорки народа исследуемого языка,
- разнообразные текстовые средства объективации концепта.

Ознакомление с научной литературой, направленной на изучение концепта *женщина*, показало, что отечественные ученые исследуют данный концепт на материале художественной литературы, фразеологизмов, паремий, толковых словарей, форумов в Интернете, а также на материале печатных СМИ. В исследовании концепта *женщина* используются опросы, анкетирование, ассоциативный анализ. Безусловно, подобные исследования являются не взаимоисключающими, а дополняющими друг друга.

Конструирование концепта *женщина* путем исследования фразеологических единиц позволяет выявить специфические особенности восприятия женщин и женственности, отраженные во фразеологических единицах определенной культуры. Отличительной особенностью фразеологических единиц является их метафоричное представление предметов и явлений.

Во многих современных научных работах, предметом исследования которых являются фразеологизмы, репрезентирующие концепт *женщина*, отмечается двойственная природа восприятия женщины, отраженная во фразеологических единицах [Васюк 2002: 130; Чибышева 2005]. Подобная двойственность представлена во фразеологических единицах со значением «внешность»: *the belle of the ball, the work of art, a dolly bird / blue stocking, мужик в юбке*. По словам О.А. Чибышевой, красота «имеет первостепенное значение при описании женской внешности» [Чибышева 2005: 13].

По мнению О.А. Титовой, появление фразеологизмов в языке обусловлено социальными ролями человека и иными экстралингвистическими факторами [Титова 2011: 6]. Следовательно, употребление фразеологизмов, содержащих языковые единицы, обладающие лексической категорией женского рода, по

отношению к мужчинам можно воспринимать как насмешку из-за различия в социальных ролях мужчин и женщин: в русском – *маменькин сынок*, в сербском – *сельская молодуха* (излишне скромный, неумеха), *прожорлив как беременная женщина* [Паутова 2015: 122].

Культурная обусловленность фразеологизмов выражается в различных номинациях женщин: сравнительный анализ фразеологических номинаций в русском и английском языках, проведенный О.А. Чибышевой, показал, что номинативные фразеологические единицы из категории «сказочные существа» присущи русскому языку – *баба-яга, старая ведьма, царевна-несмеяна*. При этом в русском языке, в отличие от английского, гораздо более частотным является представление отклонения от идеала русской женщины – *синий чулок, мужик в юбке, кисейная барышня, царевна-недотрога, снежная королева*. Высокую номинативную плотность в английском языке, и, следовательно, высокую значимость для общества, имеют номинации социального статуса женщин – *the maid of honor, a woman of means, the first lady* [Чибышева 2005: 17-26].

Культурная обусловленность концепта *женщина*, репрезентируемого паремическими единицами, наиболее ярко выражается в пословицах и поговорках о матери. Лексические единицы со значением «материнство» представлены весьма широко. Исследователи отмечают высокую частотность, а также исключительно положительную коннотацию языковых репрезентантов концепта «мать»: в кабардино-балкарском – *мать ценна как зрение; гнев матери как снег: выпадает много, но тает быстро*; в белорусском – *при солнышке тепло, при матери хорошо*; в немецком – *как мать, никто не любит* [Соловьева 2011; Черкесова 2015].

Исследователи отмечают признак «болтливость» в паремиологическом конструировании концепта *женщина* в различных языках. Н.Г. Божанова утверждает, что пословицы и поговорки о женской болтливости и «остроте» языка легли в основу стереотипов о женской речи. Автор приводит примеры паремиологических единиц из разных языков: *коса до пояса, язык до колен,*

женщине молчать – легче воду таскать, a woman's tongue wags like lamb's tail, ou femme у a, silence n'у a [Божанова 2012: 69].

В целом, следует отметить, что авторы научных исследований зачастую приходят к выводу о присутствии в языке паремиологических единиц, описывающих женщин или женское поведение с отрицательной стороны [Черкесова 2015; Хакимова 2013; Васюк 2002]. Согласно исследователям, основными отрицательными женскими чертами являются: коварство, слабость, лицемерие, греховность, трусость [Черкесова 2015: 195; Васюк 2002: 130; Хакимова 2013: 194]. Примечательно наличие в некоторых языках паремиологических единиц со значением «вторичность»: в кабардино-балкарском – *дочь – чужое дитя; рожденный женщиной – легкомысленный* [Черкесова 2015: 195], в русском – *без мужа жена вдвойне сирота*; в английском – *marry your son when you will, marry your daughter when you can* [Меринова 2017: 113].

Плодотворным является исследование паремиологических единиц, отображающих концепт *женщина* в разных языках и культурах. Исследуя подобные единицы на материале русского, английского и немецкого языков, Ю.А. Евграфова пришла к любопытному выводу о том, что «положительная коннотация красивой внешности и её прагматическая заряженность встречается в паремиях всех языков за исключением русского» [Евграфова 2011: 171]. Для паремий в русском языке нехарактерен прагматический взгляд на женскую красоту, поскольку в русской культуре, по мнению ученого, внутренний мир ценится выше, чем внешность [ibid]. Что же касается паремий в других языках, то, как пишет Ю.А. Евграфова, в них «внутренний и внешний аспекты красоты женщины связаны, соотносятся и взаимодействуют друг с другом. Хотя в некоторых паремиях отмечено, что внешность может быть обманчива, и красивая женщина не обязательно будет добродетельной» [ibid: 172].

Согласно автору работы «Никогда не женитесь на женщине с большими ногами: женщины в пословицах народов мира» (Never Marry a Woman With Big Feet: Women in Proverbs From Around The World), изучение пословиц и поговорок о женщинах помогают сделать выводы о мужчинах, и, таким образом,

обо всем человечестве. Несмотря на неравномерную представленность гендерных характеристик женщин в пословицах различных народов, ни у кого не возникает трудностей в их понимании [Schipper 2006: 14]. Работа Шиппер представляет собой научный труд, посвященный пословицам о женском теле, внешности, предназначении женщин, женской роли, семейном положении, социальном статусе. Культурные различия во взглядах на женскую самостоятельность могут быть проиллюстрированы следующими пословицами: *если женщина чего-то хочет, она этого добьется* (итальянская), *девушка с собственной волей никогда не выйдет замуж* (ангольская) [Schipper 2006: 239]. Автор заключает, что пословицы не отражают объективную реальность, но помогают сформировать языковую картину мира у носителей определенного языка, и, как результат, играют важную роль в формировании стереотипов.

Марокканский исследователь М. Белфатми обращается к исследованию паремий марокканского варианта арабского языка. Автор отмечает, что в большинстве рассматриваемых пословиц женщины характеризуются как слабые, глупые и уязвимые – *у женщины половина мозга; бей жену, если хочешь расслабиться; женщина – ключ к дому* [Belfatmi 2013: 17-19].

Научные труды, посвященные моделированию концепта *женщина* на основе текстового анализа, можно условно разделить на работы, опирающиеся на художественные и нехудожественные тексты.

Особенностью анализа художественного дискурса, как справедливо отмечает С.В. Михайлова, является совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов. К экстралингвистическим факторам художественного текста С.В. Михайлова относит не только социальные и культурно-исторические контексты, но и особенности адресанта художественного текста [Михайлова 2012: 4-5]. Таким образом, можно предположить, что при анализе художественного текста могут быть выявлены особенности репрезентации концепта *женщина*, не проявляющиеся при анализе паремий и фразеологизмов.

Одной из подобных особенностей текстового дискурса является возможность репрезентации характеристик концепта *женщина* без обязательного обращения к стилистическим приемам. В отличие от фразеологизмов и паремий, которые имеют метафоричную природу, текст, в частности, художественный, дает автору возможность передать какую-либо идею без использования метафор.

Так, характеристикой концепта *женщина* в художественном дискурсе выступают не только лексические единицы, репрезентирующие внешние качества и характер, но и профессии, в которых женщина может себя реализовать. Например, в исследованиях французских художественных текстов авторами отмечается использование лексем, обозначающих традиционно мужские профессии, по отношению к женщинам: *каменщик; дорожный рабочий; сегодня, когда я увидел вас в этой рабочей одежде, вы показались мне еще восхитительнее* [Мензаирова 2010: 126].

Большую роль в изучении концепта *женщина* играет адресность художественных текстов. В художественной литературе, целевой аудиторией которой являлись женщины, как отмечают исследователи, языковая объективация женской феминности неразрывно связана с концептом *любовь*. Важное значение имеет репрезентация традиционных качеств знатных женщин: *благородство, ум, красноречие, качества, способные пробудить ответные чувства у романтического партнера* [Михайлова 2012: 166].

Противоположное наполнение концепта *женщина* отмечено в работе Т.В. Латкиной, исследующей военную литературу. В ядерную зону концепта *женщина* автор включает лексемы, имеющие в структуре компонент «жизнь»: *женщина, защищающая жизнь (я пришла, чтобы убить войну), «борющаяся за жизнь» (в лесу раненые умирают, надо идти), «стойкая» (моя мама не плакала, она стояла как каменная)* [Латкина URL].

И.С. Карабулатова выявляет основные темы, отраженные в литературе, как свидетельство современных социальных изменений: *материнство, воспитание детей, женская дискриминация, обучение, работа и карьера, здоровье* [Karabulatova 2015: 479].

Таким образом, языковое наполнение концепта *женщина* в художественных текстах весьма разнообразно, зачастую его компоненты не связаны между собой. Это объясняется как адресностью художественного текста, так и особенностями его тематики.

Исследования, посвященные текстовому анализу языковой репрезентации концепта *женщина*, проводятся на материале лексикографических источников – толковых, исторических, словообразовательных и иных словарей, а также публицистических текстов и интернет-форумов [Гайфуллина 2007; Ефремов 2010; Горошко 2001].

Данные лексикографического анализа словарей русского и английского языков позволяют сделать вывод об изначальном этимологическом наложении понятий «женщина» и «жена» в древнерусском и среднеанглийском языках [Точилина 2014; Паскова 2003]. Интересно отметить, что в статье Ю.Н. Точилиной «Концепт Русская женщина XXI века» приводятся лексикографические данные толковых словарей русского языка, в которых интерпретация семантики лексемы «женщина» основывается на противопоставлении женщины мужчине: «женщина: лицо, противоположное мужчине» [Точилина 2014: 134]. В современных толковых словарях английского языка основное толкование лексемы «женщина» приводится без референции к мужчине: «a woman – an adult female being» [Васюк 2002: 44]. Исходя из вышеизложенных данных можно предположить, что гендерно-маркированное толкование в русских словарях и гендерно-нейтральное толкование англоязычных словарей говорит о возможных различиях в восприятии концепта *женщина* в русскоязычной и англоязычной культурах.

Помимо анализа толковых словарей, исследователи также пользуются ассоциативными словарями. В монографии Е.И. Горошко «Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента», посвященной анализу метода свободных ассоциаций, интересно следующее: «новая ассоциативная парадигма <...> позволяет с достаточной мерой полноты исследовать отражение концептосферы в языковой картине мира, эксплицировать различные фрагменты

и уровни языковой личности, в частности, реконструировать структуру концептов» [Горошко 2001: 36]. Под ассоциативным словарем автор понимает «некоторую совокупность ассоциативных норм, полученную путем проведения ассоциативного эксперимента по определенному списку стимульных слов» [ibid: 83]. Стоит отметить, что для современных исследователей ассоциативные словари и тезаурусы находятся в открытом доступе с возможностью пополнения данных словарей своими собственными ассоциациями, что позволяет регистрировать тенденции и изменения в языковых картинах, характерных для определенных сообществ говорящих.

В.А. Ефремов, пользуясь данными русского ассоциативного словаря, отмечает, что самой частотной единицей, ассоциирующейся с понятием «женщина», является *красивая*. Автор отмечает языковую экспликацию гендерного стереотипа о женской внешности, что также было уже отмечено при анализе работ, посвященных отражению концепта *женщина* во фразеологии. При этом самой частотной единицей, ассоциирующейся с понятием «мужчина» является *сильный*, что отражает стереотип о мужской физической силе [Ефремов 2010: 184]. В языковой репрезентации социальных ролей, помимо наиболее частотных единиц *мать* и *жена*, появляется ассоциация *деловая*. В.А. Ефремов связывает её с изменением в социальном статусе женщин, что нашло отражение в языке [ibid: 198].

Весьма интересным направлением в моделировании концепта *женщина* является исследование интернет-форумов. Обращение к интернет-источникам дает возможность анализа наиболее свежей информации, поступающей на форумы. Как отмечает М.А. Кронгауз, форма коммуникации в интернете совмещает характеристики устной и письменной речи, что объясняет выбор разговорного стиля общения в интернет-коммуникации [Кронгауз 2013]. Изучение концепта *женщина* в контексте гендерной культуры позволяет выявить и описать существующие в электронной коммуникации критерии феминности.

А.Н. Гайфуллина, исследуя языковое наполнение женских форумов Рунета, выявляет следующие лексемы оценочной коннотации, используемые на форумах:

мудрая, сильная, хорошая, привлекательная. Критерии женственности, выраженные в виртуальном пространстве, имеют положительную окраску: *русская женщина – это не только спортсменка, комсомолка и просто красавица. Она красива не столько своей статностью, внешностью, сколько своей одухотворенностью, возвышенностью, но не надменностью; добротой, открытой душой* [Гайфуллина 2007: 108]. Социальная реализация женщины лексически не ограничивается семьей: *женщина может быть матерью и примерной женой, но при этом ее самореализация должна протекать <...> с возможностями творческой реализации, карьерного роста* [ibid]. Как отмечает исследователь, лексическая характеристика женщины на женских форумах несет и негативную окраску: *эта взбалмошная баба, страшна как смертный грех.* Весьма широко распространенными являются негативные номинации женщин, каждая из которых имеет дополнительные оттенки значений: *баба, девка, тетка, деваха, уродка.* Примечательно наличие многочисленных лексем с общим значением «внешность»: *блондинка, брюнетка, красавица, чаровница,* среди которых можно выделить инвективы *хищница, худышка, толстуха, ведьма, дурнушка* [Гайфуллина 2007: 108].

А.Н. Гайфуллина также исследует языковое наполнение концепта *женщина* на материале мужских форумов Рунета. Примечательны многочисленные положительные характеристики женщин, которые им приписывают мужчины: *женщина и весна – всегда синонимы, женщина создана для счастья* [Гайфуллина URL]. Основными отличиями репрезентации концепта *женщина* на мужских форумах от женских является широкая распространенность гендерных стереотипов: *женщина должна забеременеть, женщина должна сидеть на кухне.* Среди негативных женских черт, отмечаемых на мужских форумах, исследователь выделяет *жадность, болтливость, сварливость,* в то время как при исследовании женских форумов, основными негативными чертами были признаны *некрасивая внешность и развязное поведение* [Гайфуллина URL; Гайфуллина 2007: 109].

Исследователи, изучающие концепт *женщина* на материале СМИ, отмечают, что языковое выражение характеристик женщины имеет прямую связь с состоянием общества и принятыми в нем нормами. Так, Д.В. Погонцева, рассматривающая изменения языкового наполнения слота *красота*, отмечает, что идеал красоты 1990-х гг. *худоба* в современных СМИ претерпевает некоторые изменения: «борьба с анорексией и другими расстройствами питания формирует понимание того, что худоба – не есть здоровье» [Pogontseva 2012: 45]. И.М. Соколова выявляет двойственную природу репрезентации женской красоты в СМИ: с одной стороны, внешний образ женщины эротизируется, обладание красивой внешностью «воспринимается как некий товарный знак», но с другой стороны, под влиянием социальных изменений, идеал красоты теряет строгие характеристики [Соколова 2014: 80].

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что анализ работ, посвященных конструированию концепта *женщина* на основе разнообразного языкового материала, позволяет выделить следующие общие характеристики концепта *женщина*:

- вне зависимости от способа представления языкового материала для анализа концепта *женщина* (паремии, художественный текст, язык форумов Рунета), главной характеристикой концепта *женщина* является красота. Двойственный характер женской красоты (*красивая/опасная*) выражен в паремиях, фразеологизмах и художественном дискурсе;
- изучение паремиологических и фразеологических единиц позволило ученым прийти к выводу о «двойственной» языковой репрезентации концепта *женщина* – с одной стороны, в языке (в частности, английском) преобладают единицы отрицательной коннотации, но с другой стороны, отмечается многочисленные положительные характеристики женщины, например ее доброта, ласка и забота;
- дихотомия языкового наполнения концепта *женщина* является производной от противопоставления *мужчина – женщина*. Данное

противопоставление присутствует в любом из исследованных типов языкового материала;

- в языковой репрезентации концепта *женщина* особую роль играют средства отражения социальной роли «материнство». Концептуальный фрагмент *мать* включает такие признаки как *забота, доброта, ласка, воспитание*. В различных языках отмечается наличие паремиологических противопоставлений *отец/мать: отец помрет – пол-сироты, мать помрет – целый сирота*. Анализ форумов Рунета, проведенный А.Н. Гайфуллиной, позволяет выявить стереотипизированное отношение к материнству со стороны мужчин: *женщина должна рожать*;
- анализ художественных текстов помогает выявить разные стороны концепта *женщина* и различные лексико-семантические единицы, формирующие его ядро.

Выводы по Главе 1

Изучение гендера, которое началось в США 60-х гг. XX в. в области психологии, а затем коснулось лингвистики, не утрачивает актуальности в современной науке и продолжает развиваться как в отечественных, так и зарубежных исследованиях. Примечательным является непараллельное развитие гендерных исследований в России и зарубежом, что обусловлено различными факторами. Так, развитию гендерных исследований в зарубежной науке способствовали многочисленные социальные движения, в частности феминистские. Весьма острым являлся вопрос андроцентризма и сексизма в английском языке, тогда как в советской науке вопросы гендера чаще рассматривались с позиции биологии. Началом лингвистического изучения вопросов гендера в России принято считать рубеж 80-х – 90-х гг XX в., что зачастую связывают с изменением внешней политики и укреплением связей с зарубежной наукой.

На сегодняшний день проблемы, затронутые учеными XX века, остаются актуальными в современном научном дискурсе. Продолжают обсуждаться вопросы устранения гендерной асимметрии в языке, уточняются и корректируются языковые нормы. Все чаще та или иная языковая единица, которая может считаться сексистской, отдельно отмечается и уточняется в словарях.

Современная лингвистика рассматривает вопросы гендерной проблематики в рамках медийного дискурса. Среди особенностей дискурса СМИ необходимо выделить его распространение как внутри социальных институтов, так и между ними, а также способность оказывать влияние на индивида, формировать его языковую картину мира и создавать разнообразные гендерные предубеждения и стереотипы. Язык, используемый в публикациях СМИ, таким образом, предопределен социальным заказом и способен отражать социальные реалии.

Анализ работ, целью которых является конструирование концепта *женщина* на основе разнообразного языкового материала, показал дихотомическую

природу концепта: концепт *женщина* стоит в оппозиции с концептом *мужчина*, что предопределяет выбор языковых средств для их репрезентации. Гендерные стереотипы чаще всего выражаются в поговорках и фразеологизмах, поскольку они характеризуются низкой способностью к изменениям. Исследователями также отмечается противоречивый характер языкового наполнения концепта *женщина*: несмотря на присутствие множества лексем положительной коннотации, в нем преобладают единицы негативной коннотации. Основные категории, связанные с концептом *женщина* – *красота, характер, семья, работа*.

ГЛАВА 2. БРИТАНСКАЯ ПРЕССА И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XX ВЕКА. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *ЖЕНЩИНА* В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ 1909–1914 ГГ.

2.1. Женщины в британской прессе начала XX века

Реконструкция концепта *женщина* невозможна без описания соответствующего культурного контекста. Поскольку концепт *женщина* моделируется в сфере СМИ, в данном разделе представлен анализ британской прессы начала XX в. с точки зрения гендерной направленности прессы, описания особенностей трудоустройства женщин-журналистов в британских газетах, а также основных тем публикаций британских газет, в частности, газет *The Times* и *The Guardian*. Тематика анализируемых статей касалась следующих сфер: политика, домоводство, мода и красота.

Как известно, начало XX века характеризуется появлением так называемой «массовой печати», что обуславливалось не только ростом технических возможностей, но и появлением относительной свободы в прессе [Соколов 2000: 37; Winston 2003: 19]. Это подтверждается статистикой роста газетных тиражей: тираж многих британских газет достиг и даже превысил 700 000 экземпляров к началу XX века (*Daily Mail*, *Daily Sketch*, *Daily Chronicle*), хотя в конце XIX века данные газеты не существовали. В этот же период появляется ежедневная газета для женщин – *The Daily Mirror*, тираж которой сразу же превысил 600 000 экземпляров. Тираж газет *The Times* и *The Guardian* также вырос. Выпуски *The Times*, в частности, увеличились более чем в 2 раза за период 1910-1920-х годов [Encyclopaedia Britannica URL; British Political Facts 1969: 264].

Помимо технологического прогресса в области массовой печати, в британском обществе начала XX в. происходили преобразования, которые, в

частности, касались изменения отношения к женщинам. Поскольку общественные стереотипы, в том числе гендерные стереотипы характеризуются слабой изменчивостью [Lippman URL], в начале XX в. в британском обществе все еще господствовали стереотипы Викторианской эпохи, которые характеризовали женщину как защитницу набожности, праведности, безропотности и домашней жизни (*champion of piety, purity, submissiveness and domesticity*) [Adams, Keene, McKay 2009: 8]. Общественный стереотип о вторичности социальной роли женщин находил отражение не только в языке публикаций газет начала XX века, но также отражался в негативном общественном отношении к гендерному равноправию. Как известно, основой для возникновения какого-либо стереотипа является отношение к какому-либо предмету, объекту или явлению, сложившееся в обществе, а также состояние самого общества. Согласно переписи населения Великобритании 1901 г., менее трети от общего числа женщин были официально трудоустроены, женщины-журналисты составляли лишь 9% от общего числа трудоустроенных женщин. Подавляющее большинство (около 80% женщин) были заняты в сфере домашнего обслуживания (кухарка, уборщица), что создавало еще больший гендерный разрыв. При этом оплата труда различалась не только между мужчинами и женщинами, но и между женщинами, работавшими домработницами [Franks 2013: 2; The National Archives URL]. Подобная социальная раздробленность стала результатом протестов трудоустроенных и нетрудоустроенных женщин.

Разнообразные женские ассоциации, требовавшие предоставления женщинам избирательного права, начали появляться еще в середине XIX в., и, как утверждают исследователи британского суфражизма, достигли пика популярности в 1910-х гг. [Myers URL]. Помимо возникновения и распространения суфражистских союзов, в Великобритании начала XX в. возрос социальный запрос на равноправие на рабочих местах, а также на предоставление женщинам равноправного трудоустройства. В связи с этим в 1906 г. создается Национальная Федерация женщин-работниц (National Federation of Women Workers), проводятся многочисленные акции протеста против ущемления прав

работающих женщин. В результате женщинам Великобритании стали доступны такие профессии, как *chartered accountant, mayor, banker* – сертифицированный бухгалтер, банкир, мэр [McCloskey 2001: 166; Myers URL]; с конца XIX века число работающих женщин стабильно увеличивалось, и этот рост продолжился в XX веке [Hudson URL].

Усиление роли женщин в британском обществе начала XX века привело к появлению женских печатных изданий, в том числе прессы феминистской направленности. Британские историки и исследователи истории феминизма Л. Делап и М. ДиЧензо отмечают, что само понятие «феминизм» в Эдвардианской Великобритании начала XX века было новым и зачастую являлось синонимом суфражизма, то есть борьбы женщин за избирательное право. В английском языке не было стандартизировано написание термина *feminism* – использовались варианты *feministic, femininist, feminisme* [Delap, DiCenzo 2011: 29]. Феминистская печатная пресса характеризовалась весьма широким охватом вопросов: проблемы суфражизма, женское трудоустройство, половое воспитание молодых женщин, а также воспитание качеств сильной личности.

Одним из первых печатных изданий феминистской направленности была британская газета *The Englishwoman's Review*, выходившая в 1866–1910-х гг. Её главным редактором являлась активистка в борьбе за равноправие полов Джесси Бушерет. Стоит отметить, что идеология и взгляды Д. Бушерет нашли отражение не только в газете *The Englishwoman's Review*, но и в книгах *Hints on Self-Help for Young Women* (Указания по самопомощи для молодых женщин), *The Condition of Women in France* (Положение женщин во Франции), а также в отдельных публикациях в журналах. Так, в книге *Hints on Self-Help for Young Women*, опубликованной в 1863 г., автор обращает внимание на важность развития личных качеств молодых женщин, что выражается в названиях подзаголовков: *better to know one thing well than many imperfectly; something to be learned even from failure; perseverance; self-control; duty and independence* (лучше знать одну вещь хорошо, чем много вещей неполно; чему может научить даже неудача; настойчивость; самоконтроль; долг и независимость) [Boucherette 1863: 5-6]. По

мнению автора, девочкам необходимо рано начинать работать: *the sooner the girls start to learn their business the better* [ibid: p. 52]. Идеи о женской независимости выражены и на страницах периодического издания *The Englishwoman's Review*. Так, в издании от 1906 г. присутствуют статьи о женском трудоустройстве по всему миру – в Швейцарии, Германии, Алжире и множестве других стран. Редакторы издания *The Englishwoman's Review* предлагали читателям сведения о женском трудоустройстве и равных правах не только в Великобритании, но и за ее пределами. Весьма примечательным является наличие в газете отдельной рубрики, посвященной обзору новостей суфражизма из разных стран. В частности, в разделе, посвященном Российской империи, стоит отметить статьи *Women's Equality League*, *Women in the Postal Service*, *Women in the Railways*, а также *Women's Suffrage in Russia* [*The Englishwoman's Review* 1906]. Журналисты отмечают прогрессивный характер российских реформ, приводится множество цитат спикеров российской Думы: *in voting for the equality of women in all political and social rights we are sure that we express the wish of the majority of the population!* (голосуя за женское политическое и социальное равноправие, мы абсолютно точно следуем желаниям большинства народонаселения!) [ibid 1906: 32]. Редакторы газеты полагали, что привлечение иностранного опыта поможет британским женщинам быстрее осознать необходимость равноправия и вдохновит их на активные действия для его достижения.

Весьма примечательными являются рекламные объявления, присутствующие в газете *The Englishwoman's Review*, например, реклама издательского дома, работницами которого были исключительно женщины: *ladies and gentlemen are invited to place their orders for printing which will be executed by women only, at a quality equal to the best* (приглашаем леди и джентльменов оставлять заказы на печать, которые будут исполнены исключительно женщинами, качество печати наилучшее) [ibid 1906: 19]. Следует отметить, что допуск женщин к работе в типографии и к издательскому делу привёл не только к увеличению объема прессы, ориентированной на женщин, но и к росту публикаций женской прозы и поэзии: многие работы британских поэтесс и

писательниц начала XX в. (Jeanette Winterson, Margaret Atwood, Katherine Mansfield, Hope Mirrlees) были опубликованы в издательском доме Вирджинии и Леонарда Вульф Hogarth Press [Heyes URL].

Еще одним популярным изданием для женщин в Великобритании начала XX в. была газета The Freewoman (годы издания – 1911–1912), которая позднее (в 1913 г.) стала выходить под названием The New Freewoman. Главными редакторами данной газеты были британские суфражистки Д. Марсден и М. Готорп. По словам Д. Марсден, британское суфражистское женское сообщество было в основном сфокусировано на проблемах женщин среднего класса [Franklin 2002: 631-642]. По этой причине главный редактор освещала широкий круг вопросов: в газете публиковались статьи о суфражизме, половой ориентации, проблемах полового воспитания и здоровья, возможностях университетского образования для домохозяек, женской психологии [The Freewoman URL]. На страницах журнала неоднократно поднимались вопросы о необходимости избавления от общественного стереотипа, который закреплял ведение домашнего хозяйства исключительно за женщинами: *a wage-earning wife is already an asset to a working man, in the New Housekeeping both sexes will take part* (работающая жена – это уже огромная поддержка для работающего мужчины, в Новом Домоводстве будут принимать участие оба пола) [The Freewoman URL]. Издание The Freewoman можно без сомнения назвать новаторским и революционным – освещаемые в журнале проблемы, в частности гомосексуализма, полового здоровья, полигамии, до сих пор являются темами-табу для многих современных изданий.

Интересным является тот факт, что современная британская газета The Mirror изначально выпускалась как газета для женщин. Социальный запрос на новостную женскую прессу вдохновил А. Хэрмсворта на создание печатного издания для женщин. В 1903 г. А.Хэрмсворт дал следующую характеристику издания The Daily Mirror в одном из его первых выпусков: *I intend it to be really a mirror of feminine life <...> to be entertaining without being frivolous, and serious without being dull* (мои намерения – сделать это издание по-настоящему зеркалом

женской жизни <...>, развлекательным, но не легкомысленным, серьезным, но не скучным) [Simpson 2009: 104].

Интересным фактом в истории британской прессы является вклад А. Хэрмсворта в издательское дело Великобритании: он выкупал газеты, которые были близки к банкротству, и возвращал им былой успех. Помимо издания газеты *The Daily Mirror*, которая существует до сих пор под названием *The Mirror*, А. Хэрмсворт с 1905 г. был также редактором газеты *The Observer*, а с 1908 г. стал главным редактором газеты *The Times*, и смог превратить издание *The Times* из древнего реликта в современную газету [Britannica URL].

Несмотря на активное освещение насущных женских проблем, феминистские издания имели гораздо меньший тираж, чем основные новостные печатные издания Великобритании, которые были ориентированы на читателей-мужчин. Тем не менее, социальные изменения оказали влияние не только на увеличение количества женской прессы, но и на характер публикуемого материала в массовой печати. Популярные газеты, такие, как *The Times* и *The Guardian* были вынуждены расширить охват освещаемых тем, чтобы соответствовать социальному запросу. Так, в конце XIX в. основными темами, освещаемыми в газете *The Times*, были политические новости: заседания парламента, внутренняя и внешняя политика, промышленность, торговля, досуг (The Session, Scotland, Ireland, The Colonies, Business, Trade, The Coal Trade, Agriculture, Music, The Theaters – Заседания Парламента, Шотландия, Ирландия, колонии, бизнес, торговля, торговля углем, сельское хозяйство, музыка, театры) [Annual Summaries Reprinted from *The Times* 1893].

В начале XX в. начинается выпуск специальных Приложений к основному изданию *The Times*: *Engineering Supplement*, *Educational Supplement*, в том числе Приложение для женщин – *Woman's Supplement* [The *Times* Annual Index 1910]. Приложение *Woman's Supplement* включало, по мнению авторов, наиболее актуальные темы для женщин: мода, поэзия, домашнее хозяйство, работа. Обращает на себя внимание наличие гендерно-маркированных заголовков статей, опубликованных в 1910 г., например: *The Revolution of the Girl* (Восстание

девушки) и *The Weaker Sex* (Слабый пол). Данные заголовки можно представить как лингвистическую оппозицию: лексема *revolution* (восстание, революция) подразумевает обновление, силу духа и противопоставляется прилагательному *weaker* (слабее, слабый).

Кроме того, в передовые статьи редакторы стали включать материалы гендерной направленности. Например, в выпуске *The Times* от 6 июля 1910 г. в рубрику *leading articles* (передовицы) входят следующие статьи: *The Russo-Japanese Agreement*, *Sex and Dress*, *The Rheims Meeting* (Русско-японское соглашение, Пол и одежда, Встреча в Реймсе). Как можно заметить, помимо политических новостей (*The Rheims Meeting*, *The Russo-Japanese Agreement*), на первую полосу выпуска *The Times* попала также статья о моде (*Sex and Dress*), в которой сравниваются мужской и женский стили одежды. Отмечается также изменение характера рекламных объявлений: рекламируется косметика, книги, кухонная утварь [*The Times URL*]¹. По мере развития движения суфражизма, статьи, посвященные женщинам-суфражисткам, также стали включаться в раздел передовиц.

В газете *The Manchester Guardian* (современное название печатного издания – *The Guardian*) начала XX в. так же, как и в *The Times* присутствовали рубрики политической направленности (*Political, Foreign and Colonial* – политические новости, зарубежные и колониальные), однако, они представлены гораздо меньшим количеством статей, чем статьи подобного характера в *The Times*. Согласно данным архивного сайта *newspapers.com*, период 1909-1914 гг. характеризуется для издания *The Manchester Guardian* увеличением числа статей, посвященных женщинам (более чем на 1000 статей по сравнению с первой декадой XX в.). Как и в случае с изданием *The Times*, это объясняется развитием движения суфражизма, а также постепенным предоставлением женщинам равноправия, что, безусловно, нашло немедленное отражение в языке [*The Guardian, URL*]².

¹ Все примеры приводятся по архиву <https://www.thetimes.co.uk/archive>

² Все примеры приводятся по архиву www.theguardian.com, <https://theguardian.newspapers.com>

Как уже было отмечено, в британском обществе начала XX в. все еще сохранялся стереотип о женской слабости, что объясняет скептическое общественное отношение к допуску женщин в массовую журналистику. Интересно отметить, что журналистика признавалась традиционно мужским занятием в связи со своей опасностью. Например, американский журналист Э. Шуман в 1899 г. характеризовал деятельность журналиста как слишком не деликатную и обременительную для женщин: *the work of news-gathering, as a rule, is too rude and exacting for women* [Shuman 1899: 149].

Исследователи гендера отмечают, что вопрос о допуске женщин в сферу журналистики был настолько противоречивым, но и актуальным, что многие журналисты (как мужчины, так и женщины) выражали свое мнение относительно данного вопроса в небольших рассказах, которые затем попадали на страницы британской прессы. Особенностью данных рассказов являлось обязательное наличие особого персонажа – женщины-журналистки, которая, в зависимости от взглядов самого автора, подвергалась осмеянию, либо похвале [Shelley 2009: URL]. Британский исследователь гендера и викторианской литературы Л. Шелли считает, что рассказы о журналистках позволяли читателям осознать все сложности, с которыми сталкивались женщины, трудившиеся в сфере журналистики в конце XIX века.

Безусловно, авторское мнение о женской журналистике было отражено не только в художественных рассказах, но и в обычных газетных публикациях. Интересно отметить, что положительная характеристика деятельности журналисток присутствовала в основном на страницах изданий с женской целевой аудиторией, например в газете *The Lady's Pictorial: A Newspaper for the Home* авторы используют следующие единицы для описания профессии журналиста: *a new and fitting field for educated and intelligent women-workers of all time; in journalism <...> women are the most successful* (новое, отлично подходящее поле деятельности для образованных и умных женщин; в журналистике женщина наиболее успешна) [Gray 2012: 192].

Британские печатные издания с мужской целевой аудиторией, наоборот, характеризовали деятельность журналисток более пессимистично. Весьма примечательной является следующая выдержка из статьи в газете *Blackwood's Magazine*, автором которой является женщина: *one is horribly handicapped in being a woman <...> where a man finds one obstacle we find a dozen* (быть женщиной – значит быть неполноценной <...> где мужчина сталкивается с одной преградой, мы сталкиваемся с десятком) [Eccles 1893: 840]. В данном высказывании выражается общественный стереотип о женской неполноценности, автор ставит под сомнение способность женщин работать наравне с мужчинами в сфере журналистики.

Скептицизм по отношению к журналисткам прослеживается в работе английского писателя и журналиста А. Беннетта *Journalism For Women*. Автор пишет: *women-journalists are unreliable as a class; women's inattention to detail; women-journalists as a body have faults* (журналистки как класс ненадежны; женская невнимательность к деталям; журналистки в своем большинстве имеют недостатки) [Bennett 1898: 8-9]. Автор, таким образом, выражает мнение о подчинительной роли женщин в журналистике: если женщины ненадежные (*women are unreliable*), то на мужчин можно положиться; если женщины невнимательны к деталям (*women's inattention to detail*), то мужчины – внимательны; если женщины имеют недостатки (*women-journalists have faults*), то у мужчин недостатков нет. Важно отметить, что мнение А. Беннетта относительно способностей женщин к журналистике не было однозначно отрицательным. Автор утверждает: *there should not be any essential functional disparity between the journalist male and the journalist female* (в журналистике между мужчинами и женщинами не должно быть никакого неравенства). При этом автор с сочувствием подчеркивает существовавшую социальную несправедливость по отношению к журналисткам: *in Fleet Street there are <...> two species – journalists and women-journalists. <...> such a condition of affairs is mischievous* (на Флит-стрит есть два вида журналистов – журналисты и журналистки <...> такое положение дел губительно) [Bennett 1898: 10].

В начале XX в. характеристика журналисток на страницах печатных изданий изменилась на гораздо более оптимистичную, что подтверждается примерами из публикаций газет The Guardian и The Times 1909–1914 гг.: *prominent woman journalist; journalism is an ideal profession for women; difficult to produce a newspaper without the help of a woman* (выдающаяся журналистка; журналистика – идеальная профессия для женщин; сейчас затруднительно создать газету без женской помощи) [The Guardian URL; The Times URL]. Обращают на себя внимание высказывания мужчин-журналистов о своих коллегах женщинах. По словам журналиста газеты The Times С. Лоу, допуск к трудоустройству женщин в журналистике – одно из наиболее радостных и прогрессивных изменений в прессе, которые когда-либо были (*he said the employment of women in journalism was one of the most gratifying and advantageous developments of the Press which the age had witnessed*) [The Times URL].

Издательства британских газет The Morning Chronicle, Household Worlds, The Observer начали принимать женщин на должность рядовых журналистов уже с 1850 г. Э.Л. Линтон была первой официально трудоустроенной женщиной-журналистом в Великобритании, ее статьи публиковались в газетах The Daily News и St. James's Gazette [Encyclopedia Britannica URL]. Основными публикациями Э.Л. Линтон были художественные произведения: романы и стихотворения [Linton 1898: URL]. Среди наиболее противоречивых работ автора следует выделить художественный роман Realities (1851), осуждавший викторианские обычаи в воспитании девочек, и аргументативное эссе The Girl of the Period (1868), опубликованное в газете The Saturday Review, в котором женщины подвергались строгому порицанию: *The Girl of the Period is a creature who dyes her hair and paints her face <...> whose sole idea of life is fun* (девушка нашего времени – это существо, красящее волосы и рисующее на лице; существо, чей смысл жизни – веселье) [Linton, URL].

Одной из самых известных британских журналисток была Р. Бир, которая работала главным редактором газет The Observer с 1891 по 1901 гг. и The Sunday Times с 1893 по 1903 гг. Авторы современных газетных статей о Р. Бир называют

её первой леди с Флит-стрит – *The First Lady of Fleet Street* (BBC, *The Jewish Chronicle*, *The Guardian*) [Fascinating Women: URL]. В газете *The Daily Mail* Р. Бир характеризуется как *woman who smashed the glass ceiling* – женщина, разбившая стеклянный потолок [The Daily Mail: URL]. Известно, что понятие «стеклянный потолок» подразумевает недостижимые карьерные заслуги. Словарь-справочник «Управление персоналом» дает следующее определение этого понятия: «барьер настолько незаметный, что он прозрачен, но в то же время настолько основательный, что препятствует женщинам и представителям различных социальных групп продвигаться в управленческой иерархии» [Управление персоналом URL]. В британском обществе 1900-х годов, в котором только начали зарождаться идеи гендерного равенства, Р. Бир, будучи редактором двух британских газет, являлась истинным примером сильной и успешной женщины.

Авторами биографии о Р. Бир отмечено, что в 1900-е гг. журналистки имели ограниченный список тем, которые они могли освещать на страницах газет. Так называемыми «женскими» темами считались новости о моде и светские слухи. Новости о политике считались слишком сложными для женского разума. Несмотря на отсутствие особых связей и знакомств, которые были у ее коллег-мужчин, Р. Бир, по словам её автобиографов, бесстрашно поднимала вопросы внутренней и международной политики на страницах газет [Negev, Koren 2011: 8].

Наиболее известным вкладом Р. Бир в журналистику является проведение журналистского расследования и публикация чистосердечного признания преступника (*The Observer*, 25 September. 1898). Р. Бир также стала известна благодаря помощи в освобождении невинно заключенного солдата французской армии [Fascinating Women: URL]. Примечательным является факт того, что на должность, которую занимала Р. Бир в 1900-е гг., позже не допускали женщин вплоть до 1990-х гг. [Franks 2013; Negev 2011].

Следует также уделить внимание обзору статей из британских журналов начала XX в., посвященных суфражисткам. Многие исследователи отмечают, что начало XX в. имело большое значение в истории британского общества, и в частности британской прессы [Franks 2013; Laird 2016; Green 2016]. Х. Лейрд в

книге *The History of British Women's Writing* приходит к выводу о том, что период 1880–1910-х гг. характеризуется множеством обновлений в британском обществе – появляются идеи о «новой женщине», «новой журналистике», «новых идеях» (*New Woman, New Journalism, New Idea*) [Laird 2016: 8-9]. Одной из подобных «новых идей» являлась идея о суфражизме.

Печатную периодику, освещавшую вопросы суфражизма, условно можно разделить на две категории: преимущественно антисуфражистскую и суфражистскую.

Среди наиболее влиятельных британских суфражистских изданий следует выделить издание *The Suffragette* (годы издания – 1912–1918), главным редактором которого являлась британская активистка и со-основательница Женского общественно-политического союза К. Пэнкхерст. Газета *The Suffragette* была направлена на пропаганду так называемого агрессивного (воинствующего) суфражизма (*militant suffrage*): в статьях часто печатались призывы к голодовкам, акциям протеста и погромам. В частности, в выпуске от 14 марта 1913 г. указывается, что закон не способен подавить воинственных женщин: *the law is powerless to repress the militant women*. Статья сопровождается призывом бороться за равноправие и не сдаваться: *the law may imprison, may torture, may kill, but it cannot make women afraid, and it cannot make them surrender* (закон может заточить в тюрьму, пытаться, убивать, но закон не может испугать женщин и заставить их сдаться) [The Suffragette 1913: URL]. В данном агитационном призыве, где женщина-суфражистка (*the woman*) противопоставляется закону (*the law*), выражается общая идея о силе духа суфражисток.

Еще одним известным суфражистским изданием является британская газета *Votes For Women* (годы выпуска 1907–1918), которая считалась официальным печатным изданием Женского Общественно-Политического Союза. Главным редактором данной газеты была британская журналистка Э. Шарп, работавшая позднее для газет *The Daily Chronicle* и *The Manchester Guardian*. Исследователи британского суфражизма считают Э. Шарп ключевой фигурой в агитационной

работе суфражистских движений и отмечают ее писательский талант [Green 2016: 72; John 2003: 5]. В своих работах Э. Шарп подчеркивала важность сотрудничества мужчин и женщин, равноправия на рабочих местах. Журналистка считала, что государству необходимо концентрироваться не на создании особых условий для женщин, а на достижении равноправия между мужчинами и женщинами [Angela v. John 2003].

Важно отметить, что, несмотря на рост количества женщин на рабочих местах, в том числе в журналистике, женское трудоустройство зачастую не фиксировалось в данных переписи населения. Так, согласно переписи населения Великобритании 1901 года, официально трудоустроенными являлись лишь 30% от общего числа работоспособных женщин. При этом большая часть официально трудоустроенных женщин была занята в сфере домашнего обслуживания (*domestic work*). Наиболее распространенными профессиями также являлись: сфера торговли (*trades*), швейное дело (*dressmaking*), уборка по дому (*charwoman*), преподавание (*teaching*) [Women's Work in the 20th c.: URL]. Журналистика, таким образом, являлась новым направлением женского трудоустройства в начале XX в. и потому вызывала противоречия в британском обществе. Анализ британской прессы показывает, что социальные роли женщин эдвардианской эпохи уже не имели столь сильных ограничений, принятых в викторианский период. Это подтверждается, в частности, характером существовавшей женской прессы, затрагивавшей вопросы полового воспитания и сексуальной ориентации (*The Freewoman*). Изменения коснулись не только прессы феминистской направленности, но и основных новостных изданий: на страницах *The Times* и *The Manchester Guardian* публикуются новости о женщинах и для женщин.

Однако слабая изменчивость гендерных стереотипов приводила лишь к небольшим и постепенным изменениям в британских СМИ. Общественное мнение по-прежнему формировалось под влиянием стереотипа о женской вторичности.

Полученные данные составляют культурный контекст для последующего моделирования концепта *женщина* на основе анализа публикаций в газетах *The Times* и *The Guardian* 1909–1914 гг.

2.2. Языковые средства моделирования концепта *женщина* в газетах *The Times* и *The Guardian* начала XX века

Основой анализа средств языковой репрезентации концепта *женщина* послужили статьи из британских газет *The Times* и *The Guardian* начала XX в. Выбранный период 1909–1914-х гг. считается кульминацией развития общественного движения за предоставление женщинам избирательного права – суфражизма. Можно предположить, что социальные условия Великобритании начала XX в. наложили отпечаток на языковую реализацию рассматриваемого концепта.

Для выявления особенностей толкования понятия *woman* в начале XX в. были привлечены данные словарей первой половины XX в., в частности толковые словари *The Oxford English Dictionary – A New Dictionary on Historical Principles* (1933), *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles* (1937), *H.W. Fowler’s Dictionary of Modern English Usage* (1926), а также электронный тезаурус *The Historical Thesaurus of English*.

Сопоставительный анализ словарных дефиниций показал следующие совпадения значений в описании лексической единицы *woman*:

- Биологический пол – *an adult female human being, adult female, the female part of the human race*
- Статус, профессии, черты характера – *gentlewoman, man-woman, horsewoman, old woman, tire-woman*
- Служанка, прислуга, помощница по домашнему хозяйству – *a female servant, a lady’s maid, personal attendant*
- Матримониальный признак – *a kept mistress, paramour, wife.*

Прилагательными, соотносящимися с существительным *woman*, согласно данным этих словарей, являются единицы *female*, *feminine*. В словаре Фаулера, в отличие от других анализируемых словарей, приводятся следующие примеры использования прилагательных *female* (женский) и *feminine* (женственный), разграничивающие их использование: *female suffrage*, *female vote*, *female education* (женский суфражизм, женское право голоса, женское образование), *feminine beauty*, *feminine features*, *feminine arguments*, *feminine weakness*, *feminine spite and the like* (женская красота, женственные черты, женские споры, женские слабости, женская злость и тому подобное) [Fowler 1926: 175].

Особенностью словаря *The Oxford English Dictionary – A New English Dictionary on Historical Principles* (1933) является фиксирование основных устоявшихся словосочетаний с единицей *woman*, в частности, в нем выделяются комбинаторные примеры *woman+noun*: *woman-post*, *woman-body*, *woman-born*, *woman-slaughter*, *woman-movement*, *woman-suffrage*.

Весьма примечательна также экспликация стереотипных женских характеристик в словарях *The Oxford English Dictionary – A New English Dictionary on Historical Principles* (1933) и *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles* (1937). Содержание лексической единицы *woman* интерпретируется через стереотипные женские характеристики: капризность, склонность к слезам, непостоянство; в подобные характеристики также включается более низкий социальный статус:

- allusion to qualities generally attributed to the female sex, as *mutability*, *proneness to tears*, or *physical weakness*
- allusion to their position of *inferiority or subjection* (*to make a woman of*, *to bring into submission*).

Лексикографический анализ позволил выявить совпадения и различия в толковании понятия *woman* в словарях начала XX в. Можно смело утверждать, что исторической особенностью толкования понятия *woman* является определение женщины как служанки и домработницы *lady's maid*, *female servant*. Кроме того, примечательным является использование в словарях лексических единиц,

отражающих социальные реалии Великобритании: *woman-movement* и *woman-suffrage*, а также *inferiority*, *subjection*.

Синтаксические модели *woman+noun*, *female+noun*, *feminine+noun* позволяют выделить слова-репрезентаты наиболее типичных черт, характеризующих концепт *женщина* в начале XX века: красота (*feminine beauty*), слабость (*feminine weakness*), борьба за право голоса (*female vote*, *female suffrage*, *woman-movement*).

Анализ словарных дефиниций позволяет выделить различные уровни концепта *женщина*: суперординатный, базовый и субординатный, представленных в Таблице 1 (подробнее см. раздел 1.3.).

Базовый уровень концепта *женщина* составляют нейтральные признаки концепта *женщина*: *adult female*, *human*.

Субординатный уровень включает в себя слова конкретной семантики: *woman servant*, *lady's maid*, *kept mistress*, *wife*, *suffragist*.

Суперординатный уровень составляют единицы абстрактной семантики: *feminine*, *female*, *female mutability*, *proneness to tears*, *submission*.

Таблица 1. Уровни концепта *женщина* начала XX в.

Субординатный уровень	Базовый уровень	Суперординатный уровень
<i>Woman servant</i> <i>Female servant</i> <i>Lady's maid</i> <i>Kept mistress</i> <i>Suffragist</i> <i>Physical weakness</i> <i>Wife</i>	<i>Woman</i> <i>Female human</i> <i>Adult female</i>	<i>Feminine</i> <i>Female</i> <i>Mutability</i> <i>Proneness to tears</i> <i>Submission</i> <i>Inferiority</i>

Как видно из приведенных в Таблице 1 данных, субординатный и суперординатный уровни состоят из лексем, отражающих женскую слабость (*submission*) и подчинительное положение в обществе (*woman servant*).

В диссертационном исследовании используется модель фрейма *женщина*, предлагаемая в научной работе Л.П. Мурашовой [Мурашова 2018: 13-15].

Отметим, что фреймовое представление концепта предполагает схематичное моделирование по слотам или терминалам, «которые являются когнитивными компонентами, входящими в наши представления о типовых явлениях, событиях и объектах окружающего мира» [Лунгу 2015: 130]. Для моделирования концепта *женщина* были выделены следующие фреймы:

- биолого-физиологические характеристики,
- ментально-психические характеристики,
- социокультурные характеристики.

Логико-семантический анализ материалов публикаций The Times и The Guardian позволил выделить слоты для данных фреймов. Фрейм «Биолого-физиологические характеристики» составляют слоты:

- пол,
- внешность,
- физическая сила.

В слоте *пол* отражены биолого-социальные связи. Он репрезентирован лексемами, частично совпадающими с базовым уровнем концепта *женщина*, а также лексемами, отражающими родственные и социальные связи: *woman, wife, lady, girl, sister, mother, female, female sex, feminine element, bitch, prostitute, harlot, maid, mistress, daughter*, среди которых можно выделить единицы как нейтрального стиля (*woman, wife, lady, girl, sister, mother, female, female sex, daughter, feminine element*), так и единицы с негативными коннотациями: *bitch, prostitute, harlot*, а также единицы со значением «домашний работник» *maid, mistress*. Присутствуют также имплицитные номинации женщин, представляющие собой производные от эксплицитной номинации мужчин: *second-rate man, second-rater* (второсортный мужчина, второсортная). Имплицитная лексическая репрезентация женского пола отражает женскую «вторичность» в британском обществе начала XX века [The Guardian URL; The Times URL].

В слоте *внешность* можно выделить названия тех черт лица и тела, на которые обращают внимание авторы при описании женской красоты: цвет лица, ресницы, губы, талия (*pinched waist; thin waist* – изящная талия; тонкая талия),

рост (*lend height to the short woman* – придать роста невысокой женщине), лицо (*every woman's face is a living index of the treatment she gives it* – лицо каждой женщины – верный показатель того, как она за собой ухаживает). В газетных публикациях имеет место языковая экспликация критики женского тела: объясняется, что занятия спортом портят женскую фигуру: *large, red-faced being in severely practical garments; bearing no trace of femininity* (большое краснолицее существо в весьма практичной одежде; нет и намека на женственность) [The Times URL].

Число языковых средств, обозначающих женскую красоту, невелико вследствие распространенного в викторианскую эпоху гендерного стереотипа о необходимости подавления женской сексуальности, а также вследствие высокой степени морализации женского образа.

Особый интерес представляет языковое отражение модных тенденций в одежде начала XX века. В публикациях The Times и The Guardian лексема *woman* используется в одних контекстах с лексемой *trousers: women may wear trousers; pink trousers turned up in a masculine manner; turn up trousers; Turkish trousers* (женщины могут носить брюки; розовые брюки, подвернутые на мужской манер; подворачивать брюки; турецкие брюки). Употребление адъективов *mannish, masculine* по отношению к женской внешности является тенденцией начала XX в., отражающей обеспокоенность по поводу более свободного стиля в одежде женщин: *the masculine tendencies of today; women are less lovely now; looking like caricatures of Grecian Beauties; women of today are more mannish than their mothers; English women are losing beauty lines; the beauty of a woman's figure is no longer judged by the smallness of her waist* (современные маскулинные тенденции; женщины сейчас не такие милые; выглядят как карикатуры греческих богинь; современные женщины более мужеподобны, чем их матери; англичанки утрачивают красивые линии тела; о красоте женской фигуры больше не судят по размеру талии) [The Guardian URL; The Times URL]. Желаемая свобода в выборе женской одежды распространяется на любые детали гардероба: *women's dress is slowly improving; frills are not hygienic; the skirt allows of the free movement of the*

limbs; never before have women dared to show their legs as they have shown during the last year or so (женское платье становится лучше; оборки негигиеничны; юбка дает свободу движения; никогда прежде женщины не осмеливались оголять свои ноги так, в прошлом году).

Лексические единицы слота *внешность* отражают, с одной стороны, относительную свободу женщин в области выбора стиля одежды (*woman's dress ought to become more rational, dress reforms*), а с другой – неприятие подобной свободы со стороны общества (характеристики *masculine, mannish, less beautiful*).

В слоте *физическая сила* обнаружены лексические единицы с денотативными и коннотативными значениями «слабость», как, например, следующие прилагательные: *weak, slow, passive, inferior* (слабая, медленная, пассивная, неполноценная), глагольные комплексы: *has to be protected; cannot fight; cannot perform a simplest action of life* (её нужно защищать; не может бороться; не может выполнить даже простого действия в своей жизни). В следующих языковых единицах смысл «женская слабость» имплицитен: *men's stronger fibre; muscular superiors; surer stamina; his physical ability* (более прочный мужской стержень; физическое преимущество; более надежная выносливость; его физические способности). Таким образом, слот женской физической силы составляют лексические единицы, отражающие оппозицию *мужчина/женщина, сила/слабость*. Характер публикаций *The Times* и *The Guardian* свидетельствует о том, что смысл *женская слабость* может иметь как эксплицитное, так и имплицитное выражение: если языковая характеристика мужчин всегда имеет значение «сила» (*strong, active*), то характеристика женщин имеет значение «слабость» (*weak, passive*).

Обращает на себя внимание наличие адъективов *handicapped, invalid, lame* и *crippled* (нетрудоспособная, калека, убогая, ущербная), используемых относительно женщин-инвалидов. При этом адъектив *handicapped* и существительное *handicap* употребляются и для номинации женщин в целом: *the handicap of sex; women are still handicapped* (ущербность пола; женщины все еще ущербны). Подобным же образом употребляются лексемы *disabled, disabilities*:

disabilities inherent in her sex; disabled as a woman (врожденные недостатки женского пола; ущербная как женщина). Данные лексические единицы также содержат в своем семантическом объеме смысл слабости и, помимо этого, отражают представление об отклонении от нормы, принятой в обществе. Ущербными признаются не только женщины с физическими недостатками (в противопоставление здоровым женщинам), но и женщины как биологический класс (в противопоставление мужчинам).

Таким образом, отличительной чертой лексических единиц в слоте *физическая сила* является наличие лексем, передающих значение «слабость»: женская физическая слабость противопоставляется мужской силе; женщина воспринимается как вторичное существо (*second-rater*), с ограниченным набором способностей (*handicapped as a woman, disabled*).

Фрейм «Биолого-физиологические характеристики» концепта *женщина* представлен на рис. 1.

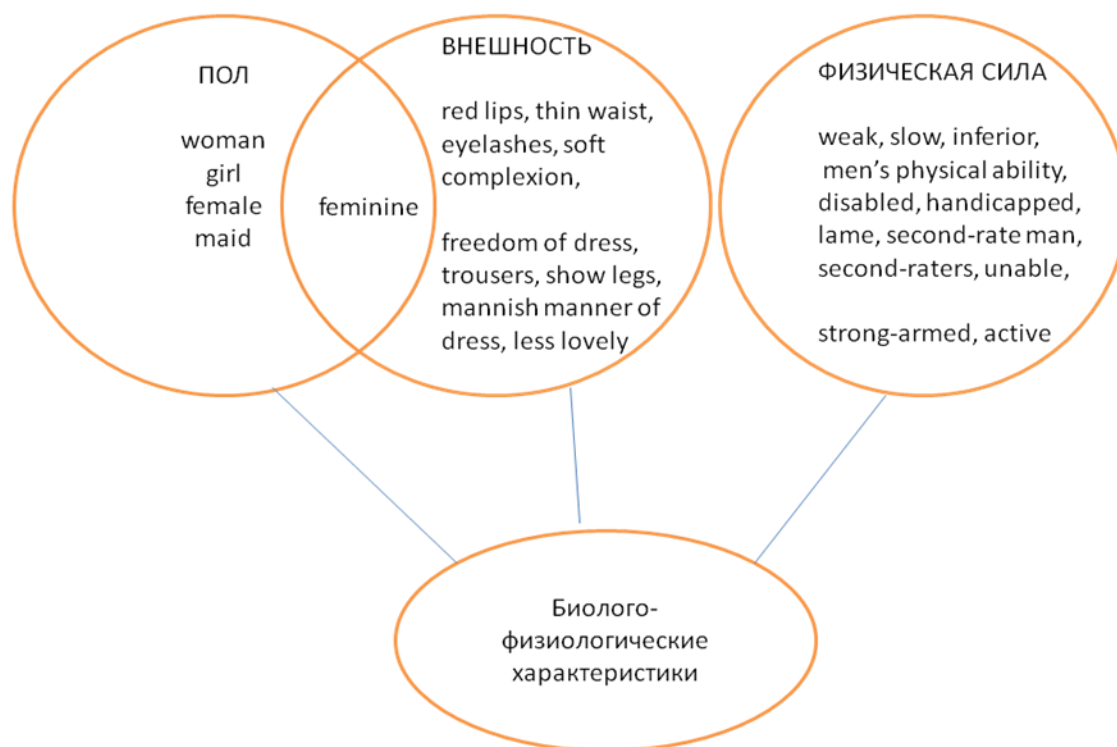

Рисунок 1. Фрейм «Биолого-физиологические характеристики»

Фрейм «Ментально-психические характеристики» состоит из слотов:

- умственные способности,

- участие в образовании,
- типичные черты характера,
- характеристика суфражисток.

Состав слота *умственные способности* неоднороден. С одной стороны, в данном слоте находится множество лексем со значением «слабость», «глупость»: *shallow, shallowness, narrow, narrowness of her mental outlook, inherent incapacity for scientific research, irreparable ignorance of political matters, limited, ignorant, uninterested, half-witted* (недалекие, недалекость, ограниченные, узость кругозора, врожденная неспособность к научному труду, неисправимая невежественность в вопросах политики, невежественные, незаинтересованные, глупые).

С другой стороны, в связи с описанными выше социальными изменениями, произошедшими в Великобритании в начале XX в., которые привели к росту количества женщин на новых рабочих местах, в слоте *умственные способности* присутствуют также лексические единицы с положительной коннотацией: *able, capable, educated, cultivated, free from shackles of old traditions* (способные, одаренные, воспитанные, образованные, свободные от оков старых традиций). В целом лексическое наполнение слота *умственные способности* может быть представлено в оппозициях *ум/глупость, образованная/необразованная, воспитанная/невежа*.

Слот *черты характера* представлен лексемами, обозначающими женскую слабость и пассивность: *shy, timid, modest, passive, silent* (стеснительная, робкая, скромная, пассивная, молчаливая). Данные лексические единицы можно назвать контекстными синонимами, объединенными значением «молчание». Эти лексемы сопрягаются со значением «слабость», выраженном в слоте *физическая сила*, и со значением пассивности, выраженном в слоте *умственные способности*. Можно также предположить, что «молчаливая» (*silent, shy*) и «скромная» (*modest*) составляют идеальный образ женственности, культивировавшийся в британской прессе начала XX в.: *the morals are worse than they were 10 years ago; clothes were more proper; moral degeneration; requirement of Modesty* (нравы стали хуже, чем 10 лет назад; одежда была более достойная; моральное разложение; потребность в

скромности). Подобная стереотипная характеристика идет вразрез с характеристикой женщин-суфражисток, представленной в соответствующем слоте: *militant, aggressive, determined, ready to speak up, liberal, not naturally feminine* (воинственная, агрессивная, решительная, готова высказаться, либеральная, изначально не женственная). Таким образом, лексическая репрезентация черт характера может быть представлена в оппозициях *типичная женщина/суфражистка: shy/ready to speak up, modest/aggressive, passive/militant* и так далее.

Суфражизм, как одна из составляющих концепта *женщина*, может быть представлен в нескольких фреймовых слотах сразу. Как отмечают ученые, внутренние и внешние границы языкового концепта размыты [Попова, Стернин 2001; Карасик 2000], что объясняет способность его различных составляющих накладываться друг на друга.

Фрейм «Ментально-психические характеристики» концепта *женщина* представлен на рис. 2.

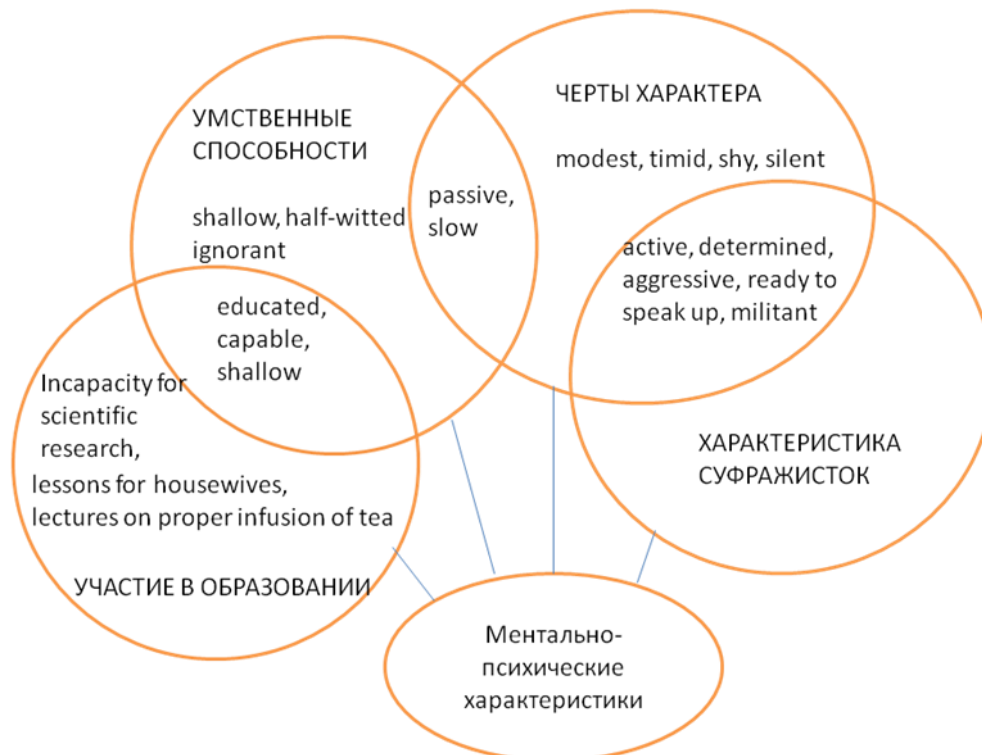

Рисунок 2. Фрейм «Ментально-психические характеристики»

Фрейм «Социокультурные характеристики» можно разделить на следующие слоты:

- семейные отношения (мать, жена),
- социальные роли (домохозяйка, работница, суфражистка).

В публикациях *The Times* и *The Guardian* лексем-репрезентаты фреймов *мать* и *жена* зачастую накладываются друг на друга. Главной обязанностью матерей признается не только воспитание детей, но и домашние дела: *sound home; preservation of the English home; making of the English home as good and happy as it possibly could be; the primary claim upon the mother and the wife is the home; the duty of married women in the home; a married woman should not go out to work; women should be compelled to stay at home; making of the home, marriage full and complete is the noblest career for women; the highest ideal of womanhood is to be found in the home* (крепкий дом; сохранение английского дома; сделать английский дом таким уютным и счастливым, каким только возможно; главное требование к жене и матери – создание домашнего очага; главная обязанность замужней женщины – следить за домом; замужняя женщина не должна работать; женщин нужно заставлять оставаться дома; создание уюта, счастливое замужество – вот самая благородная женская карьера; идеал женственности следует искать в доме).

Данные контексты свидетельствуют о прочной ассоциативной связи понятий «мать», «жена» и «домохозяйка» в английском языке начала XX века.

В следующих примерах очевидна репрезентация домашних обязанностей замужних женщин: *wife is a good housekeeper; industrious and clean housework may be as hard as or harder than the husband's; 6 million married women of whom 5 are their own housekeepers; airing the beds, dusting, sweeping, cookery, laundry work, dress-making and needle work* (жена – хорошая домохозяйка; тщательная работа по дому может быть такой же сложной, как работа мужа, а может и сложнее; 6 миллионов замужних женщин, из которых 5 – домохозяйки; просушка постельного белья, вытирание пыли, приготовление пищи, ремонт одежды, шитье и вышивка). Семантика данных лексем отражает традиционное понимание роли женщины как домохозяйки и вменяемой ей в обязанность работы.

Роль домохозяйки признавалась одной из самых распространенных в Великобритании начала XX века. Традиционное восприятие женщины как домохозяйки поддерживалось и культивировалось на страницах анализируемых британских печатных изданий. Слот *домохозяйка* наполнен лексемами, гиперболизирующими роль женщины в ведении домашнего хозяйства: *domestic science and domestic art; household is crown and scepter for women; ruler of the household* (домашняя наука и домашнее искусство; домашнее хозяйство – это корона и скипетр для женщин; правитель домашнего хозяйства). При этом, в проанализированных публикациях отмечается употребление лексемы *household* исключительно в сочетании с *woman*, таким образом, ответственность за домашнее хозяйство закреплялась только за женщинами.

Слот *домохозяйка* имеет прочную ассоциативную связь не только со слотами *мать* и *жена*, но и со слотом *работница*. Как известно, большая часть женщин Великобритании могла реализовать себя исключительно в сфере домашнего хозяйства: *women stayed at home and fulfilled the duties of wives, mothers, maids-of-all-work; women's true interests lie within her home* (женщины оставались дома и выполняли обязанности жены, матери, мастерицы на все руки; настоящие интересы женщины – дом). Для слота *работница* характерен дополнительный смысл «дешевый», который проявляется в контекстах, описывающих женский труд: *women's labor is cheap; the rate of pay is not high; cheap labourers* (дешевый женский труд; ставка заработной платы невысока; дешевые работницы).

В языковом наполнении слота *работница* также присутствует семантический признак «слабость»: *her strength is generally less than a man's; work spheres where physical stamina is of little importance; inevitable limitation of the field of feminine work; the official manners of women are inferior to those of men; difficulty in rising to speak to a male head; have not the official temperament; too mindful of their sex even at work* (женщина слабее мужчины; сферы работы, не требующие выносливости; неизбежные ограничения в женском труде; женщины проигрывают мужчинам в умении вести себя в официальной обстановке;

сложность общения с начальником; слишком много думают о себе даже на работе).

Тем не менее, в публикациях *The Times* и *The Guardian* были найдены языковые единицы, отражающие некоторые изменения социального положения женщин. К ним относятся лексические единицы, называющие профессии, в которых могут задействовать себя женщины. В вокабуляре, обозначающем профессии, гендер получает эксплицитное выражение благодаря различным способам словообразования – аффиксации и словосложению. В газетных публикациях были обнаружены гендерно-маркированные единицы с суффиксом *-ess*: *manageress, governess, assistant mistress, headmistress, senior mistress, actress* (управляющая, гувернантка, помощница, директор, актриса); сложносоставные образования с компонентами *-woman, -girl, -female*: *woman doctor, washerwoman, women typists, girl clerks, woman sanitary inspector, female police constables, girl workers at a tea factory, pit-brow girls, women pit-brow workers* (доктор, прачка, машинистка, служащая, санитарный инспектор, полицейский, наземные работницы угольной шахты).

Необходимо также отметить лексемы без гендерной маркированности: *journalists, bank clerks, clerks, managers of the households, bee-keepers, dairy farmer, washerwoman, typists, secretaries, solicitors, barristers* (журналисты, банковские служащие, управляющие домашним хозяйством, пасечницы, работница молочной фермы, прачка, машинистки, секретарши, адвокаты, юристы). Из приведенного выше списка профессий лишь 4 принадлежат к сфере физического труда: работница молочной фермы (*dairy farmer*), пасечница (*bee-keeper*), наземный работник на угольной шахте (*pit-brow girl*), прачка (*washerwoman*); основную массу составляют лексемы, обозначающие профессии, связанные с умственным трудом и не требующие физической силы: *woman-typist, secretary, barrister, female police constable* (машинистка, секретарша, юрист, женщина-офицер полиции).

Следует подчеркнуть, что языковое наполнение слота *работница* выражает не только смыслы «слабость» и «дешевый труд», но и смысл «успех»: *ideal*

journalists; willing; great increase in the number of women entering on a university career; conscientious; educated (идеальные журналисты; заинтересованные; огромный рост числа женщин, поступающих в университеты; добросовестные; образованные). Подобные изменения в языковой репрезентации понятия *работающая женщина* можно связать с социальными изменениями в британском обществе и с желанием печатных изданий соответствовать духу времени.

Таким образом, слот *работница* условно состоит из лексем с положительной и отрицательной коннотацией и пересекается с другими слотами концепта *женщина*.

Самым наполненным слотом фрейма «Социокультурные характеристики» является слот *суфражистка*, состоящий из субслотов *хулиганство, протест и равноправие*. Для обозначения представительниц движения суфражизма на страницах *The Times* и *The Guardian* используются как нейтральные номинации: *suffragist, suffragette, suffrage activists* (суфражистка, суфражетка, активистки суфражизма), так и негативно маркированные: *political offenders, raiders, political degenerates* (политические преступницы, захватчицы, политические дегенераты).

Поскольку главной целью движения суфражизма было признание права женщин избирать, в публикациях часто встречаются различные обозначения суфражизма: *woman suffragism, Votes For Women, enfranchisement, enfranchisement of women, the cause, woman's cause, the movement, women's movement, suffrage movement, anti-suffrage movement, anti-suffrage* (женский суфражизм, право голоса для женщин, освобождение, освобождение женщин, женский вопрос, женское движение, суфражистское движение, антисуфражистское движение).

Отрицательное значение преобладает в атрибутивных комплексах, употребляемых по отношению к суфражисткам: *criminal and stupid, violent, dangerous, militant, rebellious, outrageous, annoying, mad, screaming farce of suffragism, disastrous* (преступные и глупые, жестокие, опасные, воинственные, возмутительные, раздражающие, сумасшедшие, кричащий фарс суфражизма, злополучные).

Сложные синтаксические комплексы, используемые на страницах газет *The Times* и *The Guardian* для описания деятельности суфражисток, можно объединить под общим значением «жестокость» и представить как субслот *хулиганство*: *window-breaking by militant suffragists; about 20 women charged with causing willful damage to Government offices; a woman smashed windows with a walking stick; struggle with the policemen; many windows broken in the streets; stone-throwing cases; telegraph lines were cut in Wales; an alleged attempt to set fire; more suffragist arson happening at post offices; the suffragists have threatened to commit further damage* (воинствующие суфражистки разбивают окна; около 20 женщин обвинены в умышленном причинении вреда зданиям правительственных учреждений; женщина разбила окна тростью; бороться с полицейскими; на улицах много разбитых окон; случаи забрасывания камнями; телеграфные линии в Уэльсе перерезаны; предполагаемая попытка поджога; больше случаев поджога, устроенных суфражистками в почтовых отделениях; суфражистки угрожают дальнейшим нанесением ущерба).

Важно отметить использование синтаксических комплексов, отражающих негативное отношение общества к суфражисткам: *suffragists treated roughly; rough receptions; pelted with snow, an evidently hostile crowd; Mrs Lewis was snowballed and buffeted by a number of men; hissing, punching* (жестокое отношение к суфражисткам; грубый прием, забросаны снегом; откровенно враждебная толпа; несколько мужчин ударили и забросали снегом миссис Льюис; освистание, удары).

В публикациях часто встречаются лексические единицы, объединяемые значением «неподчинение», «отказ от еды», которые можно представить как субслот *протест*: *hunger strike; refused to take food; refused breakfast; hunger-strike carried out by 12 women; rebelled; broke the windows in their cells; all means of protest had been taken from me except fasting; I would not allow myself to be fed through the nostrils; King George, do you know that women are being tortured in your Majesty's gaol?* (голодовка; отказалась от еды; отказалась от завтрака; голодовка 12 женщин; протестовала, разбили окна в своих камерах; у меня отняли все

способы протеста, кроме голодовки; я не позволю чтобы меня кормили через ноздри; король Джордж, знаете ли Вы, что в тюрьмах Вашего Величества пытаются женщин?).

Субслот *протест* составляют не только лексемы, отражающие действия по отношению к суфражисткам, но и лексемы, выражающие личное мнение суфражисток. Во фрагментах агитационных речей суфражисток употребляется модальный глагол *must*, а также глагольная конструкция *to be going to* для усиления агитационного эффекта: *we must protest in an open rebellion against tyranny; women must win their battle at all costs; women must seize their opportunity; we are going to win the freedom for our sex this very year!; we are going to fight, and can fight hard; I am determined to stand my ground; the spirit always comes to you when you are fighting a fight for principle* (мы должны открыто протестовать против тирании; женщины должны выиграть битву любой ценой; женщины должны выиграть битву во что бы то ни стало; женщины должны хвататься за возможности; мы собираемся выиграть борьбу за свободу женщин в этом году!; мы собираемся бороться, и мы будем жестко бороться; я уверенно буду стоять на своем; воодушевление всегда к вам приходит, когда вы боретесь за принципы).

Некоторые фрагменты из агитационных речей суфражисток можно объединить под общим названием «равноправие». Лексико-синтаксические комплексы, отобранные из этих выступлений, формируют субслот «равноправие». Данный субслот может быть представлен следующим образом: *women would be paid the same wages as men doing the same work; women should be recognized at equal factors with men; they would have the same rights and duties; equally with men; those who pay the same contribution as men should receive the same benefit; give equal rights to men and women* (женщинам бы платили те же деньги за ту же работу, что и мужчинам; женщин должны признавать на тех же началах, что и мужчин; у них были бы одинаковые права и обязанности; наравне с мужчинами; те, кто платит такие же налоги, как мужчины, должны получать такие же привилегии; предоставьте женщинам и мужчинам равные права). Как можно

заметить, ядерной лексемой в субслоте «равноправие» является адъектив *same* (одинаковый, такой же).

Если сопоставить лексемы внутри слота *суфражистка*, можно обнаружить, что многие из них несут негативную коннотацию и отражают неприятие обществом самого движения и его участниц. Лексические единицы, характеризующие женщин, зачастую обозначают агрессию и воинственность, что можно интерпретировать как оппозицию слота *суфражистка* слотам *мать*, *жена*, *домохозяйка*.

Фрейм «Социокультурные характеристики» представлен на рис. 3. На схеме видно, что слот *домохозяйка* пересекается с тремя другими слотами – *мать*, *жена* и *работница*. Слот *суфражистка* состоит из нескольких субслотов и не имеет пересечений с другими слотами.

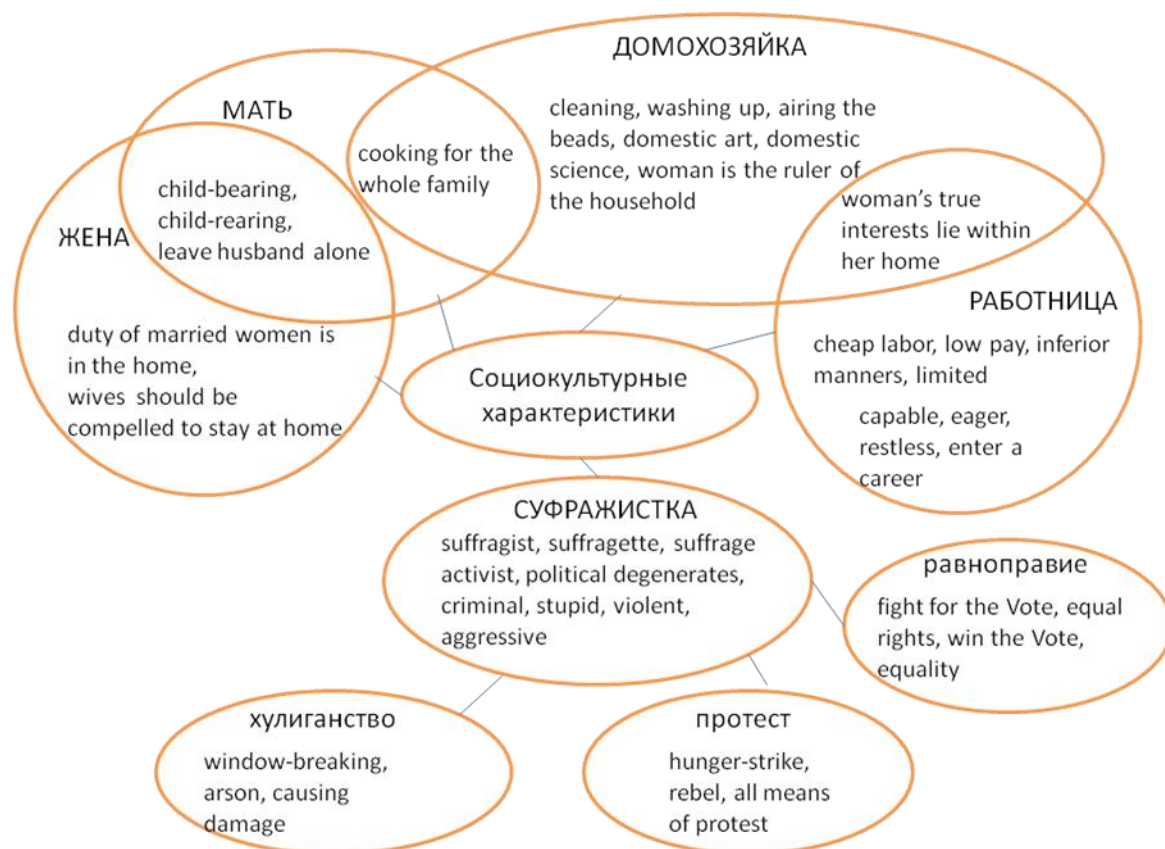

Рисунок 3. Фрейм «Социокультурные характеристики»

2.3. Языковая репрезентация социальных ролей женщины в газетах The Times и The Guardian начала XX века. Гендерные стереотипы в публикациях начала XX в.

Реконструируемая в диссертационном исследовании модель концепта *женщина* опирается на смыслы, которые транслировались обществу со страниц газет The Times и The Guardian в начале XX в. Данные смыслы раскрывались в аксиологическом аспекте языковой репрезентации социальных ролей женщин, в стереотипах или аллюзиях к ним.

Как было отмечено в Главе 1, язык, в том числе язык средств массовой информации обладает способностью отражать картину мира [Морковкин, Морковкина 1996: 43]. Исследователи К.М. Баранова и О.Г. Чупрына в свою очередь, справедливо отмечают способность средств массовой информации не только отражать, но и моделировать языковую картину мира [Баранова, Чупрына 2015: 8]. Сама по себе картина мира состоит из разнообразных стереотипов [Липпман 2004: 107]. Уолтер Липпман справедливо отмечал, что стереотипы складываются в «удобную» картину мира, к которой приспособился индивид. [ibid].

Необходимо отметить, что начало XX века, так называемая эдвардианскую эру 1901–1914-х гг. можно охарактеризовать как весьма противоречивое для британского общества эпоху. Эдвардианской эре предшествовала Викторианская эпоха, длившаяся более 60 лет (1837–1901) и наложившая отпечаток на общественные порядки и нормы. Викторианские понятия о морали и укоренившиеся в обществе гендерные стереотипы продолжали существовать и в Эдвардианскую эпоху. Социальные роли мужчин и женщин получили наибольшее разграничение именно в Викторианскую эпоху. Историк и журналист К. Хьюз в статье *Gender Roles in the 19th Century* выделяет следующие особенности Викторианского гендерного разделения [Hughes URL]:

- Разделение по сферам труда.

Главной социальной ролью для женщины считалось создание уюта в доме (*being Angel in the House*), что использовалось как аргумент против признания права голоса за женщинами.

- Особые условия обучения для женщин.

Как отмечает историк и журналист К. Хьюз, особую роль в воспитании женщин играло воспитание хороших манер и подчинение требованиям морали.

- Угнетение женской сексуальности и обязательное замужество.

Главной целью женщины признавалось замужество, поскольку это давало ей шанс стать матерью [Hughes URL].

Установлено, что стереотип о разделении по сферам труда на страницах газет получил соответствующее лексическое выражение. Во многих статьях **пропагандируется** роль домохозяйки: *there are numbers of girls <...> who would make far more efficient housewives than secretaries; let the best brains, the healthiest bodies, the widest interests be spent upon home* (есть множество девушек, которые стали бы гораздо лучшими домохозяйками, чем секретарями; пусть лучшие умы, самые здоровые тела и самые широкие интересы женщин найдут применение дома). Кроме того, труд домохозяйки поощряется обществом: в Великобритании начала XX в. становятся доступными многочисленные курсы для домохозяек, а само ведение домашнего хозяйства приравнивается к своеобразной «карьере для женщин»: *home economics as a career for women; students can enter for the housewife's diploma* (домашняя экономика как карьера для женщин; студентки могут претендовать на получение диплома домохозяйки). Подобное общественное положение подтверждает существование стереотипа об особых условиях обучения для женщин: курсы для домохозяек предлагали обучение не только в традиционных для домашней работы сферах, таких как стирка и глажка; в программу курсов входили также уроки первой медицинской помощи и красноречия.

Языковой материал свидетельствует, что семья и материнство приравниваются к работе и карьере для женщин: *making of the home, marriage full*

and complete is the noblest career for women (забота о доме, полноценный брак – вот самая благородная карьера для женщин) [The Times, URL].

Помимо лексем *science* и *career*, употребляемых по отношению к женщинам в контексте «ведение домашнего хозяйства», весьма примечательным является словосочетание *working hours*, которое используется вместе с лексемой *wife*: *between breakfast and the evening are the wife's working hours: meals should be prepared, supplies bought in, the silver cleaned* (с завтрака и до вечера у жены рабочее время: обед должен быть приготовлен, еда закуплена, серебро начищено) [ibid]. Таким образом, в обязанности жены входит не только уборка дома (*the house cleaned*), воспитание детей (*child-bearing, child-rearing*), но и посещение магазинов и встречи с друзьями.

Концептуальная метафора «женщина–механизм» участвует в воспроизведении стереотипа об обязательном замужестве и материнстве на страницах газет. В газетных текстах The Times встречаются: *the mother is the pivot of all the complex machinery of family life; the keystone of the home arch; woman is the mother-thing* (мать – это главное звено в построении сложного механизма семьи, краеугольный камень дома; женщина – это инкубатор) [The Times]. С одной стороны, отождествление женщины и механизма (*woman – thing*) имеет дерогативный характер; с другой, он утрачивается, поскольку дом и семья также репрезентированы с помощью механистической метафоры.

Примечательны гиперболизированные номинации женщин, занятых домашним хозяйством: *when women realize the potentialities of home economics career, they will become not only Empire-builders, but also Empire-conservers* (когда женщины осознают возможности домашней экономики как карьеры, они станут не только строителями Империи, но и хранителями Империи).

Общество начала XX в. считало, что наиболее ценные годы в жизни женщин ограничиваются периодом с 18 до 30 лет (*a woman should realize that from 18 to 30 were the most valuable years of her life*), а интересы «нормальной» женщины всегда лежат в сфере семьи, дома и собственного здоровья (*the thoughts of a normal woman are turned inwards and concentrated on her home, her family, her*

health) [The Times URL]. В приведенных выше примерах следует обратить внимание на использование прилагательного превосходной степени *most valuable* для привлечения внимания читательниц – при этом важность материнства выражена имплицитно, поскольку с биологической точки зрения возраст между 18 и 30 годами лучше всего подходит для рождения детей. Во втором примере *the thoughts of a normal woman are <...> concentrated on her family* имеет место имплицитное выражение социальной нормы: если женщина думает только о семье, то она нормальная (*inwards = normal*), а если женщина думает о чем-либо, не касающемся дома, она – ненормальная (*outwards = abnormal*). Фактически в этом случае имеет место пространственная метафора *in = good, normal, out = bad, abnormal*.

Нельзя также не отметить похожий случай языковой репрезентации общественного мнения относительно материнства: *the miserable idiot ought not to have children at all* (лишь несчастный идиот не заводит детей) [The Times URL]. Адъективная конструкция *the miserable idiot* приравнивает бездетного человека к категории «несчастливых идиотов». В приведенном примере проявляется оппозиция *норма/отклонение*, которая уже была замечена при конструировании концепта *женщина* во фреймах «Ментально-психические характеристики» и «Социокультурные характеристики». Лексическая репрезентация гендерных стереотипов находит отражение не только в оппозициях *женщина/мужчина*, но и в противопоставлении *нормальная женщина/ненормальная женщина*, в котором нормальной женщиной признается мать, а отклонение от нормы – это бездетная женщина.

Поскольку ведение домашнего хозяйства предстает как одна из основных социальных ролей женщины, основные обязанности домохозяйки репрезентированы достаточно широко: *once a week she pays her bills, once a month she takes a trip into the town: looks at the shops, drinks tea with her friends; home baking, brewing, spinning and weaving, washing up, dusting, cleaning, cooking, marketing, mending for a whole family with her one pair of hands, govern the house; rear a family; ask no questions before dinner; leave husband alone* (раз в неделю она

оплачивает счета, раз в месяц она ездит в город: смотрит на витрины, пьет чай с подругами; стирка, вытирание пыли, уборка, приготовление пищи, поход по магазинам, мелкий ремонт собственными руками, управление домом; воспитание семьи; не задавать вопросов перед ужином; оставить мужа в покое) [The Guardian URL]. Среди приведенных выше лексических единиц следует выделить *looks at the shops, drinks tea with her friends; home baking, brewing, spinning and weaving, cooking*, как репрезентантов возможных областей социальной активности женщины: поход по магазинам, чаепитие с подругами, изготовление домашней выпечки, заваривание чая, шитьё, готовка.

Столь масштабная языковая репрезентация социальной роли *домохозяйки* в начале XX в. напрямую связана с существовавшим в то время стереотипом о неспособности женщин к полноценной трудовой деятельности. В газетах The Times и The Guardian неоднократно упоминаются «второсортные» женские умственные способности по сравнению с мужскими: *the average woman is less efficient than the average man; to have a woman doing the work of man<...> was contrary to the instincts of Englishmen* (среднестатистическая женщина менее работоспособна, чем среднестатистический мужчина; нанять женщину на должность, традиционно занимаемую мужчиной, шло вразрез с привычками англичан) [The Times URL]. Словосочетание *less efficient* (менее способная), употребленное по отношению к женщинам, выражает более низкую оценку способностей женщин к умственному труду по сравнению с мужчинами. Во втором примере авторы публикации используют глагольную конструкцию с отрицательной коннотацией: *was contrary to the instincts*. Трудоустройство женщин характеризовалось как «идущее вразрез, противоречащее нормам».

Следует отметить, что помимо перечисленных выше викторианских стереотипных представлений о наиболее распространенных женских социальных ролях, на страницах The Times и The Guardian упоминаются новые для начала XX века женские социальные роли: *женщина в политике* и *женщина-работник*.

Социальный конфликт и недовольство социальной ролью женщины выражалось еще с середины XIX века, например, в словах сестры милосердия Ф.

Найтингейл, принимавшей участие в лечении солдат в Крымской войне: общество навязывает свои институты, свою философию и свою любовь. Они (женщины) живут от завтрака к ужину, от ужина к десерту, и от десерта ко сну [Nightingale 1992: 214]. Похожую точку зрения высказывает Ш. Бронте в социальном романе «Шерли»: я мечтаю о получении профессии 50 раз в день. <...> и часто задаюсь вопросом, в чем смысл жизни для женщины [Brontë 1998: 135].

Анализируемый в данной главе период 1909–1914-х гг. можно по праву назвать временем формирования «новой женщины» – женщины, принимающей активное участие в политической деятельности, борющейся за равные с мужчинами права. Роль *женщина в политике* в Великобритании начала XX в. была тождественна социальной роли *суфражистка*, поскольку данное политическое движение, сформированное еще в конце XIX в., было направлено на предоставление женщинам политического равноправия. Поскольку сторонницы суфражизма зачастую использовали радикальные методы борьбы за избирательное право женщин, предполагалось, что именно эта социальная роль получит на страницах анализируемых публикаций наиболее негативную характеристику [Ерохина URL].

Слово *suffrage* было заимствовано в английский язык из старофранцузского в конце XIV века в значении *prayers or pleas on behalf of another* (молитвы или просьбы за другого) [Dictionary.com URL]. Значение *right to vote* (право политического голоса) впервые появляется в американской Конституции в 1787 году. Немного раньше в американском варианте английского языка появилось слово *suffragist* – *a participant in the women's movement to win voting rights in the United States*, после того как в 1869 Вайоминг предоставил женщинам избирательное право [ibid]. Позднее этого слово появилось и в британском варианте английского языка. Помимо субстантива *suffragist* существовало слово *suffragette*, которое, согласно Этимологическому словарю, появилась в английском языке в 1906 г. для обозначения радикально настроенных представительниц движения суфражизма [OED URL]. Данные Этимологического словаря находят подтверждение в газетных публикациях. Так, в газете The

Manchester Guardian в 1910 году отмечается семантическое различие между единицами *suffragist* и *suffragette*: *she would not only be a suffragist, but a suffragette* (она была бы не просто суфражисткой, а радикальной суфражисткой) [The Guardian URL]. Подобная семантическая дифференциация присутствует и в публикациях в The Times: *suffragists versus suffragettes; why should the sins of the guilty suffragettes be visited upon the innocent suffragists?* (суфражистки против радикальных суфражисток; почему грехи радикальных суфражисток приписывают простым невинным суфражисткам?) [The Times URL]. Однако, как показывают результаты анализа архивных статей из газет The Times и The Guardian, вместо лексемы *suffragette* для обозначения агрессивных суфражисток гораздо чаще использовалось словосочетание *militant suffragists*. В частности, число публикаций периода 1909–1914-х гг. в газете The Times с ключевым словосочетанием *militant suffragists* более чем в 3 раза превышает число публикаций с ключевым словом *suffragette* (635 и 210 соответственно), согласно данным архива газеты The Times [The Times URL].

Среди номинативных конструкций, использовавшихся для репрезентации социальной роли *суфражистка*, необходимо выделить существительное *raider* (участница налета, мародер), которое употреблялось, в том числе вместе с прилагательным *militant* (боевая, активная): *militant suffragists*, *militant raiders*, *suffragist militancy* (воинствующие суфражистки, агрессивные участницы налета, суфражистская воинственность). Таким образом, политически активная женщина начала XX в. наделялась такими качествами, как воинственность, решительность, агрессивность.

Среди глагольных конструкций, описывавших действия суфражисток, можно выделить следующие: *appeal to women to assemble in thousands; drove up, waving their banners; took part in the demonstrations; seek to accomplish their purpose; were going to win enfranchisement; had the game in their own hands* (призыв к женщинам собираться толпами; подъехали, размахивая плакатами; принимали участие в демонстрациях; заинтересованы в достижении своей цели; собирались победить в борьбе за право голоса; играли по своим правилам) [The Guardian

URL]. Данные конструкции репрезентировали в газетных текстах активные действия суфражисток: призывать, размахивать плакатами, побеждать, играть по своим правилам. Эти действия очевидным образом шли вразрез с традиционным, стереотипным представлением о женщине как тихой и пассивной, которое было сформировано и широко распространено в викторианскую эпоху.

Весьма частотны глаголы и глагольные конструкции, описывающие антисоциальные, протестные действия суфражисток, такие как: *window-breaking; breaking the windows of her cell; fire to the contents of her cell; took part in disturbances; cutting of telegraph and telephone wires; initiate a women's great hunger strike* (разбили окна; разбили окна своих камер; подожгла свою камеру; принимали участие в беспорядках; перерезать телеграфные и телефонные провода; инициировать массовую голодовку женщин) [The Times URL]. Подобные языковые средства подтверждают изложенную ранее мысль о рассвете агрессивного суфражизма в исследуемый период. Лингвистическая модель социальной роли *суфражистка* создается за счет лексических элементов с негативными значениями: агрессия, беспорядки, а также нападение, причинение физического вреда. Показателен в этом отношении следующий пример из газеты The Times: *attempted to strike Mr. Churchill with a whip; struck the doctor in the face; struck a policeman* (попыталась ударить господина Черчилля хлыстом; ударила доктора в лицо; ударила полицейского) [The Times URL]

Отношение общества к суфражисткам выражалось на газетных полосах с помощью различных субстантивных и глагольных комплексов. Эти конструкции можно условно разделить на единицы с негативным и позитивным значением. Языковая репрезентация негативного общественного отношения к суфражисткам представлена в следующих глагольных комплексах: *to terrorize, to inflict injury, to humiliate, fed forcibly, made to put on prison clothes, to injure and insult, to inflict injury and pain* (терроризировать, наносить раны, унижать, насильно кормить, заставляя надевать на себя тюремную одежду, ранить и оскорблять, наносить раны и причинять боль) [The Guardian URL]. Неприятие борьбы за избирательное право женщин, негативное к ней отношение отражены в следующих лексических

единицах, использованных в публикациях The Times для описания обращения полицейских, тюремных надзирателей и врачей с суфражистками: *violence, torture, indecency, beating and pinching, kicking, hurting, injury, pain, violent, rough, indecent, incautious, deliberate and aggressive, insulting, utmost humiliation, excessive violence, a rain of blows, barbarous usage* (жестокость, пытка, непристойные поступки, битье и щипание, пинание, причинение боли, рана, боль, жестокий, абсолютное унижение, чрезмерная жестокость, поток ударов, варварское использование) [The Times URL; The Guardian URL].

С другой стороны, социальная роль *суфражистка* находила положительный отклик в обществе. Например, в публикации The Manchester Guardian в 1911 году марш суфражисток, который прошел в Лондоне, описывается следующим образом: *an astonishing procession of determination and strength; astonishing was the acceptance and the enthusiasm of the streets* (восхитительное шествие уверенности и силы; восхищающим было энтузиазм улиц и то, как они принимали). Положительное восприятие обществом участниц марша отражают прилагательное с положительной коннотацией *astonishing* (поразительный, удивительный) и существительные *acceptance, enthusiasm* (принятие, энтузиазм). Участницы марша, суфражистки, именуется при помощи метонимических номинаций – *determination, strength* (уверенность, сила). По отношению к женщинам используются следующие синонимичные адъективы: *resolute women, brave, pageant women* (решительные женщины, смелые, торжественные женщины) [The Guardian URL].

Социальная роль *работающая женщина* весьма ограниченно отражается в публикациях газет. В отношении работающих женщин, в первую очередь, необходимо отметить наличие многочисленных эксплицитных выражений социального стереотипа о вторичности женщины, например:

- Главные интересы женщины должны лежать в семье: *simple house run by a single woman is the most complex; was there not a time when the English housewife was a model for all the world?* (простой дом, за которым следит одна

женщина самый сложный; было ли когда-нибудь время, когда английская домохозяйка не была примером для всего мира?) [The Times URL].

- Женщины не способны работать наравне с мужчинами: *if women do or try to do men's work their point of view changes and becomes the man's point of view; women are copying men* (если женщины выполняют или пытаются выполнить мужскую работу, их точка зрения меняется и становится мужской точкой зрения; женщины копируют мужчин) [The Times URL]. Описывая трудовую деятельность женщин, журналисты сравнивают ее с деятельностью мужчин, подразумевая ее второстепенную роль. Это выражается в случае использования глаголов *to copy* и *to try*. Например, фраза *women are copying men* подтверждает мысль о том, что работающая женщина – это копия мужчины или его производная. Утверждение (*women*) *do or try to do men's work* свидетельствует об устоявшемся мнении о том, что женщины не могут работать наравне с мужчинами, а способны только пытаться выполнять мужскую работу. При этом, как пишут авторы публикации, женщины теряют свой женский облик, пытаясь выполнить мужскую работу. В приведенном выше примере отражается гендерный стереотип о женской слабости. Стереотип выражен имплицитно при помощи глаголов *change* (меняться) и *become* (становиться): *women's point of view changes and becomes the man's point of view*. Если женская точка зрения меняется и становится мужской точкой зрения, значит, женщины имеют слабую точку зрения и легко внушаемы.

- У женщин есть недостатки, мешающие карьере: *women in business were prevented from rising to leading positions by two radical defects, lack of ambition and lack of creative ability* (два основных недостатка не позволяют женщинам в бизнесе подниматься до ведущих должностей: недостаток амбициозности и нехватка творческих способностей) [The Guardian URL; The Times URL]. Использование лексемы *defects* по отношению к женщинам способно сформировать у читателя устойчивое мнение о женской слабости, некомпетентности и даже ущербности. Существительное *defect* (недостаток, брак) может использоваться в отношении производства, например, производственный брак – *manufacturing defect*. Употребление существительного *defect* по отношению

к женщинам не только имеет дерогативное значение, но и стилистически формирует восприятие женщин как «бракованных», «неправильных». Обращает на себя внимание и двукратное использование конструкции *lack of* – малое количество, недостаток, отсутствие чего-либо. В обоих случаях *lack of* использовано вместе с существительными положительной коннотации – *ambition* и *creative ability*, что характеризует женщину-работника как пассивную и неспособную к творчеству.

Газетный материал свидетельствует об изменении в положительную сторону средств репрезентации социальной роли *работница*. Так, среди прилагательных, используемых для создания образа работающей женщины, выделяются адъективы с положительной коннотацией: *conscientious, educated and cultivated, strong-armed, courageous* (добросовестная, воспитанная и образованная, выносливая, храбрая). Если сопоставить эти лексемы с лексическими единицами фрейма «Ментально-психические характеристики» (см. раздел 2.2.), можно построить следующие оппозиции: *strong armed/weak, conscientious/half-witted, educated/ignorant, cultivated/narrow, capable/incapable, free from shackles of old traditions/necessarily dependent* (выносливая/слабая, ответственная/глупая, образованная/невежественная, воспитанная/узколобая, свободная от старых устоев/обязательно зависимая). Использование прилагательных с положительной коннотацией для описания физических и умственных способностей женщин отражает тенденцию к изменению социального стереотипа, в котором физические и умственные качества женщины воспринимались как слабые или недостаточные (*her hands and brain cannot produce any material thing* – ее мозг и руки не могут произвести ни одной материальной вещи) [The Times URL].

В литературе, посвященной изучению гендера, содержится интересное наблюдение относительно употребления глаголов при описании трудовой деятельности мужчин и женщин. Глаголы, обозначающие активную деятельность, традиционно закрепляются за характеристикой мужской деятельности, в то время как глаголы, используемые по отношению к деятельности женщин, содержат в своей семантике смыслы пассивности и слабости [Лалетина 2007: 17]. В

публикациях The Times начала XX века обращает на себя внимание употребление следующих глаголов для описания женской работы: *engage in industrial life; claim and receive independence; too many women clamoring for the posts available to them; women seek employment; pursue their vocations* (принимать участие в производственной жизни; требовать и получать независимость; слишком много женщин, требующих предоставления вакантных должностей; женщины добиваются трудоустройства; неотступно следовать за своим призванием). Изменение стереотипной социальной нормы «женщина не может работать на равных» наблюдается в следующем примере из статьи Women's Work (1911 г.): *when women are allowed to compete with men, they can do so as equals* (когда женщинам разрешается конкурировать с мужчинами, они могут это делать на равных) [The Times URL]. В приведенном высказывании обращают на себя внимание глаголы активного действия *compete, do* и сравнение *as equals*. Однако, отсутствие политического равноправия, а также равноправия на рабочих местах, в Великобритании 1910-х гг. объясняют наличие пассивной глагольной формы *are allowed* (разрешается).

Выводы по Главе 2

Стереотипы викторианского периода, процветавшие в Великобритании до начала XX века, не могли бесследно исчезнуть в эдвардианскую эпоху. С одной стороны, анализ британской прессы показал сохранение стереотипов о женской слабости, необходимости разделения социальных ролей между мужчинами и женщинами, а также стереотипа относительно того, что ведение домашнего хозяйства и домашняя уборка являются основными сферами приложения умственных и физических способностей женщин. С другой стороны, активное развитие движения суфражизма привело к бурному росту женской периодики, в которой поднимались революционные для того времени вопросы. Анализ основных новостных газет *The Times* и *The Guardian* позволил установить основные изменения в тематическом наполнении печатных изданий.

Лексикографический анализ британских толковых словарей лег в основу анализа концепта *женщина* и последующего выделения трех уровней концепта: субординатного, базового и суперординатного. На субординатном и суперординатном уровнях концепта *женщина* обнаружены лексемы со значением «слабость».

Анализ собранного материала позволил установить языковое наполнение концепта *женщина*. Были смоделированы три фрейма: «Биолого-физиологические характеристики», «Ментально-психические характеристики» и «Социокультурные характеристики». Фрейм «Биолого-физиологические характеристики» составляют 3 слота: *пол*, *внешность* и *физическая сила*. Фрейм «Ментально-психические характеристики» составляют слоты: *умственные способности*, *черты характера*, *участие в научной деятельности*, *характеристика суфражисток*. Фрейм «Социокультурные характеристики» состоит из слотов: *жена*, *мать*, *домохозяйка*, *работница*, *суфражистка*, который разделен на субслоты: *хулиганство*, *протест*, *равноправие*.

Важно указать, что коннотация *слабый* (не только физическая слабость, но и низкие умственные способности) присутствует в 6 слотах всех трех фреймов:

физическая сила, умственные способности, участие в научной деятельности, черты характера, домохозяйка, работница.

Фреймовое представление концепта *женщина* показало размытость границ между слотами нескольких фреймов – в слотах *физическая сила, умственные способности, работница* преобладают лексемы со значением «слабость». Сквозная интеграция смысла слабости в содержание концепта *женщина* позволяет сделать вывод о высокой степени распространенности гендерных стереотипов в британском обществе начала XX в.

Размытость границ между тремя слотами фрейма «Социокультурные характеристики»: *мать, жена, домохозяйка* демонстрирует их замещающую функцию: например, для описания домашней уборки могут быть использованы как лексема *housewife*, так и *mother* или *wife*.

Присутствие слота *суффражистка* во фрейме «Социокультурные характеристики» отражает высокую актуальность женских движений за равноправие в британском обществе начала XX века. Примечательно, что слот *суффражистка* состоит из трех субслотов и является единственным сложным слотом во всей фреймовой структуре концепта *женщина*.

Среди гендерных стереотипов основными являются стереотипы о жестком разделении сфер мужского и женского труда и женской неполноценности. Примечательно использование пейоративной лексики на страницах британских газет начала XX в., например *the handicap of sex, women are handicapped*.

Гендерные стереотипы реализуются в публикациях *The Times* и *The Guardian* 1909–1914-х гг. по принципу бинарных оппозиций, репрезентирующих противопоставления *женщина/мужчина, женщина/общество, норма/отклонение*. Женская составляющая противопоставления имела, как правило, отрицательную коннотацию, а мужская – положительную.

Основными средствами, используемыми для отражения социальной роли *домохозяйка*, являются лексические единицы, репрезентирующие возможности социализации домохозяек, и определенные когнитивные метафоры, прагматика которых заключалась в пропаганде ценности домашнего хозяйства для женщин.

Лингвистические средства представления этой социальной роли организованы таким образом в газетных текстах, что её понимание оказывается тесно связанным со стереотипом о женской неспособности к полноценной трудовой деятельности.

Языковая репрезентация социальных ролей *суфражистка* (*женщина в политике*), *работница* происходит при помощи лексем, отражающих традиционно мужские качества: смелость, решительность, активность действий, воинственность. В описании социальной роли *суфражистка* присутствуют характеристики антиобщественных противоправных действий женщин: агрессия, атака, нанесение вреда. Со стороны социума наблюдается как принятие суфражизма (лексические единицы *enthusiasm, acceptance*), так и непринятие его (лексические единицы *forcible feeding, violence*). Социальная роль *работница* получает как негативную (*weak, slow*), так и положительную (*conscientious, restless*) характеристики. Примечательно, что даже в положительной языковой характеристике работниц присутствуют стереотипные элементы: *when women are allowed to compete with men*.

ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ПРЕССА И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА *ЖЕНЩИНА* В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ 2013–2018 ГГ.

3.1. Женщины в современной британской прессе

Викторианские стереотипы, разделявшие общество по половому признаку, предопределявшему дальнейшую судьбу человека, вызывали общественное недовольство еще в XIX веке. Представительницы движения «воинствующего» суфражизма (*militant suffragism*) начала XX века стали примером активных и целеустремленных женщин, готовых бороться за свою независимость. Феминистская пресса получила свое развитие благодаря движению суфражизма и уже в начале XX в. она освещала революционные по тем временам темы. Помимо отдельных печатных изданий для суфражисток, массовая пресса Британии также стала заниматься освещением некоторых женских проблем, несмотря на то, что большинство журналистов в массовой печати были мужчинами.

В современной британской прессе доля печатных изданий, ориентированных на женщин, значительно выше количества женских печатных изданий начала XX века, в том числе благодаря появлению значительного количества гляцевых изданий, ориентированных на женскую аудиторию. Согласно статистическим данным 2017 года, самыми популярными гляцевыми журналами среди женщин признаны *Cosmopolitan*, *Take a Break*, *Woman's Weekly*, *Good Housekeeping*, *Glamour* [Top 100 Magazines URL]. Среди газет массовой печати лидируют издания *Daily Mail*, *The Sun*, *Metro*, *The Guardian*, *The Daily Telegraph*, *The Daily Mirror* [ibid]. Статистические данные подтверждают, что современная британская газета *The Daily Mail* имеет небольшой разрыв в гендерной разнице аудитории, в которой 6,6 млн. читателей составляют мужчины, а 6,4 – женщины [The Statistics Portal URL]. В газете *The Guardian*, которая также

считается популярной среди женской читательской аудитории, количество мужской аудитории превышает женскую на 1 миллион – 5,3 миллиона против 4,3 миллиона. Основную аудиторию Британской газеты The Times, не обозначенной как популярная среди женщин, также составляют мужчины (2,7 млн. против 2 млн) [ibid]. Исследования подтверждают, что гляцевые журналы обладают большей популярностью среди женщин, чем ежедневные газеты [ibid], однако, можно предположить, что как в гляцевых журналах, так и в ежедневных газетах присутствует языковая и визуальная репрезентация гендерных стереотипов.

Ученые обращают внимание на то, что в исследованиях печатной прессы (Women, Men and Media Project), проводимых в 1980-х гг., отмечается рост числа статей о женщинах, однако они редко попадали на главные страницы газет и достаточно часто представляли женщин с негативной стороны [Kramarae, Spender 2000]. По словам современных исследователей проблем гендерной репрезентации в СМИ Д. Оуэнса и Т. Хейвза, существует два подхода к рассмотрению возможностей печатной прессы: первый подход подразумевает восприятие СМИ лишь как источника новостей, и слова, выбираемые для освещения тех или иных новостей, не могут воздействовать на читателя. Согласно второму подходу, восприятие окружающего мира, по крайней мере частично, может зависеть от средств массовой информации, поскольку язык по своей природе способен формировать взгляды и идеи [Owens, Haves 2013]. С этой точки зрения, на средствах массовой информации лежит большая ответственность за формирование мнения читателя, в том числе мнение читателей о женщинах.

Мнение Д. Вуд, американского исследователя гендера и дискурса СМИ, совпадает со вторым подходом к природе печатной прессы, предложенный исследователями Оуэнсом и Хейвзом. Д. Вуд отмечает, что, несмотря на рост количества прессы, целевой аудиторией которой являются женщины, современные печатные издания продолжают культивировать гендерные стереотипы: во-первых, о женщинах мало пишут в СМИ (и в печатных СМИ в частности), что создает **ложное** впечатление о главенстве мужчин и вторичности женщин. Кроме того, СМИ способны формировать и поддерживать

представления о социальных ролях и даже трактовать жестокость по отношению к женщинам как норму [Wood 1994: 231].

В 2012 г. журналисты BBC предприняли попытку систематизировать факты о существующей в современных печатных изданиях дискриминации женщин, выявили несколько основных факторов, доказывающих, что, несмотря на многочисленные движения феминизма в борьбе за равноправие (1910-е гг., 1970-е гг.), в средствах массовой информации до сих пор культивируются следующие гендерные стереотипы:

- овеществление женского тела, восприятие женского тела как сексуального объекта,
- закрепление социальных ролей жены и матери как основных женских ролей,
- демонстрация женской пассивности,
- игнорирование новостей о женской успешности,
- стереотипизация женской внешности [Five things about women in the press URL].

Первый критерий подразумевает восприятие женщины как сексуального объекта. Это может выражаться в фотографиях, публикуемых в печатных изданиях: *in many cases there is no marked difference between pornography and some of the pictures in the tabloids* (во многих случаях нет особой разницы между порнографией и фотографиями, публикуемыми некоторыми таблоидами), а также в языковой репрезентации данного явления: *she's already a big girl, looking hot* (она уже большая девочка, выглядит привлекательно). Исследования рекламы в печатных СМИ, проведенные в 2007–2008-х гг., показали, что каждый второй рекламный плакат с изображением женщины, напечатанный в журналах Elle, Cosmopolitan, Harper's Bazaar, содержал визуальное представление женского тела и имел сексуальный подтекст [Stankiewicz, Rosselli 2008: 258]. Исследователи отмечают, что подобная тенденция ведет к обезчеловечиванию женской природы, формированию стереотипного восприятия женщин как объектов, игрушек и вещей, что ведет к пониманию насилия как нормы [ibid].

Вторым критерием гендерного неравенства в СМИ является языковая репрезентация социальных ролей *мать* и *жена* как основных для женщин. Подобный стереотип был широко распространен в прессе начала XX в., однако в современных печатных СМИ также наблюдается подобная тенденция. Важно отметить, что, в отличие от публикаций британских газет начала XX в., пропагандировавших и навязывавших стереотип о материнстве как о единственном предназначении женщины, в современных публикациях имеет место более либеральный характер освещения данного вопроса. Например, журналист британского издания *Huffington Post* К. Беджаниян утверждает, что постепенное ослабление гендерных стереотипов в современном британском обществе дает большую свободу в семейных отношениях [*Huffington Post URL*]. Опросы общественного мнения, опубликованные в британской газете *The Telegraph*, подтверждают мнение К. Беджаниян о постепенном избавлении общества от гендерных стереотипов: лишь 24% британцев (мужчин и женщин) считают, что основная роль женщины – материнство; в Швеции количество приверженцев традиционной семейной модели составило всего лишь 9%, в то время как в Индии – 63%, что свидетельствует о неравномерности и культурной обусловленности стереотипов [*The Telegraph URL*].

Отражение женской пассивности в СМИ, как считает Э. Хармер, британский исследователь гендера и дискурса СМИ, может выражаться как в меньшем количестве новостей о женщинах, так и в отражении идеи женской зависимости от мужчин на страницах газет. Исследователь отмечает, что при публикации новостей о женщинах в политике, журналисты часто обращают внимание на количество браков, мужей и детей в жизни той или иной женщины-политика. Подобная форма представления женщины фокусируется на ее семейном статусе, а не на ее политических достижениях [*Harmer 2012: 18*]. В целом, незначительное внимание к женщине не только в политических новостях печатных медиа, но и в новостях вообще, создает у читателей образ женской отдаленности от происходящих в мире событий [*Five things about women in the press URL*].

Согласно британскому интернет-изданию Journalism.co.uk, в 2010 г. женщины в британских печатных СМИ не просто составляли меньшую часть новостей – сами новости о женщинах имели высокую стереотипизацию. Так, согласно данным исследовательского центра Global Media Monitoring, в 2010 г. доля новостей, стереотипизирующих женщин, составила 46% от общего количества новостей, при этом лишь 13% новостных статей были посвящены именно женщинам [Journalism.co.uk URL].

Гендерное неравенство в новостном представлении женщин подтверждают и журналисты газеты The Guardian. В издании отмечают, что 78% новостей на первых полосах газет написаны журналистами-мужчинами, и при этом в 84% случаев мужчины являются главными героями новостей [The Guardian URL]. The Guardian, ссылаясь на данные проведенного исследования в области гендерной репрезентации в масс-медиа, сообщает, что женщин, о которых чаще всего писали в британских газетах в исследуемый период (октябрь 2012 г.), всего три – Герцогиня Кембриджская, ее сестра П. Мидлтон и жертва преступления, которое было совершено во время исследуемого периода [ibid].

Еще одним немаловажным критерием гендерного неравенства в средствах массовой информации является стандартизация и стереотипизация женской внешности. Внимание печатных СМИ к красоте оказывается очень важным, поскольку женщины сравнивают себя с отражаемыми в печатных изданиях идеалами [Five things about women in the press URL]. Психологи утверждают, что постоянное сравнение своего тела с идеалом, который пропагандируется в средствах массовой информации, ведет к депрессии, приступам беспокойства, ухудшению качества питания и возможной анорексии [Shutting Down Body Shaming URL]. Следует также отметить, что в средствах массовой информации существует тенденция к признанию определенных форм некоторых частей тела или особенностей внешности модными или немодными.

В газете The Guardian были обнаружены статьи следующего содержания: *from Audrey's brows to Meghan's knees: this week's fashion trends; the only way to pose on Insta this summer* (от бровей Одри Хепберн до колен Меган Маркл –

модные тренды этой недели; единственный модный способ позировать для Инстаграма этим летом) [The Guardian URL].

Авторы статей в женском онлайн-издании Her Campus, целью которого является публиковать новости в сфере образования, утверждают, что стандартизация женского тела всегда была источником недовольства собственной фигурой для женщин: *possibly the worst part about being insecure about your body is seeing the media represent what currently is the perfect body* (возможно худшая сторона сомнений относительно своего тела проявляется тогда, когда вы видите, что медиа представляют в настоящий момент как совершенное тело) [HerCampus URL]. Это подтверждает способность СМИ поддерживать существование гендерных стереотипов. В языковой репрезентации стандартов красоты особо выделяются прилагательные с частицей *too* – *too fat, too thin, too skinny, too muscled, too tall* (слишком толстая, слишком худая, слишком много мышц, слишком высокая).

В работе *Women Leaders and Gender Stereotyping in the UK Press* исследователь Д. Бакстер выражает мнение о том, что наибольшей стереотипизации в современной британской прессе подвержены женщины, занимающие руководящие посты [Baxter 2018: 2]. Похожую мысль выражают исследователи Х. МакЛафлин, К. Аджен, Э. Блэкстоун, которые считают уязвимыми женщин, занимающих руководящие должности. Подобное явление авторы предлагают назвать парадоксом женской власти («The Paradox of Power») [McLaughlin, Uggen, Blackstone 2012: 625]. Д. Бакстер считает, что уязвимость женщин-руководителей повышается при более частом упоминании о них в средствах массовой информации. По словам автора, несмотря на прогресс в карьере, достигнутый современными женщинами во многих областях, британская национальная пресса продолжает конструировать образ успешных женщин на основе гендерных стереотипов. Подобные ложные представления могут наносить ущерб не только женщинам, уже преуспевшим в политике или бизнесе, но и молодым девушкам, желающим построить карьеру [Baxter 2018: 2-3].

Журналист С. Фрэнкс отмечает, что в 2013 г. в Великобритании существовала только одна ежедневная национальная газета, главным редактором которой была женщина (The Daily Star), а в некоторых британских газетах доля мужского авторства статей доходила до 90% [Franks 2013: 4-5]. Британская журналистка К. Лиз и исследователь медиадискурса Х. Энсон в своей совместной публикации *Where are all the Women Journalists in UK Newspapers?* выражают аналогичное мнение – несмотря на высокое распространение профессии журналиста среди женщин, бóльшая часть статей написана мужчинами [Anson, Lees URL]. При этом самая низкая доля статей женского авторства была отмечена в ежедневной газете The Independent, направленность которой характеризуется на сайте газеты как *international and intelligent news coverage*: 9% статей женского авторства против 91% мужского, а самая высокая – в таблоиде The Daily Express (50% и 50% соответственно) [The Independent URL; Journalism.co.uk URL]. К. Лиз и Х. Энсон отмечают, что в газете The Times процент женского авторства ниже, чем в газете The Guardian – 25% и 40% соответственно [Anson, Lees URL].

Для подтверждения или опровержения этого высказывания в рамках данного научного исследования было проверено авторство статей в современных газетах The Times и The Guardian по основным тематическим группам: новости, журналистское мнение, спорт, стиль жизни, что соответствует разделам газет News, Opinion, Sport, Lifestyle в газете The Guardian или специальному разделу Times 2 в газете The Times, основной тематикой которого является искусство, досуг, мода и развлечения. Метод случайной выборки показал, что соотношение статей мужского и женского авторства в разделе Times 2 составляет 2:1 (14 статей написаны мужчинами и 7 – женщинами, при этом основная часть женских статей приходилась на рубрику Beauty). В рубрике Lifestyle газеты The Guardian доля женского авторства превышает мужское в 2 раза (12 статей написаны женщинами, и 6 – мужчинами). В рубриках газет The Times и The Guardian, посвященных спорту, доля мужского авторства значительно превышает женское (12 против 0 в газете The Guardian и 10 против 1 в газете The Times). В рубрике Opinion (Comment) газеты The Times мужское авторство превышает женское в 2 раза: 10

статей против 5, в газете The Guardian наблюдается равенство в представленности мужских и женских статей – 8 и 8. В разделе основных новостей газеты The Times количество статей, написанных журналистами-мужчинами, превышает количество статей женского авторства в 3 раза (15 против 5), в газете The Guardian доля мужского авторства выше женского почти в 2 раза (15 против 8) [The Times URL; The Guardian URL].

Сплошная выборка статей из британских газет, выполненная в рамках диссертационного исследования, подтвердила данные, представленные в работе К. Лиз и Х. Ансон, которые были приведены выше в данном параграфе – мужское авторство превалировало в большинстве тематических групп, за исключением рубрики Lifestyle в газете The Guardian, где женское авторство превысило мужское. В целом, в современном издании The Guardian было обнаружено большее, чем в The Times количество разделов, посвященных женщинам. В частности, раздел *Women*, отсутствующий в The Times, состоит из рубрик, полностью посвященных женщинам: News, Talking Points, Video, Women in Politics, Women in Leadership [The Guardian URL]. Кроме этого, в The Guardian есть такие разделы, как Family, Health and Fitness, Dating, Love and Sex, Art and Design, Recipes, которые лишь частично представлены в The Times. Это подтверждает высказывание исследователей медиа (Lees, Anson) о большей нацеленности издания The Times на мужскую аудиторию, в то время как The Guardian с течением времени приобрела гендерно-нейтральный характер [Anson, Lees URL].

Исследователи медиа отмечают, что помимо малого количества женщин-журналистов в основных новостных изданиях, еще одним важным недостатком прессы XXI в. является незначительно число женщин на редакторских должностях. Целью современных общественных организаций, таких как International Women's Media Foundation, Women in Journalism и иных, является исследование медиарынка и достижение гендерного равенства в сфере журналистики. Так, организатор общественного движения Women in Journalism Э. Милз утверждает, что количественное соотношение женщин и мужчин на посту

редакторов газет не менялось с 1990-х гг. [Why are newspapers still run by men URL]. По словам Э. Миллз, главной причиной отказа женщин от поста главного редактора являются изменения, обусловленные окружающей рабочей средой: *unfortunately, some of the women who do remain in senior positions become so bloke-ified by the macho water in which they swim that many younger women looking up don't see them as role models for the kind of women they might want to become* (к сожалению, многие женщины, которые остаются на высоких должностях, настолько меняются в мужскую сторону под влиянием мужской атмосферы, что более молодые женщины не готовы воспринимать их как пример успешной женщины, которыми они хотели бы стать). Тем не менее, без женского взгляда, газеты станут скучными (*a female eye on the news agenda can make a difference*) [ibid].

Анализ британской прессы показывает, что основные гендерные стереотипы, господствовавшие в британском обществе в викторианскую эпоху, находят лишь частичное отражение в современных газетах – по сравнению с печатными изданиями начала XX в., в современных изданиях появилось большее количество статей и рубрик, посвященных женщинам. Отмечается также рост числа глянцевого журналов, целевой аудиторией которых являются женщины.

Тем не менее, стереотипная основа прессы сохраняется и в современных британских изданиях, что выражается не только в незначительном числе новостей о женщинах, но и в самом содержании газетных статей. Основными проблемами для современной британской прессы, с точки зрения гендерного неравенства, являются овеществление женского тела, стереотипизация женских социальных ролей, малое количество женщин-журналистов в основных новостных изданиях. Исследования британской прессы показывают, что доля женского авторства в некоторых изданиях (например, в *The Independent*) составляет лишь 9% от общего числа новостных статей. Сплошная выборка статей из газет *The Times* и *The Guardian* также показала преимущественно мужское авторство, за исключением рубрики *Lifestyle* газеты *The Guardian*. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что культурные контексты для моделирования концепта *женщина*

на основе британской прессы двух эпох отличаются друг от друга степенью распространенности стереотипов.

3.2. Языковые средства моделирования концепта *женщина* в газетах *The Times* и *The Guardian* начала XXI века

Моделирование концепта *женщина* на материале публикаций британских газет начала XX века позволило выделить основные параметры и характеристики концепта, например, параметр *слабость*, который был представлен в 9 слотах фреймовой структуры.

Динамический подход к рассмотрению концепта дает возможность выявить его константы и переменные, то есть определить наиболее и наименее изменчивые элементы концепта. Ученые отмечают, что динамика концептных изменений – это логичное следствие социальных, культурных, ментальных преобразований в определенном языковом сообществе [Апресян 1995: 145].

Для уточнения трактовки понятия «женщина» в современном английском языке был проведен лексикографический анализ дефиниции слова *woman*. Для исследования привлекались данные современных толковых словарей и тезаурусов Oxford Living Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, Collins English Dictionary, Thesaurus of the English Language, Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus, а также визуального тезауруса Visu Words.

Сопоставительный анализ словарных дефиниций позволил выявить следующие совпадения значений в толковании слова *woman*:

- Взрослая особь женского пола: *an adult female, female person, adult female human being, adult human female, the female human being as distinguished from a girl or a man*
- Любая женщина, собирательное обозначение женщин: *any woman, womankind, women collectively*
- Женщина-работник: *female worker or employee, businesswoman, spokeswoman, councilwoman, a woman politician*

- Прислуга, помощница по хозяйству: *a female who is paid to clean someone's house, a female servant or person who does cleaning in your house, a daily woman, a cleaner, daily help, domestic help, a personal attendant*
- Матримониальный признак, который трактуется в некоторых словарях как потенциально оскорбительное обозначение женщин (Longman Dictionary of Contemporary English, Collins English Dictionary): *sweetheart, paramour, wife, partner, girlfriend, lover*.

В словарях Collins English Dictionary, Thesaurus of the English Language приводятся типичные характеристики женщин: *womanliness, meekness, timidity* (женственность, кротость, робость).

При сравнении значений лексемы *woman* в современных словарях и в британских толковых словарях начала XX в. (см. раздел 2.2.) были выявлены наиболее очевидные отличия в интерпретации понятия *woman*:

- Присутствие лексических единиц, обозначающих женщин у власти, в примерах толкований современных словарей – *spokeswoman, businesswoman*.
- Наличие гендерно-нейтральных вариантов обозначения прислуги в современных толковых словарях – *daily help, domestic help, a personal attendant*. При этом в толкованиях подчеркивается факт официального трудоустройства – *paid to clean your house*.
- Признание номинации по признаку *отношения в браке/отношения вне брака (paramour, wife, girlfriend)* как оскорбительной.
- Отсутствие характеристик вторичности женщин в современных словарях по сравнению со словарями начала XX в. (например, *inferiority, submissiveness*) – вместо этого используются нейтральные *womanliness, meekness*.

Для наглядного представления совпадений и различий в словарных статьях *woman* данные словарей приводятся в Таблице 2:

Таблица 2. Семантическая структура лексемы *woman*, представленная на основе толковых словарей начала XX в. и начала XXI в.

Описание лексемы <i>woman</i> в словарях начала XX в.	Описание лексемы <i>woman</i> в словарях начала XXI в.
Биологический пол: <i>adult female human being</i>	Биологический пол: <i>adult female, female person</i>
Статус, профессии: <i>a female servant</i>	Профессии: <i>businesswoman, spokeswoman</i>
	Собирательное обозначение женщин: <i>womankind</i>
Слуга, прислуга: <i>a female servant, a lady's maid</i>	Прислуга: <i>a daily woman, a cleaner, daily help</i>
Матримониальный признак: <i>paramour, wife, kept mistress</i>	Матримониальный признак: (возможно, оскорбителен) <i>wife, girlfriend</i>

Поиск по ключевым словам *woman* и *man* в тезаурусах английского языка позволяет выявить особенности их толкования [Collins Thesaurus]:

- *Woman* – *lady (girl, miss, female, bird), girlfriend (girl, wife, partner, mate), maid (domestic, char, housekeeper)*.
- *Man* – *male (guy, fellow), human (person, individual), mankind (humanity), partner (husband), worker (labourer, workman)*.

Отмечается присутствие неформальных номинаций в обеих группах – *bird, guy, fellow*, при этом в группе *woman* отсутствует подгруппа *human* и *mankind*, а также подгруппа *worker*, содержащая набор гендерно-нейтральных номинаций профессии, как это наблюдается в группе *man*. Подобная языковая тенденция подтверждает мнение ученых о медленном характере изменений в языке. Как отмечают в литературе, при анализе языка необходим учет прошлого и будущего состояния общества [Жирмунский 1969: 14].

Проведенный анализ словарных дефиниций позволяет выделить уровни концепта *женщина* – базовый, суперординатный, субординатный.

Базовый уровень концепта *женщина* составляют единицы *adult female, female person, human female*.

Субординатный уровень представлен единицами конкретной семантики: *female worker, spokeswoman, businesswoman, female help, wife, girlfriend*.

Суперординатный уровень представлен единицами абстрактной семантики: *womanliness, meekness, timidity*.

Лексическое наполнение уровней концепта *женщина* (базовый, суперординатный, субординатный) позволяет констатировать, что, по сравнению с данными анализа, проведенного на материале словарей начала XX в., наблюдаются изменения на субординатном и суперординатном уровнях концепта *женщина*. В частности, субординатный уровень представлен единицами, обозначающими официальную занятость (*businesswoman, spokeswoman*), а единицы суперординатного уровня теряют негативную коннотацию, присутствовавшую в суперординатном уровне концепта *женщина* начала XX в. (например, *submission, proneness to tears*).

Изменение состава наблюдается и на базовом уровне концепта *женщина* в связи с присутствием гендерно-нейтральной единицы *person*, отсутствовавшей на базовом уровне в начале XX в. (см. Таб 1, 3).

Таблица 3. Уровни концепта *женщина* начала XXI в.

Субординатный уровень	Базовый уровень	Суперординатный уровень
<i>Female worker</i> <i>Spokeswoman</i> <i>Businesswoman</i> <i>Female help</i> <i>Wife</i> <i>Girlfriend</i> <i>Girl</i> <i>Girly/girlie</i> <i>Housekeeper</i>	<i>Woman</i> <i>Adult female</i> <i>Female person</i> <i>Human female</i>	<i>Femininity</i> <i>Feminine</i> <i>Womanliness</i> <i>Timidity</i> <i>Meekness</i>

Сопоставительный анализ лексикографических данных словарей разных временных эпох, а также сравнение лексического наполнения уровней концепта *женщина* помогли наметить основные особенности в изменении семантического наполнения лексемы *женщина*. Для дальнейшего рассмотрения языковой репрезентации концепта *женщина* необходимо обратиться к данным публикаций британских газет *The Times* и *The Guardian* современной эпохи. Для выявления

языковой модели концепта *женщина* была проведена сплошная выборка данных по ключевым словам, в поле рассмотрения не входили рекламные объявления.

В качестве матрицы для анализа концепта *женщина* была выбрана модель, представленная в разделе 2.2. данной научной работы. Концепт *женщина*, таким образом, можно представить в виде модели с тремя фреймами:

- биолого-физиологические характеристики,
- ментально-психические характеристики,
- социокультурные характеристики.

В результате проведенного анализа было отобрано 70 статей из современных изданий *The Times* и *The Guardian*, откуда были вычленены основные лексические единицы, репрезентирующих концепт *женщина* в современном английском языке, которые можно объединить в отдельные слоты фреймовой структуры.

Так, фрейм «Биолого-физиологические характеристики» можно разделить на слоты:

- пол,
- внешность,
- физическая сила.

Обозначения женщин в современной британской прессе не имеет особых различий с нейтральной номинацией женщин в британской прессе начала XX в.: *woman, female, girl, wife, mother, sister, lady, lass*. Примечательно наличие лексемы *girlfriend*, которая отсутствовала в публикациях начала XX в. Согласно данным этимологического словаря, лексема *girlfriend* в значении «девушка», «подруга» получила употребление с 1922 г [OED]. Среди адъективов со значением «женственный» или «девичий» отмечено наличие: *female, feminine, dame, girly/girlie*.

Важно отметить, что в слоте *пол* не наблюдаются дерогативные лексические единицы, которые были обнаружены в наполнении слота *пол* в публикациях начала XX в.: *harlot, prostitute, bitch*. Таким образом, слот *пол* наполняется более

нейтральными лексическими единицами, акцентирующими социальные и биологические характеристики женщины: *woman, female, girlfriend* и т.д.

Исходя из наблюдения, сделанного В.А. Ефремовым относительно того, что лексемы *красота, красивая* являются определяющими и наиболее стереотипными признаками концепта *женщина* [Ефремов 2010], мы предположили, что в слоте *внешность* можно ожидать значительное число лексических единиц с общим значением *красота*.

В современных публикациях *The Times* и *The Guardian* отмечается увеличение общего числа статей, посвященных моде и красоте. В частности, поиск по ключевому слову *beauty* в архиве газеты *The Times* 1909–1914 гг. предлагает результаты, не связанные с красотой женщины (*The Beauty of the Thames, The Beauty of Engineering, The Beauty of Winter* – красота Темзы, красота инженерного дела, красота зимы), в то время как результаты поиска по ключевому слову *beauty* в газете *The Times* современной эпохи предлагает статьи, посвященные макияжу и косметике (*Best Beauty Boxes, Best Illuminating Creams, Summer Beauty Products* – лучшие бьюти-боксы, лучшие увлажняющие крема, летние товары для красоты).

В ходе анализа также не было обнаружено критических высказываний относительно пропорций женского тела и женской фигуры. На страницах газет присутствуют не только лексемы, обозначающие сильное тело, подтянутую фигуру: *perfect physique, curvy, fit, beach body, perfect abs, strong arms, round bum* (идеальное телосложение, с изгибами, подтянутая, пляжное тело, идеальный пресс, сильные руки, округлые ягодицы), но и описывающие остальные разнообразные типы фигур: *plum woman, plus-size woman, overweight, fat, skinny, flat-chested, regular-size woman* (полная женщина, излишний вес, толстая, худая, с маленьким размером груди, женщина с обычной фигурой).

В современных публикациях делается акцент на важности принятия своего тела: *bodies come in many shapes and sizes* (фигуры бывают разных форм и размеров). Идея о принятии своего тела, фигуры находит различные языковые воплощения: *embrace your body; empower women to love their body; accept your*

looks, dress for the body you have; accepting of my own body shape; nowadays there is definitely a much more diverse idea of what beauty is; women need to accept themselves for who they are (пойми свое тело; вдохновлять женщин любить свое тело; прими свой внешний вид и подчеркни достоинства фигуры с помощью одежды; принимать и любить формы своего тела; сегодня идея красоты гораздо более широка и разнообразна; женщины должны принимать себя такими, какие они есть).

В современных статьях *The Times* и *The Guardian* были выявлены лексические единицы *body-shaming, fat-shaming* (осуждение людей за их полноту, худобу и иные недостатки тела), которые отражают общественное недовольство необходимостью соответствовать пропагандируемым идеалам красоты: *London is the most fat-shaming place; women's body image anxiety; body-shaming; accepting of my own body shape; I don't believe that body parts should be seen as fashionable or unfashionable commodities; feeling insecure about my body; fat-bullying* (в Лондоне больше всего осуждают полноту, озабоченность женщин своей фигурой; осуждение людей за полноту; я не верю в то, что части тела можно считать модным или немодным товаром; чувство неуверенности из-за фигуры; издевательства над людьми из-за их полноты) [*The Times URL; The Guardian URL*].

Еще одной составляющей слота *внешность* являются обозначения различных предметов женской одежды. Если в публикациях начала XX в. лишь изредка присутствовали лексические сочетания *woman+trousers*, то в современных публикациях *The Times* и *The Guardian* наблюдается широкий диапазон наименований женской одежды: *womenswear, skirt suit, trouser suit, a dress covered in Russian dolls, dresses, jeans, trainers* (женская одежда, костюм с юбкой, брючный костюм, платье с узором из матрешек, платья, джинсы, кроссовки). Для описания одежды используются не только адъективы *feminine, female, girly, masculine*, но и гендерно-нейтральные *unisex; androgynous; genderless; clothes do not have gender; gender is not specified in fashion; designers have sent gender-neutral pieces down the catwalk* (унисекс; андрогинный;

безгендерный; у одежды нет гендера; в моде нет строгой спецификации гендера; дизайнеры представили гендерно-нейтральную одежду на подиуме). Таким образом, лексические единицы, включаемые в слот *внешность*, объединяет смысл свободы выбора одежды. Это подтверждается не только значительным числом названий элементов одежды, доступной женщинам, но и «безгендерными» лексемами *unisex, gender-free, genderless* (например, *genderless clothes*). Данный смысл соединен с идеей особых способностей женщины к использованию цветовой гаммы в одежде. О союзе этих смыслов свидетельствуют следующие примеры: *colour is one of women's superpowers* (цвет – одна из женских суперсвойств), *unlike most men, in their monochrome world, we have the full colour wheel to play with* (в отличие от большинства мужчин в их монохромном мире, в нашем распоряжении есть полная цветовая палитра).

Примечательным является включение смыслов «сила», «власть», «успех» в описание женской одежды: *wear feminine and be powerful; power dressing; how to power-dress now; power-sleek skirt; women dressed like men <...> the lines sharp enough to chisel away at that glass ceiling; power dressing* (одеваться женственно и быть сильной и успешной; стиль, который предпочитают успешные, уверенные в себе женщины; юбка для деловой и привлекательной женщины; женщины, одетые как мужчины <...> линии такие резкие, что способны пробить «стеклянный потолок»).

В слоте *физическая сила* лексические единицы имеют антонимичную семантику по сравнению с лексическим наполнением слота *физическая сила* начала XX в. Признак женской физической силы обозначается прилагательными *strong, active, fit, muscular* (сильные, активные, подтянутые, мускулистые). В публикациях начала XX в. подобные атрибутивы применялись исключительно для описания мужчин. Контексты употребления прилагательных со значением физической силы относятся к спорту и физическим нагрузкам: *getting fit over 50; strong backs; women are muscling in* (иметь подтянутую фигуру, когда тебе за 50; сильные спины; женщины набирают мышечную массу). Лексическое представление женской физической силы позволило составить оппозиции, левый

элемент которых взят из публикаций начала XX в., а правый – из современных публикаций: *weak/strong, disabilities inherent in her sex/women aren't inferior sex, cannot fight/female warrior, red-faced creature/weightlifting empowers women* (сильная/слабая, недостатки женского пола/женщины не слабый пол, не может бороться/женщина-борец, краснолицее существо/тяжелая атлетика придает женщинам сил).

На страницах газет нашли отражение изменения представлений о женственности: *personal trainers are challenging old-fashioned notions of femininity; replace images of thinness or fecundity with brute strength* (персональные тренеры ставят под сомнение устаревшие понятия о женственности; заменить образ стройности или плодовитости на грубую силу).

Наименования *inferior sex, weaker sex* столь часто используемое по отношению к женщинам в публикациях начала XX в., в современных публикациях используется в отрицательном значении *women aren't inferior sex; women aren't weaker sex* (женщины не неполноценные; женщины не слабые). Они трактуются как относящиеся к определенным стереотипам: *Victorian stereotypes of weaker sex qualities; hackneyed stereotypes of weaker sexes* (Викторианские стереотипы о качествах слабого пола; избитые стереотипы о слабом поле).

Фрейм «Биолого-физиологические характеристики» концепта *женщина* представлен на рис. 4:

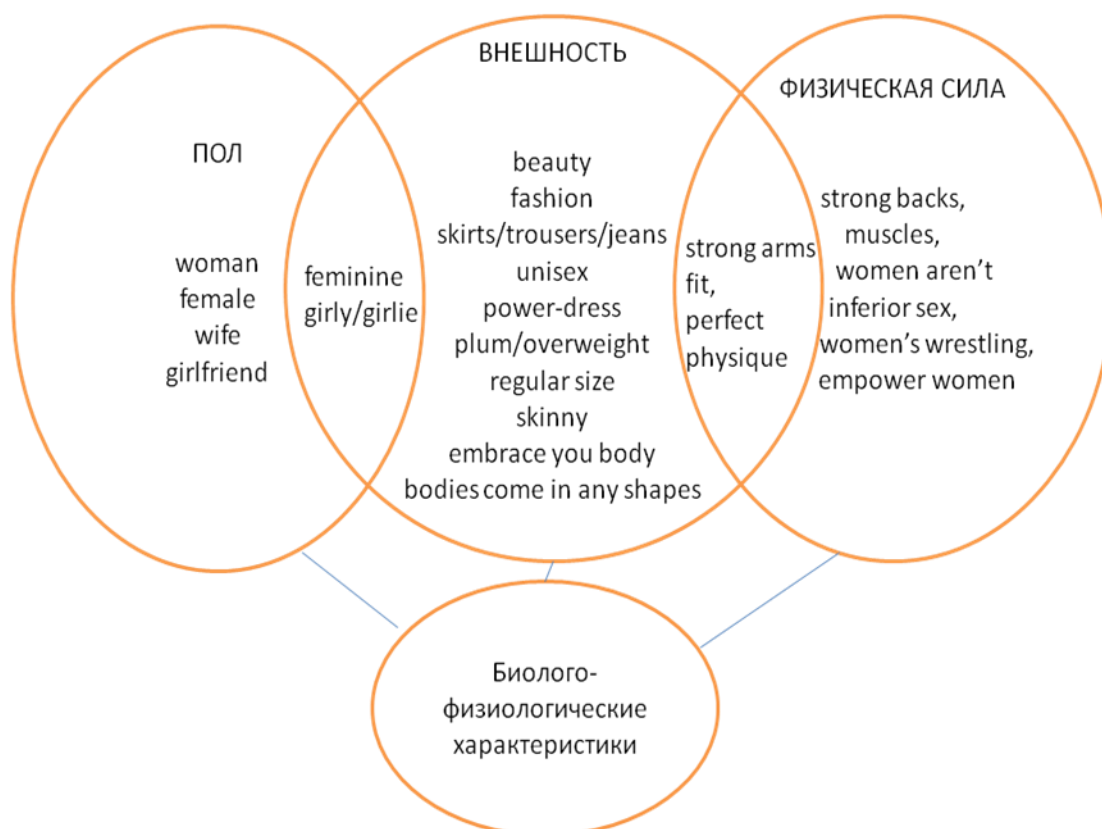

Рисунок 4. Фрейм «Биолого-физиологические характеристики»

Фрейм «Ментально-психические характеристики» состоит из слотов:

- умственные способности,
- участие в научной деятельности,
- типичные черты характера.

В современных публикациях газет *The Times* и *The Guardian* репрезентация умственных способностей женщин не соотносится со смыслом «глупость». В отличие от публикаций начала XX в. в современных статьях *The Times* и *The Guardian* для характеристики женщин используются такие прилагательные, как *smart, too smart, clever, intelligent, educated, well-educated, competent* (умная, слишком умная, интеллектуальная, образованная, хорошо образованная). В одной из статей, опубликованной в газете *The Guardian*, по отношению к женщинам употребляется прилагательное *superior*, которое в публикациях начала XX в. использовалось исключительно по отношению к мужчинам: *Obama's right: women are superior to men* (Обама права: женщины превосходят мужчин).

Слот *умственные способности* пересекается со слотом *участие в научной деятельности*, в котором представлены названия женских профессий: *woman professor; women in science; girls with top science GCSE* (женщина-преподаватель; женщины в науке; девочки с самыми высокими баллами по естественнонаучным дисциплинам в аттестате об окончании средней школы). Интересно отметить, что в публикациях начала XX в. лексема *science* употреблялась по отношению к женщинам только в контексте домашней работы: *domestic science for women* (домашняя наука для женщин).

Слот *умственные способности* пересекается со слотом *типичные черты характера*. Примечательно, что языковые единицы в этом слоте имеют коннотацию, схожую с коннотацией лексем в слоте *физическая сила*: *powerful, assertive, confident, firm, independent* (сильная, настойчивая, уверенная, твердый характер, независимая).

Смысл «женская молчаливость», эксплицитно проявлявшийся в публикациях 1909–1914-х гг, в современных изданиях зачастую выражается имплицитно, через описание поведения мужчин: *men are more dominant; men are more aggressive; men tend to dominate; men talk more; men do the talking; the men talk over the women <...> the women more frequently defer to them* (мужчины более властные; мужчины более агрессивны; мужчины стремятся доминировать; мужчины говорят больше; мужчины обсуждают женщин <...> женщины чаще уступают им).

Для большей наглядности фрейм «Ментально-психические характеристики» концепта *женщина* представлен на рис. 5.

Рисунок 5. Фрейм «Ментально-психические характеристики»

Фрейм «Социокультурные характеристики» можно разделить на следующие слоты:

- семейные отношения (жена, мать),
- социальные роли (работница, домохозяйка).

Как уже было выявлено в разделе 2.2., лексические единицы, отражающие семейные отношения и социальные роли, *жена* и *мать*, соседствуют в одних и тех же контекстах. Лексема *замужество* в современных публикациях ассоциируется с лексемой *материнство*: *fit and healthy mother and wife; healthy young mother and wife; how to be a good wife; if you neglect your husband, you risk your marriage, which, in turn, risks your children's security* (сильная и здоровая мать и жена; молодая здоровая мать и жена; если вы перестали заботиться о своем муже, вы подвергаете риску свой брак, и как результат, рискуете защищенностью ваших детей). Несмотря на то, что в диссертационном исследовании не ставилась задача установления авторства статей, небезынтересно отметить, что статьи о главных качествах жен и матерей пишут не только женщины, но и мужчины: *I*

write as a man married to a woman possessed of quite extraordinary powers of efficiency, energy and organisational prowess; whatever it is that my wife orders she's pretty much always right; (я пишу как мужчина, женатый на невероятно деловой, энергичной женщине, обладающей исключительными организаторскими способностями; что бы ни приказывала моя жена, она почти всегда права).

В современных публикациях, в отличие от публикаций начала XX века, в рассматриваемый слот входят лексемы *mother* и *father: motherhood; fatherhood; as a new father I followed my wife's instructions religiously; my husband is a better parent than me* (материнство; отцовство; как молодой отец, я беспрекословно следовал наставлениям жены; мой муж как родитель лучше, чем я).

Важной характеристикой субслота *мать* является отражение в его языковом наполнении изменения общественного взгляда на материнство. Если в публикациях начала XX в. материнство признавалось единственной целью женского существования (*marriage full and complete is the noblest career for women*), то в современных публикациях наблюдается сдвиг в сторону самостоятельного принятия решения: *having children is woman's choice; the choice to be child-free; happily childless; having a child should be your choice;* (иметь ли детей – это выбор женщины; решение не иметь детей; счастливая и бездетная). С другой стороны, ценность материнства признается абсолютной, что находит отражение в использовании прецедентного имени *Mary* в заголовке одной из статей в газете *The Guardian: Mary had a baby. So did I. Neither of us needed wise men* [The Guardian URL]. Другое прецедентное имя в этом тексте деформировано – *Three wise men* (волхвы, принесшие дары младенцу Иисусу) > *wise men*, что создает возможность двойной актуализации его значения. Утверждение *neither of us needed wise men* может быть интерпретировано как «ни мне, ни ребенку не нужны были волхвы», но оно может быть понятно и как ««ни мне, ни ребенку не нужны были умные мужчины». Использование прецедентных феноменов связано с особым культурно-языковым опытом говорящего [Чупрына 2014: 71], но оно способно отразить взгляды целого сообщества, как происходит в приведенном

примере: материнство ценно, но женщине необязательно нужна мужская поддержка и благодарность

Как было отмечено в разделе 2.2., субслот *мать* пересекается с субслотом *домохозяйка* в публикациях начала XX в (*the duty of married women in the home*). В современных публикациях контексты, в которых речь идет о ведении домашнего хозяйства, не носят характер агитации, как это происходит, например, в следующем высказывании: *woman is the ruler of the household*. Имплементация смысла «ведение домашнего хозяйства» утрачивает гендерную маркированность: *stay-at-home mother; stay-at-home dad; stay-at-home parents*; (вместо *be a housewife*); *busy dad; do housework; men are naturally better at housework; your wife irons her own tops for work <...> you do everything else: the cooking, shopping, laundry and cleaning* (мать (отец/родители), которая не работает, потому что ухаживает за ребенком; мужчины обычно лучше выполняют работу по дому; ваша жена гладит рубашки себе на работу, а вы выполняете все остальное: готовите, ходите по магазинам, стираете, убираетесь).

Отражение занятости женщин домашней работой осуществляется за счет использования лексико-синтаксических комплексов с негативной коннотацией: *why is housework so annoying? British women do 60% more housework – is there any hope for balance? Certain chores are obviously unpleasant* (почему работа по дому так раздражает? Британские женщины выполняют на 60% больше домашней работы – есть ли надежда на сбалансированность? Некоторые виды домашней работы явно неприятны). Таким образом, тон публикаций в газетах *The Times* и *The Guardian* меняется: если в начале XX в. публикации о ведении домашнего хозяйства были адресованы исключительно женщинам и имели пропагандистский характер (*a British housewife is a model for the whole world*), то современные публикации не имеют однозначной адресности и не имеют агитационной направленности (*housework can be dreadful*).

В современных статьях смыслы «материнство» и «работа» входят в семантику одного и того же контекста, например, *a woman wants to be good at her job, a good mother, a good friend, a good daughter, good for her age, good in bed<...>*

a good wife (женщина хочет хорошо работать, быть хорошей матерью, хорошим другом, хорошей дочерью, хорошо выглядеть, быть хорошей в постели, быть хорошей женой). В этом примере из публикации в газете The Times весьма интересным является порядок перечисления жизненных ценностей и качеств: социальная реализация *good at her job* (то есть, *a good worker*) ставится автором статьи на первое место.

Слот *работница* во фрейме «Социокультурные характеристики» пересекается со слотом *мать*: *a successful GP; mother and loyal wife; I had given up work to raise our children and fill the 'traditional' role of mother and wife; working mothers; working parents and careers* (успешный терапевт; мать и верная жена; я отказалась от работы для воспитания детей в пользу «традиционной» роли матери и жены; работающие матери; работающие родители и их карьеры). Весьма интересны факты обмена социальными ролями между мужчинами и женщинами: *female bread-winners are the new norm; I am occasionally in charge of the kids; while my wife goes out to earn money* (женщины-добытчицы – новая норма; иногда я беру на себя заботу о детях; пока моя жена зарабатывает деньги).

Коннотация успешности и силы, которая уже была отмечена в слотах *внешность, типичные черты характера*, присутствует также в слоте *работница*: *successful, powerful, determined, how can I be assertive without being rude?, inspirational, motivational, perfect at multitasking, confident* (успешная, сильная, решительная, как мне быть настойчивой, но не грубой, вдохновляющая, мотивирующая, отлично справляется с множеством дел сразу, уверенная).

Среди профессий, доступных женщинам, есть как лидирующие позиции: *female entrepreneurs, female business leaders, female co-founder of a company* (женщины-предприниматели, женщины-лидеры бизнеса, женщины со-основатели компаний), так и профессии, связанные с физическим трудом: *female stunts, female firefighters, female soldiers* (женщины-каскадеры, женщины-пожарные, женщины на военной службе) (подробнее о языковой репрезентации социальной роли *работающая женщина* в разделе 3.3.). Интересно отметить, что наиболее продуктивным способом словообразования названий женских профессий является

сложносоставное *woman+noun* или *female+noun*. Аффиксальное словообразование, присутствовавшее в обозначении женских профессий в начале XX в., представлено редко.

Фрейм «Социокультурные характеристики» представлен на рис. 6.

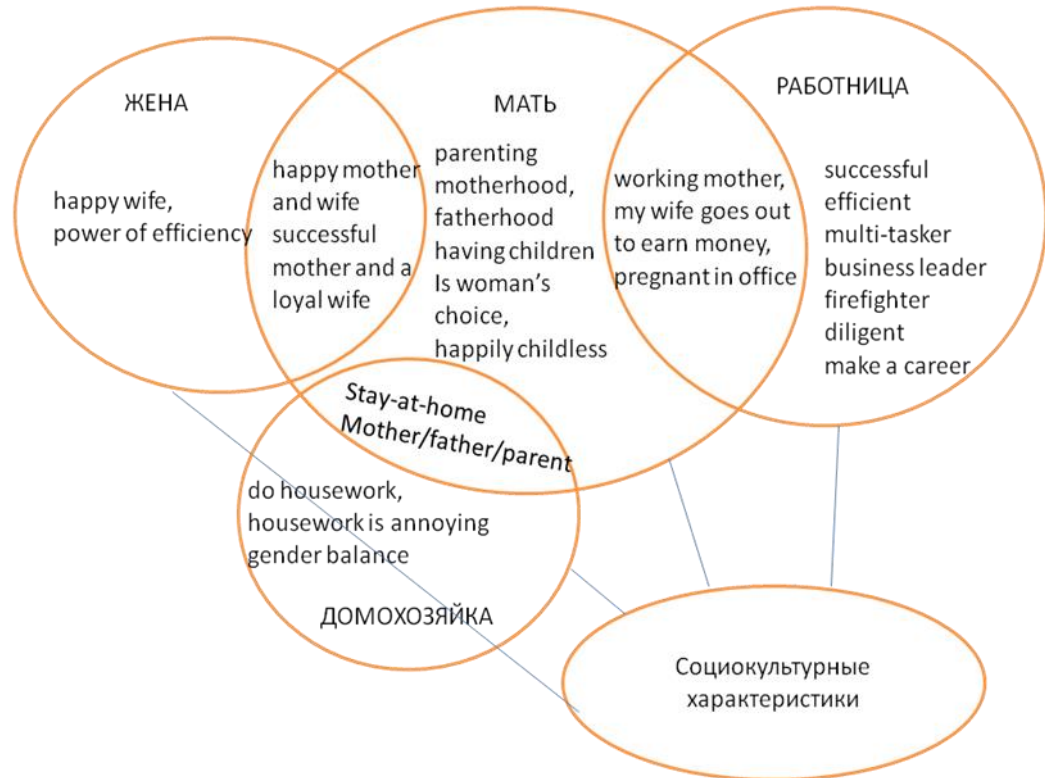

Рисунок 6. Фрейм «Социокультурные характеристики»

Представленный анализ фреймовой структуры концепта *женщина*, а также выделение уровней концепта *женщина* позволяют выделить основные особенности языковой репрезентации концепта *женщина* в британских публикациях The Times и The Guardian начала XXI в.:

- отсутствие интеграционного признака слабости в трех уровнях концепта *женщина* и во фреймовой структуре концепта *женщина*,
- интегрирование смысла успешности, частично присутствовавшей в языковом наполнении концепта *женщина* в начале XX в., во многие слоты фреймовой структуры концепта *женщина* (*физическая сила, внешность, умственные способности, мать, работница*),
- размывание границ между слотами *жена* и *мать*, *мать* и *работница*. Слот *домохозяйка* лишь частично совпадает со слотом *мать*, поскольку в

современных статьях The Times и The Guardian ведение домашнего хозяйства теряет гендерную маркированность в контекстах публикаций.

3.3. Языковая репрезентация социальных ролей женщины в газетах The Times и The Guardian начала XXI века. Гендерные стереотипы в публикациях начала XXI в.

В данном разделе исследуется языковая репрезентация социальных ролей современных женщин в средствах массовой информации за период 2013–2018 гг). Как известно, в начале XX века, до изобретения радио, основная информационная функция возлагалась на ежедневные газеты, где «из миллиона событий на страницу попадают только сотни» [Почепцов 2003: 356]. В XXI в. формат и количество средств массовой информации заметно расширяются. Благодаря «рывку в развитии электронной коммуникации», у печатных СМИ появляется возможность электронной публикации материала [Кирилина 2015: 67]. В связи с этим необходимо упомянуть, что материалом для анализа послужили современные электронные версии британских газет The Times и The Guardian.

В первую очередь необходимо отметить, что социальная роль *работница* получила широкое и разнообразное языковое представление в рассматриваемых газетах. В новостных разделах газеты The Guardian используются разнообразные лексико-синтаксические конструкции, репрезентирующие данную социальную роль: *women in power*, *women in leadership*, *women in the boardroom*, *women in technology*, *women in politics* (женщины у власти, женщины-руководители, женщины в совете директоров, женщины в сфере технологий, женщины в политике) [The Guardian URL].

В газете The Times отсутствуют специальные рубрики, посвященные женщинам, но есть отдельные публикации по данной теме. Должности, которые занимают женщины, лексически представлены достаточно широко: *software engineer for Uber*, *female business leaders*, *Facebook vice-president for Europe*, *female CEOs*, *female leader* (программный инженер для компании Убер, женщины-

лидеры бизнеса, вице-президент компании Фейсбук в Европе, женщины-генеральные директоры, женщина-руководитель [The Times URL]. Гендерная маркированность профессий для женщин в современных публикациях выражается либо при помощи лексем *woman, female – women workers, female Uber driver* (женщины-работники, женщина-водитель Убера), или не выражается вообще: *TV presenter, professor, manager* (телеведущая, преподаватель, менеджер). При этом, аффиксальный способ словообразования для обозначения гендерно-маркированных профессий признается архаичным некоторыми авторами статей для The Guardian: *managerESS? In 2015? <...> After all, it's 2015, not 1975; some female thespians say it is offensive to be described as an actress; authoress, comedienne, 'lady doctor', and similar obsolete terms date from a time when professions were largely the preserve of one sex, usually men* (распорядительница? В 2015? <...> в конце концов, сейчас 2015, а не 1975; некоторые актрисы считают оскорбительным использование слова *актриса* по отношению к ним; автор, комедиантка, женщина-врач, и прочие устарелые термины относятся к тому времени, когда профессии были закреплены за одним полом, в основном за мужчинами) [The Guardian URL].

Для успешной самореализации в политической или управленческой сферах от женщины потребуются такие качества, как напористость, здоровая агрессивность, независимость и прочие характеристики, типичные для мужского гендерного образа [Ильин 2010: 72]. Данная тенденция находит отражение в публикациях, например, *female tech leaders, chief customer officer, investor and founder of a mobile app, a woman founder, women at the top, president of trade association* (женщины лидеры в сфере технологий, руководитель отдела по персоналу, инвестор и основатель мобильного приложения, женщина-основатель, женщины в руководящих должностях, президент торговой ассоциации) [The Guardian URL]. По мнению Ш. Рейд, организатора бесплатных курсов по бизнес-тренингу для женщин, главной целью обучения на ее курсах является достижение независимости: *the purpose is to help women become economically independent, to get control <...> to think bigger and build global businesses* (цель – помочь женщинам

стать экономически независимыми, получить контроль, <...> мыслить шире и создавать международные компании). Семантика приведенного высказывания строится за счет значений таких лексем, как *independent, control, bigger, global businesses* [The Guardian URL].

В публикациях в современных газетах содержатся названия профессий, которые считаются «традиционно мужскими». Эти названия гендерно-маркированы при помощи лексемы *female: female coder, female train-driver, female glass-blower, female cameraman, female police officers, female farmers* (женщина-разработчик программ, машинист поезда, женщина-стеклодув, женщина-оператор, женщина-офицер полиции, женщины-фермеры). Маркированность названий профессий осуществляется за счет использования лексем *woman/women: women for the Navy; women with qualifications for becoming officers; the first woman commissioner of the London Fire Brigade; woman firefighter*; (женщины, служащие в военно-морском флоте; женщины с образованием, подходящим для того, чтобы стать офицером; первая женщина на посту специально уполномоченного Лондонской пожарной части; женщина-пожарный).

Интересно отметить, что в Великобритании женщинам разрешили работать пожарными в 1980-е гг. Д. Рейнолдз – первая женщина-пожарный в Великобритании, в интервью газете The Guardian использует следующие лексические единицы для описания своей необычной на тот момент должности: *physically and emotionally grueling; a woman going into a man's world; the guys ruled the roost; 15 months of grueling training* (физически и эмоционально изнуряюще; женщина, идущая в мужской мир; ребята распоряжались всем; 15 месяцев изнуряющих тренировок). Повторение прилагательного *grueling* (изнуряющий), а также использование наречий «физически» и «эмоционально» с одной стороны типично для описания профессии пожарного, поскольку этот труд требует от работника не только прекрасной физической подготовки, но и решительности. С другой стороны, можно предположить, что Д. Рейнолдз столкнулась с дополнительными трудностями – общественными гендерными стереотипами: *a woman going into a man's world*. В данном высказывании противопоставляется

существительное единственного числа (*женщина*) и словосочетание собирательного характера (*мужской мир*): *a woman/a man's world*. В высказываниях *the isolation of the early days; additional X chromosome meant constantly feeling an invisible barrier of loneliness* (обособленность на первых порах; дополнительная X хромосома постоянно была невидимым барьером одиночества) можно выделить контекстные синонимы *isolation* и *barrier of loneliness*, которые репрезентируют недружелюбную атмосферу на рабочем месте, которая возникла на первых порах по отношению к Д. Рейнолдз. Негативное отношение было обусловлено её половой принадлежностью: *additional X chromosome* [The Times URL].

Несмотря на многочисленные названия профессий, связанных преимущественно с физическим трудом, стоит обратить внимание на случаи языкового сексизма, которые присутствуют, в частности, в наименовании профессии «пожарный» в современном английском языке: *there were no firefighters, only firemen, don't call us firemen, says female chief, stop using the word 'fireman'* [The Times URL]. Лексема *fireman* может быть признана сексистской из-за присутствия в ней корня *-man*. Во многих современных словарях (MacMillan Dictionary, Collins Dictionary, Cambridge Dictionary) *fireman* трактуется как «*a man whose job is to stop fires*», «*a male firefighter*» (мужчина, чьей работой является борьба с огнем, мужчина-пожарный) [CED]. Несмотря на присутствие в современном английском языке гендерно-нейтральной номинации *firefighter*, гендерно-маркированное наименование *fireman* до сих пор активно используется, что доказывает слабую изменчивость языковых норм применительно к гендерным стереотипам. Более того, в публикации газеты The Times глава Лондонской пожарной части Дэниелла Коттон напрямую связывает языковой сексизм и непопулярность профессии пожарного среди женщин: *outdated language <...> is stopping young girls and women from considering this rewarding and professional career* (из-за устаревшей языковой формы девушки и женщины не рассматривают возможность карьеры в этой благородной сфере) [The Times URL]. В высказывании Д. Коттон использовано прилагательное «устаревший» вместе с

существительным «язык», что демонстрирует недовольство носителя языка наличием гендерно-маркированной номинации, которая препятствует достижению равноправия в обществе: *is stopping women*.

Внимание авторов современных статей сосредоточено на тех действиях, которые женщины выполняют на рабочих местах: *thrive in her career; launch a business; politically, women are getting just about everywhere* (преуспевает в своей карьере; начать бизнес, с политической точки зрения, женщины сейчас повсюду). Активный характер женщин в противоположность пассивности как отличительной черты женщин в публикациях начала XX века отражают лексемы *company, business, success, online network: she co-founded a company; a woman could launch any fintech business and be successful; I launched my own company; I set up the first online network for women in tech* (она стала соучредителем компании; женщина могла бы начать любой бизнес в финансовых технологиях и преуспеть; я открыла собственную компанию; я запустила первую онлайн-сеть для женщин в сфере технологий) [The Guardian URL]. В словах инвестора и создателя мобильного приложения П. Уилсон присутствует глагол со значением «начать дело» (*founded company*), а также адъектив «ущемленная» (*disadvantaged*) в сочетании с наречием «никогда» (*never*): *I founded my consultancy company in my late 20s and never felt disadvantaged as a woman* (я основала свою консалтинговую компанию когда мне еще не было тридцати, и никогда не чувствовала себя ущемленной как женщина) [The Guardian URL]. Значение «успешность» выражено имплицитно, благодаря эксплицитной самохарактеристике «никогда не чувствовала себя ущемленной».

В публикации газеты The Times от 6 февраля 2018 г., посвященной столетию получения женщинами права политического голоса, роль современной женщины в политике обозначена следующими лексическими единицами: *we should be proud of our progress; women <...> make huge strides in the political and many other spheres; increase the number of women in political office, inspire young women with opportunities to be leaders in their communities* (мы должны гордиться нашим прогрессом; женщины делают огромные успехи в политической и многих

других сферах; увеличить число женщин в политике; вдохновить молодых женщин возможностями быть лидерами в своих кругах). Глаголы с положительной коннотацией, которая контекстуально усилена значениями лексем *progress, huge, opportunities* формируют смысл успешности в репрезентации социальных ролей *работающая женщина, женщина в политике*. Образ успешности и открытых возможностей для политически активных женщин дополняется контекстными синонимами: *should be proud of progress, make huge strides* (должны гордиться прогрессом, делать огромные успехи). Кроме того, повторение глагола *achieve* использовано автором рассматриваемой публикации в контексте настоящего, прошедшего и будущего времен, что безусловно отражает изменение общественного отношения к работающим женщинам: *give women the chance to achieve professionally; immensely proud of what we have achieved; continue to achieve* (давать женщинам шанс расти профессионально; невероятно горды тем, чего мы достигли; продолжаем достигать) [The Times URL] Среди наименований женщин-политиков были обнаружены: *MP, President, prime-minister, the leader of the Commons* (член парламента, президент, премьер-министр, лидер палаты общин).

Значение «успех» выражается при помощи таких языковых единиц, как: *successful; I feel motivated in my career; be successful; thrive; impressive female talent* (успешная; в своей карьере я мотивирована, быть успешной, преуспевать, впечатляющие таланты женщин) [The Guardian URL]. Подобная языковая характеристика деятельности женщин отражает некоторое стирание гендерных границ и ослабление стереотипа об исключительной успешности мужчин на работе.

Лексические единицы, обозначающие дискриминацию женщин на работе, присутствуют как в публикациях начала XX в., так и в современных публикациях, однако в современных публикациях дискриминация чаще всего обозначена прилагательным *male*. Например, в лексико-синтаксических конструкциях *a male-dominated industry; mostly male boards; investment is a very male-dominated space; male corridors of corporate power* (индустрия с преобладанием мужчин;

преимущественно мужские советы директоров; инвестиции – это область мужского доминирования; мужские коридоры корпоративной власти). К семантике рассматриваемого адъектива в соответствующих контекстах присоединяется коннотация «доминирование», благодаря которой создается бинарная оппозиция: *male dominance/female submission* (мужское доминирование/женское подчинение). В газетных публикациях начала XX в. отмечен широкий диапазон языковой репрезентации мужского превосходства, как эксплицитной (*man's stronger fibre, men's organizing intelligence* – сильное мужское начало, мужские организаторские способности), так и имплицитной (*narrow and less efficient women, handicapped, cheap labourers* – недалекие и менее эффективные женщины, неполноценные, дешевые работники). Основываясь на приведенных выше примерах, можно отметить, что особенностью языковой дискриминации в начале XX в. было использование в газетных материалах языковых единиц, подчеркивающих физическую слабость женщин и их якобы низкие умственные способности. В современных публикациях дискриминация в основном выявляется в репрезентации непристойного поведения мужчин по отношению к женщинам с помощью таких слов, как *derogatory, sexist, harassment: some women are treated in a derogatory manner; sexist attitudes found in finance; sexist workplaces; sexual harassment* (к некоторым женщинам относятся с пренебрежением; сексистское отношение к женщинам в финансовой сфере; сексизм на рабочих местах; сексуальное домогательство) [The Guardian URL]. В публикациях XXI в. характеристика женщин как «недостаточно умных для работы» отсутствует; неравенство на рабочих местах отображается при помощи лексем *sexist, sexism*.

Особенностью современных публикаций является использование в статьях термина *gender* и различных словосочетаний с ним. В начале XX в. термин *gender* воспринимался исключительно как обозначение грамматической категории – «gender – is a grammatical term only» [Fowler 1926: 211] и потому отсутствовал в публикациях начала XX века. В публикациях начала XXI века термин *gender* является привычным и обыденным, что объясняется историческими,

социальными и культурными изменениями, произошедшими в британском обществе за столетие.

В проанализированных публикациях *The Times* и *The Guardian* словосочетание *gender gap* (гендерный разрыв) используется для обозначения неравенства на рабочих местах: *narrow the gender pay gap*; *the hindering gender pay gap*; *women and the gender pay gap* (уменьшить гендерную разницу зарплат; мешающая разница в оплате труда по гендерному признаку; женщины и разница в зарплате) [The Times URL; The Guardian URL]. Словосочетание *gender balance* (гендерный баланс) антонимично субстантивному комплексу *gender gap* и употребляется с глаголами со значениями «достичь», «быть значимым»: *gender-balanced executive team*; *gender balance matters*; *achieving gender balance* (гендерно-сбалансированная команда управленцев; гендерный баланс имеет важное значение; достигая гендерного баланса).

Лексема *gender* используется в качестве первого компонента в таких субстантивных комплексах, как *gender equality*; *gender diversity*; *gender-fair policies* (гендерное равенство; гендерное разнообразие; гендерно-сбалансированная политика). Они сочетаются с глаголами со значением «бороться», «значить»: *in the fight for gender equality*; *narrow the gender pay gap*; *promote gender equality* (в борьбе за гендерное равенство; снизить разницу оплаты труда по гендерному признаку; популяризировать гендерное равенство) [The Guardian URL; The Times URL]. Появление подобных словосочетаний на страницах газет отражает изменения в общественном сознании, свидетельствует о существующей необходимости соблюдать гендерные нормы и достигать гендерного равноправия на рабочих местах в современной Великобритании.

Тема «беременность» табуировалась в начале XX века и поэтому она не упоминалась в анализируемых газетах. В начале XXI века подобного запрета не существует. В публикациях на эту тему моделируется совмещение социальной роли *мать* и роли *работник*. Так, в статье о премьер-министре Новой Зеландии Д. Ардерн, которая отказывается от декретного отпуска и планирует работать, несмотря на беременность: *New Zealand prime minister determined to carry on as*

normal despite interest in pregnancy [The Guardian URL]. Примечательны слова самой Д. Ардерн: *I'm pregnant, not incapacitated* (я беременна, а не нетрудоспособна) [The Guardian URL]. Благодаря подобной языковой характеристике, беременность признается чем-то обыденным, поскольку, согласно Д. Ардерн, во время беременности следует работать как обычно (*carry on as usual*); беременность не влияет на трудоспособность (*not incapacitated*). Изменение характеристики женщины с точки зрения выполняемых ею ролей – женщина может быть беременной и при этой самостоятельной и работоспособной – находит отражение в контекстуальном противопоставлении *determined – interest in pregnancy, to carry on – pregnancy, pregnant – not incapacitated*, которое разрушает стереотип о слабости и ущербности женщины. С другой стороны, смысл «слабость», закрепленный за концептом *женщина*, сохраняется и реализуется в текстах, посвященных материнству, благодаря использованию прилагательных с отрицательной коннотацией: *vulnerable, lonely, scared, depressed* (уязвимая, одинокая, испуганная, подавленная). Бинарные оппозиции, в которых отражаются противоречивые взгляды общества на беременность и материнство, усложняются: *vulnerable/not incapacitated, scared/normal, weak/carry on as usual* (уязвимая/не нетрудоспособная, испуганная/нормальная, слабая/работаю как обычно).

В публикациях *The Times* и *The Guardian* начала XX века социальная роль *мать* была часто тождественна социальной роли *домохозяйка*: *domestic instinct of woman; woman's domestic work; devotion of women to domestic life* (женский домашний инстинкт; женская работа по дому; женская преданность домашнему образу жизни) [The Times URL].

В современных публикациях языковая репрезентация социальной роли *домохозяйка* противопоставлена социальной роли *домохозяйка*, представленной в публикациях начала XX века: вместо лексем *карьеря, индустрия*, употребляемых по отношению к домашнему труду, зачастую используется словосочетание «неоплачиваемый труд» (*unpaid work*). При этом гендерная маркированность социальной роли *домоводство* сохраняется: *unpaid work mostly*

done by women; women carry out an overall average of 60% more unpaid work than men; women are more likely than men to be performing unpaid work; housework is still predominantly "female"; the enduring inequality of doing the chores (неоплачиваемый труд в основном выполняют женщины; женщины выполняют в среднем на 60% больше неоплачиваемой работы, чем мужчины; более вероятно, что женщины вероятнее всего будут выполнять неоплачиваемую работу, нежели мужчины; домашняя уборка все еще преимущественно женская работа; непрекращающееся неравенство в выполнении домашних дел) [The Guardian URL]. Примечательна замена *housework* (домоводство) на *unpaid work* (неоплачиваемая работа), при этом под неоплачиваемой работой подразумеваются традиционные обязанности: *childcare, adult care, cooking, cleaning, DIY, gardening, or ironing and washing clothes* (уход за детьми, уход за старшими, приготовление пищи, уборка, изготовление чего-либо собственноручно, садоводство, глажка и стирка белья) [The Guardian URL]. Можно предположить, что подобная замена наименований появилась как попытка ослабить гендерный стереотип «женщина = домохозяйка».

Ослабление гендерного стереотипа наблюдается также в следующих примерах из современных публикаций, оно достигается благодаря лексемам *gender-free, house-husband: make housework gender-free; losing the tag of women's work; life as a house-husband* (избавиться от гендерной обусловленности домашней уборки; терять метку женской работы; жизнь в качестве домохозяйина [The Guardian URL].

Основной особенностью языкового отражения гендерных стереотипов в современной прессе является экспликация необходимости борьбы за равноправие и **избавление от гендерных стереотипов**. Условно основные гендерные проблемы, как они представлены на страницах газет, можно разделить на следующие группы:

- *Gender pay gap*
- *Sexism at workplace – harassment*
- *Home violence*

- *Housework gender gap*
- *Body shaming*.

Gender pay gap, или разница в оплате труда из-за половой принадлежности в современных газетных публикациях преподносится как одна из основных проблем рынка труда: *narrow the gender pay gap; the hindering gender pay gap; women and the gender pay gap* (уменьшить гендерную разницу зарплат; сдерживающая разница в оплате труда по гендерному признаку; женщины и разница в зарплате). Отмечено, что в отличие от стереотипов начала XX в. и представления женщин как дешевой рабочей силы (*cheap workers*), в современных публикациях делается акцент на необходимости уравнивания заработной платы.

Sexual harassment – проблема сексуального домогательства – эксплицируется в следующих атрибутивных и предикативных комплексах: *sexist workplaces, sexism at work, workplace sexism, sexism debate, sexual harassment, misogyny, bullying and abuse, rape threats* (сексизм на рабочих местах, женоненавистничество, оскорбления и угрозы, угрозы насилия). Репрезентация данной проблемы дополняется адъективами и адъективными комплексами отрицательной коннотации: *relentless, misogynist, vicious* (безжалостный, женоненавистнический, злобный). Реакция женщин на сексистское обращение всегда обозначается при помощи лексем, объединяемых значениями «злость» и «гнев»: *woman's outrage, fired up, pool of anger, angry response* (женское негодование, кипеть от злости, море злости, злобный ответ).

Сам термин *sexual harassment* появился в научной литературе в 1979 г., когда американский юрист К. МакКиннон заявила о необходимости юридического регулирования сексуальных домогательств на рабочих местах (*Sexual Harassment of Working Women*). Современные исследователи гендера отмечают, что наиболее уязвимой группой жертв домогательств являются женщины на руководящих постах, что можно обозначить как парадокс женской власти («power-threat theories suggest that women in authority may be more frequent targets, the paradox of power, women's authority, particularly in male-dominated work settings») [McLaughlin, Uggen, Blackstone 2012]. Необходимо отметить, что в

газетах The Times и The Guardian освещается, в том числе, проблема домогательств в киноиндустрии. Известное дело Х. Вайнштейна положило начало широкой медийной огласке проблем домогательства: *sexual harassment: 100 days after Harvey Weinstein's allegations, #MeToo and How the Harvey Weinstein Scandal Unfolded*. Сразу после огласки этого дела появился популярный хештег #metoo как символ осуждения сексуального насилия и домогательства.

На страницах британских печатных изданий The Guardian и The Times получают огласку не только новости из США, где зародилось и получило широкое распространение движение #metoo, но и новости других стран: *the president of the Philippines was accused of sexism after persuading a married woman to kiss him* (президент Филиппин был обвинен в сексизме после того, как заставил замужнюю женщину поцеловать его), но и новости Великобритании: *politicians in the Scottish parliament are abusing their power by subjecting workers to sexism and sexual harassment; every fourth woman in the UK has experienced harassment at work* (депутаты Шотландского парламента, пользуясь своей властью, подвергают работников сексуальным домогательствам; каждая четвертая женщина в Великобритании была подвергнута домогательствам на работе).

Газетные публикации расширяют круг сфер, в которых случается сексуальное домогательство: *sexism in science; sexism in politics; all women who are parliamentarians; publicly exposed figures look down at their social-media feeds every night and see death threats and rape threats; harassment at the Bar; female teachers speak out about sexual harassment* (сексизм в науке, политике; женщины-парламентарии или публично известные личности каждую ночь получают сообщения с угрозами; домогательства в сфере юриспруденции, педагогики) [The Times URL; The Guardian URL].

Проблема домашнего насилия (*home violence*) также получает освещение на страницах The Times и The Guardian. Примечательно, что лексемы *violent, violence* в публикациях The Times и The Guardian начала XX века были использованы по отношению к суфражисткам в их характеристике: *violent suffragists break windows, suffragist violence*. Можно предположить, что фраза *home violence* не могла быть

использована на страницах прессы начала XX века в связи с высокой степенью распространения стереотипа об образе идеальной семьи.

Журналисты газеты The Guardian отмечают, что хотя по большей части домашнему насилию подвергаются женщины, около 40% жертв домашнего насилия – мужчины. Устоявшееся словосочетание *home violence* служит общим названием как для физических, так и эмоциональных издевательств и угроз насилия (*physical abuse, emotional abuse, domestic violence, home violence, threats, rape, abusive behavior*) [The Guardian URL]. Согласно The Guardian, домашнее насилие провоцируется комплексом психологических и социальных факторов, результатом которых является дисбаланс сил между представителями разных полов (*it is the result of a complex interplay of psychological and social factors which have created an imbalance of power between the sexes*) [The Guardian URL]. Поскольку домашнее насилие, так же, как и домогательства, имеют одинаковую природу (*sexual harassment is about power; domestic violence is <...> an imbalance of power*), можно предположить, что важную роль в распространенности данных явлений играют устоявшиеся в обществе гендерные стереотипы [McLaughlin, Uggen, Blackstone 2012].

Housework gender gap – различное распределение домашних обязанностей в семье между мужчинами и женщинами – является весьма интересным и примечательным явлением для современных СМИ. Как известно, в начале XX века The Times и The Guardian **пропагандировали** закрепление домашнего труда за женщинами. Можно с уверенностью утверждать, что в современных публикациях наблюдается сдвиг в сторону поиска гендерного баланса, который очевиден благодаря использованию соответствующих языковых средств: *the importance of household gender balance; housework is still predominantly "female"; the enduring inequality of doing the chores* (важность гендерного баланса в выполнении домашних дел; работа по дому все еще преимущественно женская; непрекращающееся неравенство в выполнении домашних дел). Подтверждением этого сдвига служит замена старого наименования *housework* на *unpaid work*:

unpaid work mostly done by women (неоплачиваемый труд в основном всегда выполняют женщины).

Необходимость достижения гендерного баланса при выполнении домашних обязательств вызвана общественным недовольством со стороны женщин: *women complaining of doing the chores; seemed to spend most of their time cooking for men and making them cups of tea; men are better at avoiding doing housework* (женщины жалуются на выполнение домашних обязанностей; казалось, (что женщины) проводили большую часть своего времени, готовя для мужчин и заваривая им чай; мужчинам лучше удается избегать выполнения домашних дел). Использование термина *housework gender gap* в современных публикациях призвано обратить общественное внимание на гендерный дисбаланс в выполнении домашних обязанностей.

Современные женщины достигли статуса добытчика хлеба и готовы работать наравне с мужчинами – этот факт отражается в использовании таких фрагментах газетных текстов, как *female breadwinners are the new norm, so why are we still doing all the housework?; women earning the main family income; one in three working mothers in Europe is now her family's main breadwinner* (женщины-добытчицы – новая норма, но почему мы до сих пор выполняем все домашние обязанности?; женщины зарабатывают основной семейный доход; одна из трех работающих матерей в Европе зарабатывает основную часть семейного бюджета). Журналист газеты The Times Л. Кенди отмечает, что изменяющаяся гендерная динамика семейного уклада нуждается также в изменении отношения к семейному быту (*the gender dynamic of modern family life is shifting, and attitudes need to change too*) [The Times URL]. В газетах The Times и The Guardian отмечено наличие публикаций мужского авторства о ведении домашнего хозяйства и необходимости гендерного баланса: *I am the Marry Poppins of the household* (я – Мэри Поппинс в мире домашних обязанностей), *why is there still the housework gender gap?* (почему до сих пор существует гендерное неравенство в домашних обязанностях?) [The Times URL; The Guardian URL].

Общественное недовольство стандартизацией женской внешности и его языковое выражение отсутствовало на страницах газет начала XX в., в то время как в XXI в. находит широкое отражение на страницах газет: *women are judged way more on their looks/size/dress than men are; body-shaming holds women back by eroding their confidence both at work and socially* (женщин осуждают гораздо больше, чем мужчин за их вид, размер одежды, стиль одежды; осуждение фигуры препятствует женскому успеху, снижая их уверенность на работе и в общении). В интервью газете *The Guardian* многие женщины отмечают, что несоответствие идеалам красоты способно негативно отразиться на здоровье: *I became very critical of how I looked, to the point where my body mass index got really low and I was told by doctors that I wouldn't be able to sit* (я стала очень критично относиться к тому, как я выгляжу, и все дошло до того, что мой вес стал слишком мал, и врачи сказали мне что я не смогу сидеть) [The Guardian URL]. Благодаря средствам массовой информации, в обществе сформировался новый стереотип относительно женской внешности, который строится на критике внешности из-за несоответствия канонам красоты (*body shaming*). С другой стороны, анализ контекстов убеждает в отражении на страницах газет противодействия сложившемуся стереотипу, о чем свидетельствует, например, употребление глагола *to ban* (запрещать): *body-shaming ads could be banned* (осуждающие внешность рекламные плакаты могут быть запрещены). Созданный по аналогии с *body-shaming* субстантивный комплекс *fat-shaming* используется в контекстах, имеющих негативную коннотацию: *fat-shaming is disgusting; fat-shaming is dangerous* (осуждать полноту – отвратительно; осуждать полноту – опасно). Таким образом, путем создания негативных ассоциаций с определенным типом поведения (*fat-shaming is bad*) современные СМИ пропагандируют толерантность к любому типу внешности.

Сравнительный анализ средств языковой репрезентации концепта *женщина* показывает значительные изменения в отражении многих женских социальных ролей. В частности, в репрезентации социальной роли *работница* в современных публикациях отмечается отсутствие языкового сексизма, свойственного публикациям начала XX в. – отсутствует характеристика женщин как слабых и

второстепенных; вместо этого наблюдается феминизация профессий, традиционно мужские качества (лидерство, сила, власть) теперь обретают сниженную гендерную маркированность, поскольку могут быть приписаны как мужчинам, так и женщинам: *female successful leaders, female entrepreneurs*. С другой стороны, анализ репрезентации социальных ролей *домохозяйка* и *мать* демонстрирует весьма незначительные изменения – социальный стереотип «женщина-домохозяйка» сохраняется (*housework is still predominantly female*). Это подтверждает мысль У. Липпмана о слабой изменчивости стереотипов. Отмечено относительное сглаживание гендерных стереотипов в современной британской прессе. В Таблице 4 показано изменение языкового отражения гендерных стереотипов начала XX в. и начала XXI в.

Анализ публикаций позволил выделить некоторые языковые особенности, свойственные исключительно современным публикациям, в частности, языковое выражение гендерного неравенства и сексуальных домогательств, а также языковую экспликацию общественного отказа от пропаганды идеалов женской красоты.

Таблица 4. Изменение языковой репрезентации социальных ролей и гендерных стереотипов в британской прессе начала XX в. – начала XXI в.

Публикации начала XX в.	Социальная роль	Публикации начала XXI в.
Пропаганда необходимости материнства, признание бездетных женщин «ненормальными»: <i>only miserable idiot ought not to have children at all</i>	Жена, мать	Признание возможности выбора: <i>having children is woman's choice, the choice to be child-free, happily childless</i>
Закрепление роли домохозяйки за женщиной: <i>between breakfast and the evening are the wife's working hours, a British housewife is a model for the whole world</i>	Домохозяйка	Важность достижения гендерного баланса в выполнении уборки: <i>why is housework so annoying? household gender balance</i>
Описание женского труда как «дешевого»: <i>cheap labourers, weak, tend to work less</i> Одновременно с этим, положительная характеристика работниц: <i>good companions, efficient</i>	Работница	Список доступных профессий неограничен: <i>CEOs, entrepreneurs, taxi drivers, firefighters</i> Характеристика успешности и силы: <i>successful workers, smash</i>

<i>workers</i> Лимитированный список доступных профессий: <i>bank clerks, typists</i>		<i>the glass ceiling</i> Необходимость гендерного баланса в оплате труда: <i>gender balance matters</i>
Суфражистка, в основном негативная характеристика: <i>half-witted, can't vote, degenerates</i>	Женщина в политике	Список доступных политических должностей не ограничен, характеристика успешности: <i>political success, achieve success</i>

Выводы по Главе 3

Современная британская пресса может быть охарактеризована как гендерно-стереотипизированная. Несмотря на наличие большого количества печатных изданий, ориентированных на женщин, проблема гендерного баланса в журналистике по-прежнему остается актуальной. Основываясь на статистических данных, работах исследователей, а также публикациях британских газет, нельзя утверждать о достижении ими полного равноправия.

Словарные дефиниции лексемы *woman* в современных британских словарях и тезаурусах легли в основу концептного анализа и составления трех уровней концепта *женщина*: субординатного, базового и суперординатного. Установлено, что в отличие от семантического наполнения концепта *женщина* начала XX в., концепт *женщина* в современном английском языке утратил смысл «слабость», который был интегрирован на субординатном и суперординатном уровнях рассматриваемого концепта в начале XX в.

Кроме того, анализ словарных дефиниций показал изменения в языковом представлении лексемы *woman*. В частности, в современных словарных статьях присутствуют единицы *businesswoman*, *spokeswoman*, *woman worker*, отсутствовавшие в словарях начала XX в.

Языковое представление концепта *женщина* раскрыто в трех фреймах: «Биолого-физиологические характеристики», «Ментально-психические характеристики» и «Социокультурные характеристики». Фрейм «Биолого-физиологические характеристики» составляют 3 слота: *пол, внешность и физическая сила*. Фрейм «Ментально-психические характеристики» составляют слоты: *участие в научной деятельности, умственные способности, типичные черты характера*. Фрейм «Социокультурные характеристики» состоит из слотов: *жена, мать, домохозяйка, работница*.

Было замечено, что в отличие от публикаций начала XX в., в современных публикациях отсутствуют лексические единицы негативной коннотации и пейоративы, употребляемые по отношению к женщинам. Единственным случаем

использования лексем с негативным значением являлась саморефлексия женщин, о которых были написаны статьи. Кроме того, признак *weaker sex*, реконструируемый во многих слотах концепта *женщина* в начале XX в., не содержится в языковой репрезентации современного концепта. Замечено, что сама лексема *weak sex* употребляется в публикациях вместе с отрицательной частицей *not* – *we aren't weak sex*. Отмечаются изменения в языковой репрезентации слота *внешность* (стирание границ *красивый/некрасивый*), слота *умственные характеристики* (отсутствие единиц со значением «женская глупость»), слота *работница* (значительное увеличение количества названий ведущих профессий).

Значения «сила» и «успешность» интегрированы в 6 слотов: *физическая сила*, *внешность*, *умственные способности*, *типичные черты характера*, *мать*, *работница*. Можно утверждать, что языковое наполнение слотов во фреймовой структуре концепта *женщина* начала XXI в. противоположно языковому наполнению слотов концепта *женщина* начала XX в.

Языковая репрезентация фрейма «Биолого-физиологические характеристики» в современной британской прессе и британской прессе начала XX века отличается по следующим параметрам:

- изменение в восприятии женственности как обязательной женской характеристики: *women are losing beauty lines/gender-free clothes* (женщины утрачивают красивые формы/безгендерная одежда),
- изменение в репрезентации физической силы женщины: *weak/strong, disabilities inherent in her sex/women aren't inferior sex, cannot fight/female warrior* (слабая/сильная, недостатки женского пола/женщины не слабый пол, не может бороться/женщина-борец),
- изменение в языковой репрезентации женщин, занимающихся физическими нагрузками, спортом: *red-faced creature/how weightlifting empowers women, women aren't allowed to watch boxing matches/ the joy of women's wrestling* (краснолицее существо/тяжелая атлетика)

придает женщинам сил, женщинам не разрешается смотреть матчи по боксу/радость женского рестлинга),

Основными отличиями в языковом наполнении фреймов «Ментально-психические характеристики» в современных публикациях The Times и The Guardian по сравнению с публикациями начала XX в. являются:

- смыслы «сила» и «власть», присутствующие в репрезентации черт женского характера, были ранее возможны только в описании мужчин: *dependent/independent*, *shy/assertive*, *weak/strong*, (зависимая/независимая, стеснительная/напористая, слабая/сильная),
- смысл «женская молчаливость» приобретает имплицитный характер и выражается через мужское доминирование в разговоре: *women are silent/men tend to dominate*, *women are timid/men do the talking* (молчаливая/в основном доминируют мужчины, женщины стеснительны/мужчины ведут разговор),
- отсутствие языковых единиц, обозначающих женскую глупость, которые часто присутствовали на страницах публикаций начала XX в.: *half-witted*, *ignorant* (недалекая, невежественная).

Основными особенностями языкового аспекта фрейма «Социокультурные характеристики» являются:

- тесная связь и пересечение субслотов *жена* и *мать* присутствуют как в публикациях начала XX в., так и в современных публикациях,
- снижение гендерной маркированности лексических единиц в субслоде *домохозяйка*: *make housework gender-free* (сделать безгендерными домашние обязанности),
- увеличение наименований в субслоде *работающая женщина*, отсутствие лексем негативной коннотации.

Немаловажным является отражение в газетных текстах необходимости избавиться от гендерных стереотипов и сексизма в современном британском обществе. На страницах публикаций были обнаружены следующие темы, не

затрагивавшиеся в публикациях начала XX века: *gender issues, gender pay gap, sexual harassment at work, home violence, body-shaming problem*.

Отметим также, что в современных публикациях многие гендерные стереотипы британского общества начала XX в. отсутствуют в современном языке газетных публикаций или слабо выражены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование, посвященное языковым средствам репрезентации концепта *женщина* в британской прессе начала XX и начала XXI веков, выполнено с позиции гендерной лингвистики с использованием междисциплинарных знаний. Работа содержит анализ языковых единиц, репрезентирующих концепт *женщина* в газетах *The Times* и *The Guardian* 1909–1914-х гг. и 2013–2018-х гг., и его результаты.

Комплексное изучение рассматриваемой проблематики приводит к следующим выводам:

1. Доказано, что в выборе языковых средств репрезентации концепта *женщина* произошел сдвиг от отрицательного восприятия женщины к положительному. Это выражается в изменении языкового наполнения всех выделенных уровней моделируемого концепта. Наиболее заметные изменения наблюдаются на субординатном уровне: в начале XXI в. появились единицы, обозначающие официальную занятость (*businesswoman*, *spokeswoman*), а маркированная лексика (*lady servant*) приобрела нейтральный оттенок (*domestic help*).

2. Выявлено, что лексический состав слотов во фреймовой структуре концепта *женщина* претерпел трансформации. Изменился состав фреймов «Биолого-физиологические характеристики», «Ментально-психические характеристики» и «Социокультурные характеристики». Во фреймах концепта *женщина* начала XX в. были интегрированы смыслы слабости и зависимости; во фреймах концепта *женщина* начала XXI в. интегрируются смыслы силы и успешности. Немаловажным является тот факт, что корпус лексических единиц, подвергнутых семантическому анализу, представлен неравномерно в рассматриваемых эпохах 1909–1914-х гг. и 2013–2018-х гг. Лексическое наполнение слота *домохозяйка* более обширно в архивных публикациях *The*

Times и The Guardian начала XX в.; в современных публикациях данный слот представлен весьма скудно.

3. Метод моделирования и описания концепта *женщина* по принципу оппозиций: *мужчина/женщина, мужское/женское, норма (нормальная женщина)/отклонение от нормы*, можно считать эффективным, поскольку данное представление языкового материала соответствует структуре категории *гендер*, которая основывается на противопоставлении.

4. Материал демонстрирует, что динамичный характер концепта обусловлен изменениями в выборе языковых средств в публикациях в газетах The Times и The Guardian, которые были предопределены социальными изменениями в Великобритании, а также внутренними факторами, в частности, изменениями языковой политики и необходимостью учета социального запроса средствами массовой информации.

Из положений, которые составили **гипотезу**, подтвердились следующие:

- *В рамках рассматриваемого временного периода выбор языковых средств, с помощью которых формируется концепт женщина в печатных СМИ, зависит от развития гендерных отношений в британском обществе.* Анализ материала показал наличие сдвига от отрицательного восприятия женщины к положительному, который был вызван изменениями в гендерных отношениях в британском обществе. Подобное изменение нашло отражение в выборе языковых средств репрезентации рассматриваемого концепта.

- *Викторианские стереотипы относительно женщин значительно стерты и слабо прослеживаются в современных публикациях газет The Times и The Guardian.* Материал современных британских газет демонстрирует наличие значительно стертых гендерных стереотипов, но не их отсутствие.

Частично подтвердились следующие положения:

- *Фреймовые представления концепта женщина будут различными в начале XX и начале XXI веков.* Во фреймовом представлении концепта *женщина* сохраняется одинаковое число слотов и их тематика, но лексическое наполнение слотов различно.

- *Общим для структур концепта женщина в XX и XXI вв. будет фрейм «Биолого-физиологические характеристики».* Выявлено, что общими фреймами для структур концепта *женщина* в XX и XXI вв. являются все три фрейма: «Биолого-физиологические характеристики», «Ментально-психические характеристики», «Социокультурные характеристики».

Данные лингвистического анализа подтверждают положение о динамичной структуре концепта *женщина*, обусловленной тематической направленностью СМИ.

Выполненная диссертационная работа вписывается в современную парадигму лингвистических исследований, результаты проведенного анализа могут быть использованы для дальнейших синхронических и диахронических исследований в области гендерной лингвистики и медиалингвистики. Перспектива исследования заключается в расширении изучения языковой репрезентации концепта *женщина* в британских СМИ за счет привлечения материалов таблоидов (tabloid newspapers), а также материалов, размещенных в социальных сетях (блоги, интернет-форумы).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажгихина Н. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа / Н. Ажгихина // Женщины: свобода слова и творчества: сборник статей. – М.: Эслан, 2001. – С. 5-22.
2. Азарных Т.Д. Женщины: гендер и темперамент // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2014. – №2(4). – С. 874-879.
3. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Языки русской культуры. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. М.: Школа, 1995. – 766 с.
4. Аристотель. Политика. Сочинения: В 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376-644.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
6. Баранова К.М., Чупрына О.Г. Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира. // Вестник Московского государственного областного университета серия «Лингвистика». – №6. – Москва, 2015. – С. 8-16.
7. Бартминьский Е. Этноцентризм стереотипа: польские и немецкие студенты о своих соседях // Славяноведение. М.: Индрик, 1997. – № 1. – С. 12-24.
8. Бовуар С. Второй пол. / перевод с французского Малахова И. СПб: – Азбука СПб, 2017. – 928 с.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 09.03.18).
10. Божанова Н. Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность. Перспективы / Вестник Тамбовского университет № 5. – 2012. – С. 69-74.

11. Болдырев Н. Н. Два типа оценочных категорий / От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 656 с.
12. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии: учебное пособие. Изд. 4-е, стер. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 163 с.
13. Бондарчук Г.Г. Категория английских наименований одежды в свете современных подходов к категоризации / Г.Г. Бондарчук // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. М.: 2010. – № 600. – С. 46-58.
14. Бороздина Н.А. Деятельность женотделов в 1919-1929 годах: опыт и уроки (На материалах партийных и советских организаций Архангельской и Вологодской губерний): автореферат дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / Бороздина Нина Алексеевна. – Ленинград, 1991. – 16 с.
15. Васина А. В. Сексизм или гендерная асимметрия в языке // Культура народов Причерноморья. — 2006. — № 76. — С. 85-88.
16. Васюк В.В. Концепт "женщина" в статике и динамике фразеологии английского языка: дисс...канд. филологических наук: 10.02.04. / Васюк Вероника Владимировна. – Москва, 2002. – 145 с.
17. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76–83.
18. Гайфуллина А.Н. Концепт «женщина» в языке женских форумов Рунета /А.Н. Гайфуллина // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Вып. 10. –Тайбэй. – 2007. – С. 107-116.
19. Гайфуллина А.Н. Образ женщины в мужских форумах Рунета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F351152452/Obraz.Zhenschiny.v.muzhskih_forumah.Runeta.pdf (дата обращения: 09.03.18).

20. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: монография / Е.И. Горошко. М.: Изд. Группа РА-Каравелла, 2001. – 316 с.
21. Горошко Е. И Языковое сознание: гендерная парадигма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=43> (дата обращения: 09.03.18).
22. Грузберг Л.А. Концептуальный (концептный) анализ – есть ли он? // Филолог. 2011. № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub> (дата обращения: 10.03.19).
23. Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830-1835) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/classics/humboldt.htm> (дата обращения: 09.03.18).
24. Дежина Т.П. Этапы становления концепта «гендер» в зарубежной и отечественной лингвистике / Т.П. Дежина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017 – №4. – С. 76-79.
25. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
26. Домострой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1976> (дата обращения: 09.03.18).
27. Дорофей Ю.О. Гендерные стереотипы в античности / Ю.О. Дорофей // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – Том 22 (61). – 2009. – № 2. – С. 105-112.
28. Евграфова Ю.А. Концепт «женщина» в паремиях: на примере лексико-семантической группы «внешность» (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков)/ Ю.А. Евграфова // Вестник Московского государственного областного университета серия «Лингвистика». – Москва, 2011. – № 3. – С. 169-172.

29. Ерохина Л. Д. Женские движения XIX – начала XX века и изменение гендерного сознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abc.vvsu.ru/books/up_genderologija_feminologija/page0004.asp (дата обращения: 09.03.18).
30. Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина». автореф. дисс... докт. фил. наук: 10.02.01 / Ефремов Валерий Анатольевич. – СПб, 2010. – 40 с.
31. Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина». дисс... докт. фил. наук: 10.02.01 / Ефремов Валерий Анатольевич. – СПб, 2010. – 406 с.
32. Желтухина М. Р. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2003. – 696 с.
33. Зуева Н. А. Гендер в свете постмодернистского дискурса: автореф. дисс... канд. философ. наук: 09.00.11 / Зуева Наталья Александровна. – Воронеж, 2004. – 24 с.
34. Ивлиева П.Д. Феминистская литературная критика и феминистская критика языка / П.Д. Ивлиева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. – №1(2). – С.112-116.
35. Ильин Е.П. Пол и гендер / Е.П. Ильин. – Питер, 2010. – 688 с.
36. Исупова О.Г. Конверсационный анализ: представление метода / О.Г. Исупова // Социология: М., 2002. – №15. – С. 33-52.
37. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
38. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч.тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

39. Кибрик А. А. Обосновано ли понятие дискурс СМИ? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/kibrik/Media_discourse@Orel_2008.pdf (дата обращения: 29.10.17).
40. Кирилина А.В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании / А.В. Кирилина // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 18-27.
41. Кирилина А.В. Интернет-жанр «комментарий читателя» / А.В. Кирилина // Вестник Московского городского педагогического университета серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – Москва, 2015. – №1(17). – С. 67-76.
42. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М. Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
43. Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19. / Кирилина Алла Викторовна. – Москва, 2000. – 369 с.
44. Конституция РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 09.03.18).
45. Кронгауз М.А. Язык в интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/8674> (дата обращения: 06.02.18).
46. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Т.Лузина. – М.: Изд-во Моск.госу. ун-та, – 1996. – 245 с.
47. Кубрякова Е.С. Язык и знание. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
48. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
49. Лалетина А.О. Гендер в журналах об образе жизни и популярном кино. Гендер в английской лингвокультуре: коллективная монография / Е.С.

Гриценко, А. О. Лалетина, М. В. Сергеева. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – С. 123-168.

50. Лалетина А.О. Языковое конструирование гендера в журналах об образе жизни: автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02.04 / Лалетина Александра Олеговна. – Н. Новгород, 2007. – 185 с.

51. Латкина Т.В. Концепт «женщина» (по роману голосов Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо») / Т.В. Латкина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20664> (дата обращения: 09.03.18).

52. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

53. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под рук. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – С. 280-287.

54. Лихачев Д.С. Русская культура / Д.С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.

55. Лунгу И.А. Моделирование концепта с помощью фреймовой структуры (на примере слова «школа») / И.А. Лунгу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. – С. 129-132.

56. Мартынюк А.П. Женская речь и проблемы общения / А.П. Мартынюк // Вестник Харьковского университета. – №312, 1987. – С. 30-34.

57. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

58. Мензаирова Е.А. Актуализация концептов "любовь" и "женщина" в песенном дискурсе: дисс...канд. фил. наук: 10.02.19 / Мензаирова Екатерина Алексеевна. – Ижевск, 2010. – 184 с.

59. Меринова Е.А. Концепт «женщина» в русской и американской картинах мира / Е.А. Меринова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 37. – С. 112-114. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/771250.htm> (дата обращения: 09.03.18).
60. Михайлова С.В. Феминная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века: дисс...канд.филол.наук: 10.02.19 / Михайлова Светлана Владиславовна. – Москва, 2012. – 236 с.
61. Морковкин В. В., Морковкина А. В., Русские агнонимы : (Слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М., 1997. – 414 с.
62. Московский центр гендерных исследований (МЦГИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gender.ru> (дата обращения: 09.03.18).
63. Мошинская Л.Р. Влияние половозрастных особенностей субъекта на процесс вербальной коммуникации / Л.Р. Мошинская // Тезисы VI всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1978. – С. 44-46.
64. Мурашова Л.П. Концептуально-фреймовое конструирование женской идентичности в английском языке. автореф. дис.... канд. фил. наук: 10.02.04 / Мурашова Людмила Павловна. – Пятигорск, 2018. – 38 с.
65. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: книга для свободных умов / Ф. Ницше // Сочинения в 2 т. М. 1990. – Т. 1. – 490 с.
66. Орлянский С. А. Трансформация образа мужчины в современной культуре : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Орлянский Сергей Александрович. – Ставрополь, 2004. – 146 с.
67. Паскова Н.А. Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода (опыт семантической реконструкции на основе произведений Дж. Чосера) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Паскова Надежда Александровна. – Иркутск, 2003. – 185 с.
68. Паутова У.В. Концепты «мушкарац»-‘мужчина’ и «жена»-‘женщина’ в сербскохорватском языке. дисс...канд. филол. наук: 10.02.03 / Паутова Ульяна Владимировна. – Санкт-Петербург, 2015. – 246 с.

69. Платон. Государство / Перевод с древнегреческого А.Н. Егунова. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
70. Полевая И.В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ): дисс...канд. филол. наук: 10.02.19 / Полевая Ирина Владимировна. – Москва, 2014. – 204 с.
71. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.
72. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие концепт в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ, 1999. – 30 с.
73. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук; Ваклер, 2003. – 656 с.
74. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта: учеб. пособие / Ю.Е. Прохоров. – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2016. – 176 с.
75. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы / Н.Л. Пушкарева // Вопросы истории, 1998. – №6. – С. 76-86.
76. Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/2613#_ftn1 (дата обращения: 09.03.18).
77. Рябов О.В. Матушка-Русь / О.В. Рябов. – Вологда: Ладомир, 2001. – 207 с.
78. Самогуга Е. А. Лингвокогнитивные особенности дискурса глянцевого журналов: гендерный аспект: на материале российской версии журнала «Cosmopolitan» за 2005-2011 гг. : автореферат дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Самогуга Екатерина Андреевна. – Белгород, 2012. – 22 с.
79. Сидорская И. В. Репрезентация гендера в текстах СМИ // Идеология белорусского государства в процессе формирования личности специалиста: сб. статей / Под ред. О. Г. Слуки, Минск: БГУ, 2012. – С. 74–84.

80. Смеюха В. В. Феномен гендерной идентификации в медийном пространстве : на материале отечественных женских журналов : дисс... д. фил. наук : 10.01.10 / Смеюха Виктория Вячеславовна. – Краснодар, 2012. – 389 с.
81. Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Великобритании / В.С. Соколов, С.М. Виноградова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000 – 112 с.
82. Соколова И.М. СМИ и новое концептуальное наполнение образа женской красоты в современной массовой культуре / И.М. Соколова // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 98(04). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-i-novoe-kontseptualnoe-napolnenie-obraza-zhenskoj-krasoty-v-sovremennoy-massovoy-kulture> (дата обращения: 11.05.18).
83. Соловьева Р.В. Фреймовая организация концепта «женщина» в немецких и белорусских пословицах / Р.В. Соловьева // Вестник МГЛУ. – №24 (630). – 2011. – С.82-91.
84. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42-67.
85. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. — М.: Слово, 2000. – 624 с.
86. Титов Е.А., Губанова Г.В., Рябошапко А.И. Очерки гендерной медицины: взгляд клинициста на особенности тактики ведения и профилактики основных хронических неинфекционных заболеваний // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=12166> (дата обращения: 16.01.2019).
87. Титова О.А. Фразеологизмы-антропонимы оценочного характера в современном английском языке. автореф...дисс. канд. филол. наук: 10.02.04 / Титова Ольга Анатольевна. – Москва, 2011. – 218 с.
88. Толстая С.М. Стереотип и картина мира. аспект / С.М. Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 262-264.

89. Точилина Ю.Н. Концепт Русская женщина XXI века / Ю.Н. Точилина // Вестник Кемеровского государственного университета, 2014. – № 3 (59). – Т. 2. – С.134-140.
90. Тукачева Ю.С. Гендерный подход к развитию личности в сфере образования // Женщина в российском обществе, 2011. – №4. – С.59-66.
91. Ушакин С.А. Поле пола: в центре и по краям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/antropology/gender/pol.htm> (дата обращения: 01.12.17).
92. Фрейд З. Введение в психоанализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/freud/freud200.htm>
93. Хакимова Г.Ш. Концепт «женщина» в английских и русских паремиях в свете гендера: сопоставительный аспект / Г.Ш. Хакимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. – № 11 (29): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 192-195.
94. Черкесова З.В. Объективация концепта «женщина» в пословицах и поговорках кабардино-черкесского языка / З.В. Черкесова // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. – № 3 (45): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 194-196.
95. Чибышева О.А. Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии: автореф...дисс. канд. филол. наук: 10.02.20 / Чибышева Ольга Анатольевна. – Челябинск, 2005. – 26 с.
96. Чупрына О.Г. Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: монография / Н.В. Барышников, А.Л. Бердичевский, Л.Г. Викулова, О.В. Вострикова, С.А. Герасимова, М.Р. Желтухина, В.И. Карасик и др.; под ред. Викуловой Л.Г. – М.: Издательский дом «Форму Неолит», 2017. – 424 с.
97. Чупрына О.Г., Баранова К.М., Меркулова М.Г. Судьба как концепт в языке и культуре/ О.Г. Чупрына, К.М. Баранова, М.Г. Меркулова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2018. – №3. – С. 120-125.

98. Чупрына О.Г. Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) / О.Г. Чупрына // Вестник Московского городского педагогического университета серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – Москва, 2014. – №3(15). – С. 71-79.

99. Шахмайкин А. М. Проблема лингвистического статуса категории рода / А.М. Шахмайкин // Актуальные проблемы современной русистики. Дიაхрония и синхрония. М.: МГУ, 1996. – С. 226-273.

100. Шестеркина Н.В. Макроструктура концепта «огонь» на материале фольклорных текстов / Н.В. Шестеркина // *Lingua Mobilis*, 2009. – №5 (19). – С.28-35.

101. Шишигина О.Ю. Объективация концепта «женщина» в английской фразеологии: автореф...канд. фил. наук: 10.02.04 / Шишигина Оксана Юрьевна. – Кемерово, 2003. – 20 с.

102. Шишлова Е.Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс / Е.Э Шишлова // Вестник МГИМО-Университета, 2013. – № 1. – С.148-152.

103. Шопенгауэр А. Введение в философию; Новые паралипомены; Об интересном: сборник / пер. с нем. Минск: Попурри, 2000. – 416 с.

104. Adams K., Keene M., McKay M. Controlling Representations: Depictions of Women in a Mainstream Newspaper, 1900-1950. – Hampton Press, 2009. – 224 p.

105. Allen P. The Concept of Woman: The Early Humanist Reformation, 1250-1500, Part 1. – William B. Eerdmann Publishing Company, Cambridge U.K, 2005. – 530 p.

106. Anson H, Lees C. Where are all the Women Journalists in UK Newspapers? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.ejo.ch/ethics-quality/where-are-all-the-women-journalists-in-uk-newspapers> (дата обращения: 09.03.18).

107. Ballaster R., Beetham M., Frazer E. Women's Worlds: Ideology, Femininity and the Woman's Magazine. – Red Globe Press, 1996. – 206 p.

108. Baxter J. *Women Leaders and Gender Stereotyping in the UK Press*. – Palgrave Macmillan, 2018. – 162 p.
109. Belfatmi M. The representation of women in Moroccan proverbs // *IOSR Journal Of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*, 2013. – Volume 17, Issue 1. – P. 15-21.
110. Bennet A. *Journalism for Women* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/8405/8405-h/8405-h.htm> (дата обращения: 09.03.18).
111. Bodine A. Androcentrism in prescriptive grammar: singular 'they', sex-indefinite 'he', and 'he or she' / Bodine, Ann. *Language in Society*, 1975. – P. 129-146.
112. Boucherette J. *Hints on Self-Help: a Book for Young Women*. – S.W. Partridge, 1863. – 156 p.
113. *British Political Facts 1900–1968* // David Butler. – Palgrave Macmillan UK, 1969. – 264 p.
114. Brontë Ch. *Shirley*. 1849. – New York: Oxford, 1998. – 203 p.
115. Bucholtz M, Hall K. *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self*. – New York, 1995. – 509 p.
116. Burr E., Dunn S. *The Language of Inequality* / E. Burr, S. Dunn // *A Review of General Semantics*, 1972. – Vol.29. – №4. – P. 414-416.
117. Butler J. *Gender Trouble* / Judith Butler. – London 2002. – 256 p.
118. Byerly M. *The Palgrave International Handbook of Women and Journalism*. – Palgrave Macmillan UK, 2013. – P. 178.
119. Cameron D. *Feminism and Linguistic Theory* / Deborah Cameron, Palgrave Macmillan UK, 1992. – 257 p.
120. Christie C. *Gender and language: towards a feminist pragmatics*, Edunburgh University Press, 2000. – 202 p.
121. Curzan A. *Gender Shifts in the History of English*. – NY: Cambridge University Press, 2003. – 237 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.questia.com/library/119618184/gender-shifts-in-the-history-of-english> (дата обращения: 09.03.18).

122. Delap L., DiCenzo M. *Feminist Media History Suffrage, Periodicals and the Public Sphere*. – Palgrave Macmillan UK, 2011. – 239 p.
123. Eccles Ch. *Experiences of a woman journalist* // *Blackwood's Edinburgh Magazine*, June 1893. – P. 830-838.
124. *Fascinating Women: Rachel Beer, the First Lady of Fleet Street* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.edwardianpromenade.com/women/fascinating-women-rachel-beer/ (дата обращения: 09.03.18).
125. *Five things about women in the press* // *BBC Magazine* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/magazine-20554942> (дата обращения: 09.03.18).
126. Franklin C. *Marketing Edwardian Feminism: Dora Marsden, votes for women and the freewoman*, / C. Franklin // *Women's History Review*, 2002. – 11:4. – P. 631-642.
127. Franks S. *Women and Journalism*. – London I.B. Tauris, 2013. – 85 p.
128. Graham A. *The Making of a Non-Sexist Dictionary* / A. Graham // *A Review of General Semantics*, 1974. – Vol.31. – №1. – P. 57-64.
129. Gray E. *Women in Journalism at the Fin de Siècle: Making a Name for Herself*. – Palgrave Macmillan, 2012. – 240 p.
130. Green B. *Mediating Women: Evelyn Sharp and the Modern Media Fictions of Suffrage* / B. Green // *The History of British Women's Writing, 1880-1920*. Palgrave Macmillan UK, 2016. – P. 72-83.
131. *Guidelines for Inclusive Language 2016* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.linguisticsociety.org/resource/guidelines-inclusive-language> (дата обращения: 09.03.18).
132. *Guidelines for Non-Sexist Usage 1996* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.linguisticsociety.org/resource/lisa-guidelines-nonsexist-usage> (дата обращения: 09.03.18).
133. Guimei H. *An Analysis of Sexism in English* / H. Guimei // *Journal of Language Teaching and Research* 2010. – Vol. 1. – No. 3. – P. 332-335.

134. Harmer E. Gendered election coverage: the representation of women in British newspapers, 1918-2010. Doctoral Thesis, Loughborough University UK, 2012. – 315 p.
135. Harris Z. Discourse Analysis / Z. Harris // *Language*, 1952. – Vol 28. – №1. – P. 1-30.
136. Heyes D. Discovering Literature: 20th century [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bl.uk/20th-century-literature/articles/the-hogarth-press> (дата обращения: 09.03.18).
137. How schools shortchange girls / American Association of University Women Educational Foundation. – New York, 1992. – 220 p.
138. Hudson P Women's Work [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/history/british/victorians/womens_work_01.shtml (дата обращения: 09.03.18).
139. Hughes K. Gender Roles in the 19th Century. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/gender-roles-in-the-19th-century> (дата обращения: 09.03.18).
140. Jespersen O. *Language, Its Development And Origin*. London: George Allen And Unwin, 1922. – 456 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2350913_3/component/file_2350912/content (дата обращения: 09.11.16).
141. John A.V. Behind the Locked Door': Evelyn Sharp, suffragette and rebel journalist / A.V. John // *Women's History Review*, 2003. – Volume 12. – №1. – P. 5-13.
142. Journalism.co.uk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.journalism.co.uk/news/throwback-thursday-in-2010-women-were-significantly-underrepresented-and-misrepresented-in-the-media-where-are-we-now-/s2/a710896/> (дата обращения: 09.03.18).
143. Kajino S. *Sociophonetic Variation at the Intersection of Gender, Region and Style in Japanese Female Speech / Dissertation of Doctor of Philosophy in Linguistics*. – Georgetown University, 2014. – 320 p.

144. Karabulatova I. Gender Features of Discourse in Women's Literature as a Reflection of Changes in the Modern Society / I. Karabulatova // *Mediterranean Journal of Social Sciences* MCSER Publishing. Rome, Italy, 2015. – Vol. 6. – №3. – P. 476-481.
145. Kitzinger C. Conversation analysis and gender and sexuality // Carol A. *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. – Oxford, U.K., 2013. P. 996-1000.
146. Klein J. Avoiding Sexist Language Selves [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hamilton.edu/academics/centers/writing/writing-resources/avoiding-sexist-language> (дата обращения: 09.03.18).
147. Kramarae Ch, Spender D. *Routledge International Encyclopedia of Women: Global Women's Issues and Knowledge* / Cheris Kramarae, Dale Spender. – Routledge Taylor and Francis Group, 2000. – 2050 p.
148. Kramer C.R. *Women's and Men's Perception of Female and Male Speech*. Ph.D. dissertation. – University of Illinois, 1975. – 210 p.
149. Laird H. *The History of British Women's Writing, 1880-1920*. – Palgrave Macmillan UK, 2016. – 315 p.
150. Lakoff G., Johnsen M. *Metaphors We Live By*. – London: The University of Chicago press, 1980. – 198 p.
151. Lakoff R. *Language and Woman's Place* / R. Lakoff // *Language in Society*, 1973. – Vol. 2. – No. 1. – P. 45-80.
152. Levin D. *Who Is Who: Pronouns, Gender, and Merging Selves* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lareviewofbooks.org/article/who-is-who-pronouns-gender-and-merging-selves/#> (дата обращения: 09.03.18).
153. Linton E.L. *The Girl of the Period and Other Social Essays, Vol. I (of 2)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/41735/41735-h/41735-h.htm> (дата обращения: 09.03.18).
154. Lippman W. *Public Opinion*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wps.pearsoncustom.com/wps/media/objects/2429/2487430/pdfs/lippmann.pdf> (дата обращения: 09.03.18).

155. Litosselitti L. *Gender and Language: Theory and Practice*. – London : Hodder Arnold, 2006. – 200 p.
156. Maingueneau D. *Initiation aux méthodes de l'analyse du discours*. – Paris, Hachette Université, 1991. – 268 p.
157. McCloskey D. *Paid Work*. // Ina Zweiniger-Bargielowska, ed., *Women in Twentieth-Century Britain: Economic, Social and Cultural Change*. London: Longman/Pearson Education, 2001. – P. 165-179.
158. McLaughlin H., Uggen C., Blackstone A. *Sexual Harassment, Workplace Authority, and the Paradox of Power* // *American Sociological Review*, 2012. – Vol. 77. – Issue 4. – August 2012. – P. 625-647.
159. McLuhan M. *Understanding Media* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://robynbacken.com/text/nw_research.pdf (дата обращения: 09.03.18).
160. *Men's Health* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mhealth.ru> (дата обращения: 09.03.18).
161. Mendoza-Denton N. *Pregnant Pauses: Silence and Authority in the Anita Hill–Clarence Thomas Hearings* // *Gender Articulated* M. Bucholtz, K. Hall. New York: Routledge, 1995. – P. 51-65.
162. Meyerowitz J. *A History of «Gender»* / J. Meyerowitz // *The American Historical Review*, 2008. – №5. – P. 1346-1356.
163. Michard C. *Le Sexe en linguistique. Sémantique ou zoologie?* / C. Michard. – Paris: L'Harmattan, 2002. – 159 p.
164. Miller C, Swift K. *The Handbook of Non-Sexist Writing*. / C.Miller, K.Swift. – University of Minnesota, 1980. – 134 p.
165. Myers R. *General History of Women's Suffrage in Britain* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/general-history-of-women-s-suffrage-in-britain-8631733.html> (дата обращения: 09.03.18).
166. Negev E., Koren Y. *The First Lady of Fleet Street* / E.Negev, Y.Koren. – New York: Bantam Books, 2011. – 368 p.

167. Nightingale F. *Cassandra and Other Selections from Suggestions for Thought* / F. Nightingale. – New York: New York UP, 1992. – P. 205-232.

168. *Not Trendy Bodies* // HerCampus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hercampus.com/school/san-francisco/not-trendy-bodies> (дата обращения: 09.03.18).

169. Owens J., Haves T. *Language choice and the representation of women and men in two British newspapers* // *Journalism and Discourse Studies* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jdsjournal.net/uploads/2/3/6/4/23642404/owens_and_haves_-_jdsjournal_-_vol_1_issue_1.pdf (дата обращения: 09.03.18).

170. Podesva R. *Sociophonetics and sexuality: Toward a symbiosis of sociolinguistics and laboratory phonology* / R.Podesva // *American Speech*, 2011. – 86.1. – P. 6-13.

171. Pogontseva D. *Paper Doll: The Formation of the Image of the Female Beauty* / D. Pogontseva // *GESJ:EducationSciences and Psychology*, 2012. – No.2(21). – P. 42-46.

172. Putnam H. *Mind, Language And Reality* / H.Putnam. – Cambridge University Press, 1979. – 476 p.

173. Quasthoff U. *The Use of Stereotype in Everyday Argument* / U. Quasthoff // *Journal of Pragmatics*, 1978. – P. 1-48.

174. Schulz R. Muriel. *How Serious Is Sex Bias in Language?* / M.R.Schultz // *College Composition and Communication*, 1975. – Vol. 26. – No. 2. – P.163-167.

175. Shapira Ch. *Les Stéréotypes: stéréotypes de pensée et stéréotypes de langue* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20140801398> (дата обращения: 09.03.18).

176. Shelley L. *Female Journalists and Journalism in fin-de-siècle Magazine Stories* / L. Shelley // *Nineteenth-Century Gender Studies*, 2009. – Issue 5.2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ijpc.org/uploads/files/Female%20Journalists%20Lorna%20Shelley.pdf> (дата обращения: 09.03.18).

177. Shipper M. *Never Marry a Woman With Big Feet: Women in Proverbs From Around The World* / M. Shipper. – Amsterdam University Press, 2006. – 350 p.

178. Shuman E. *The art and practice of journalism* / E.Shuman. – New York: Stephens & Hundy, 1899. – 243 p.

179. *Shutting Down Body Shaming* // *Psychology Today* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/nurturing-self-compassion/201710/shutting-down-body-shaming> (дата обращения: 09.03.18).

180. Simpson J. *Unreliable Sources: How the Twentieth Century Was Reported* / J.Simpson. – Pan Macmillan, 2010. – 356 p.

181. Speer S., Stokoe E. *Conversation and Gender* / S.A.Speer, E.Stokoe, Eds., Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2011. – P. 344.

182. Stankiewicz J., Rosselli F. *Women as Sex Objects and Victims in Print Advertisements* / J.Stankiewicz, F.Rosselli // *Sex Roles*, 2008. – №58. – P. 579-589.

183. Stoller R. J. *Sex and Gender* / R.Stoller. – London: Karnac books, 1984 – P. 5-6.

184. Talbot M. *Media Discourse: Representation and Interaction* / M.Talbot. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 198 p.

185. Tannen D. *The Handbook of Discourse Analysis* / D.Tannen. – Wiley-Blackwell, 2015 – 995 p.

186. *The Englishwoman's Review of Social and Industrial Questions 1906* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781315395173> (дата обращения: 09.03.18).

187. *The Freewoman: A Weekly Feminist Review* Marsden, Dora (editor) London: Stephen Swift and Co [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.modjournal.org/render.php?view=mjp_object&id=FreewomanCollection (дата обращения: 09.03.18).

188. *The History of Women's Studies* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://serendip.brynmawr.edu/exchange/lizj/history-womens-studies> (дата обращения: 09.03.18).

189. The Independent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk> (дата обращения: 09.03.18).

190. The National Archives. Living in 1901 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalarchives.gov.uk/pathways/census/living/making/women.htm> (дата обращения: 09.03.18).

191. The Statistics Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/413563/leading-newspapers-among-women-by-monthly-reach-uk/> (дата обращения: 09.03.18).

192. The Suffragette Newspaper 1913 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/suffragettes-online/the-suffragette-newspaper/> (дата обращения: 09.03.18).

193. The Woman Who Smashed The Glass Ceiling // The Daily Mail [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/femail/article-1372595/The-woman-smashed-glass-ceiling-In-age-women-didnt-vote-edited-TWO-Britains-venerable-newspapers.html> (дата обращения: 09.03.18).

194. Top 100 magazines [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/413563/leading-newspapers-among-women-by-monthly-reach-uk> (дата обращения: 09.03.18).

195. Victorian Secrets. Eliza Lynn Linton [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.victoriansecrets.co.uk/authors/eliza-lynn-linton-1822-98/> (дата обращения: 09.03.18).

196. Why are newspapers still run by men // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/greenslade/2014/sep/22/women-national-newspapers> (дата обращения: 09.03.18).

197. Winston B. Media Technology and Society: A History From the Telegraph to the Internet / B.Winston. – Taylor And Francis Group, 2003. – 389 p.

198. Wood J. Gendered Lives: Communication, Gender, and Culture / J.Wood. – Reprinted with permission of Wadsworth Publishing, 1994. – P. 231-244.

199. Zeal and Softness // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2008/dec/20/women-pressandpublishing> (дата обращения: 09.03.18).

200. Zimmer B. Hunting the Elusive First Ms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.visualthesaurus.com/cm/wordroutes/hunting-the-elusive-first-ms> (дата обращения: 09.03.18).

Словари и справочные издания

1. БСТС – Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (дата обращения: 20.01.18).

2. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

3. МКК – Словарь терминов межкультурной коммуникации / Сост. Жукова Н.Н., Лебедько М.Г. – М.: Флинта, 2013. – 629 с.

4. СГТ – Словарь гендерных терминов 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://www.owl.ru/gender/042.htm> (дата обращения: 09.03.18).

5. СПТ – Словарь психологических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/?id=2432 (дата обращения: 20.01.18).

6. Управление персоналом. Словарь-справочник [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://psyfactor.org/personal0.htm> (дата обращения: 09.03.18).

7. АНД – The American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: 11.03.18).

8. CED – Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 19.09.16).

9. Collins ED – Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 19.09.17).
10. Dictionary.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dictionary.com/browse/suffrage?s=t> (дата обращения: 20.01.18).
11. Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/The-Mirror-British-newspaper> (дата обращения: 20.01.18).
12. Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. Second edition. Oxford: Clarendon Press, 1926. – 725 p.
13. MacMillan Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 20.01.18).
14. Merriam-Webster Dictionary And Thesaurus [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 20.01.18).
15. OED – Online Etymology Dictionary.: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 20.01.18).
16. Oxford English Dictionary – A New English Dictionary on Historical Principles / A. N. James, C. Murray. – Oxford University Press, Unabridged, Vol. 9, 1933.
17. Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles / W. Little, H.W. Fowler, J. Coulson – Oxford University Press, Vol.3, 1937.
18. The Historical Thesaurus of English. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historicalthesaurus.arts.gla.ac.uk> (дата обращения: 20.01.18).
19. Thesaurus.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thesaurus.com> (дата обращения: 23.11.17).
20. Visuwords.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://visuwords.com/woman> (дата обращения: 02.03.19).
- 21.

Источники

1. Annual Summaries Reprinted from The Times. London, New York, Macmillan, 1893. – 898 p.
2. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.theguardian.com, <https://theguardian.newspapers.com> (дата обращения: 20.05.18).
3. The Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.thetimes.co.uk/, www.thetimes.co.uk/archive (дата обращения: 20.05.18).
4. The Times Annual Index 1910 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/ach3063.1910.001.umich.edu> (дата обращения: 20.05.18).